Изданіе журнала „Популярно-Научная библіотека“.

Ф. Энгельсъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА.

Пер. И. М. ДЕБУ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
книжный магазинъ „Трудъ“
С.-Петербургъ, Невскій, 60. || Москва, Тверская, 38.

233 ОЧК

Ф. ЭНГЕЛЬСЪ.

Происхожденіе семьи,

частной собственности и государства.

(По Моргану).

Переводъ **И. М. Дебу.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1906.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1299434

ИЗ КНИГ
СТЕПАНА САВВИЧА
КРИВЦОВА.

1144-23.VI.25.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе 1

I. Доисторическіе культурные періоды. 4

II. Семья 11

III. Родъ у Ирокезовъ. 38

IV. Греческій родъ. 56

V. Образованіе аѳинскаго государства 66

VI. Римскій родъ и римское государство 78

VII. Родъ у кельтовъ и германцевъ 86

VIII. Образованіе нѣмецкаго государства 99

IX. Варварство и цивилизація. 112

Эта книга есть, такъ сказать, исполненіе духовнаго завѣщанія. Никто иной какъ самъ Карлъ Марксъ взялъ на себя трудъ изложить результаты изысканій Моргана въ связи съ нашими, Маркса и отчасти моими, выводами изъ историческихъ изслѣдованій, произведенныхъ съ матеріалистической точки зрѣнія. Такимъ изложеніемъ Марксъ имѣлъ въ виду полнѣе освѣтить добытые Морганомъ результаты. Американскій ученый, на основаніи самостоятельныхъ изслѣдованій, пришелъ къ тому же матеріалистическому воззрѣнію на исторію, которое 40 лѣтъ тому назадъ высказалъ Марксъ въ Германіи, и это воззрѣніе привело обоихъ къ одинаковымъ выводамъ при сравненіи варварства съ цивилизаціей. И какъ цеховые политико-экономисты Германіи въ продолженіе многихъ лѣтъ списывали „Капиталъ“ Маркса, а о самомъ сочиненіи и его авторѣ умалчивали, такъ точно поступили англійскіе заправилы „доисторической“ науки съ сочиненіемъ Моргана „Ancient Society“ [1]). Моя работа не можетъ, конечно, замѣнить того, что представилъ бы мой покойный другъ, хотя я воспользовался по возможности оставшимися послѣ Маркса критическими замѣтками на сочиненіе Моргана.

---

[1]) Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, through Barbarism, to Civilisation. By Lewis H. Morgan. London. 1877. Авторъ умеръ въ восьмидесятыхъ годахъ.

Матеріалистическое воззрѣніе признаетъ за основной моментъ исторіи—поддержаніе и продолженіе непосредственной жизни, что выражается въ производствѣ жизненныхъ средствъ, т.-е. пищи, одежды, жилищъ и необходимыхъ для ихъ изготовленія орудій и въ воспроизведеніи потомковъ, въ продолженіи рода, такъ что общественныя учрежденія опредѣленнаго историческаго періода и опредѣленной страны обусловливаются съ одной стороны развитіемъ труда, съ другой—развитіемъ семейныхъ отношеній. Чѣмъ меньше развитъ трудъ, чѣмъ ограниченнѣе его количество, чѣмъ бѣднѣе общество, тѣмъ сильнѣе господство полового союза. Но въ обществѣ, основанномъ на такомъ союзѣ, постепенно увеличивается производительность труда, а съ нею вмѣстѣ частная собственность, обмѣнъ продуктовъ, различіе по богатству, присвоеніе одними рабочей силы другихъ и образуются отдѣльные классы, сословія. Народившіеся новые соціальные элементы въ продолженіе многихъ поколѣній хлопотливо трудятся приноровить существующія общественныя отношенія къ новымъ условіямъ, но несовмѣстимость одновременнаго существованія этихъ различныхъ элементовъ приводитъ къ полному разрушенію стараго. Основанное на половомъ союзѣ общество распадается при столкновеніи съ вновь народившимися общественными классами; мѣсто его заступаетъ новое общество, въ основаніе котораго положенъ не половой, а мѣстный союзъ, общество въ которомъ семейныя отношенія вполнѣ подчинены законамъ собственности. Въ новомъ обществѣ, государствѣ, развивается въ свою очередь противорѣчіе и борьба между классами. Это противорѣчіе и эта борьба составляютъ соержаніе всей *писанной* исторіи.

Великая заслуга Моргана въ томъ, что онъ объяснилъ и въ главныхъ чертахъ возстановилъ доисторическія основы нашей писанной исторіи и въ половомъ союзѣ сѣверо-американскихъ индійцевъ отыскалъ ключъ къ уразумѣнію важнѣйшихъ вопросовъ древнѣйшей греческой, римской и германской исторіи. Вопросы эти до него считались неразрѣшимыми.

Трудъ Моргана не эфемерное, однодневное созданіе. Онъ сорокъ лѣтъ работалъ надъ сырымъ матеріаломъ и лишь по истеченіи такого долгаго времени вполнѣ имъ овладѣлъ. Книга Моргана составляетъ эпоху въ наукѣ, а такая честь выпадаетъ на долю не многихъ сочиненій.

Въ послѣдующемъ изложеніи читатель легко отличитъ, по крайней мѣрѣ въ главномъ, что принадлежитъ Моргану отъ того, что мною добавлено. При обзорѣ исторіи Греціи и Рима я не ограничился изложеніемъ Моргана, но воспользовался всѣми сочиненіями по этому предмету, бывшими въ моемъ распоряженіи. Отдѣлъ о кельтахъ и германцахъ принадлежитъ почти исключительно мнѣ; Морганъ пользовался по этому вопросу источниками изъ вторыхъ рукъ, а относительно германцевъ—за исключеніемъ Тацита—почти исключительно слабыми либеральными передержками господина Фримана. Экономическіе выводы, для цѣлей Моргана, вполнѣ достаточны, но для моей они неудовлетворительны, и потому я заново обработалъ эту часть сочиненія. Наконецъ, на мнѣ лежитъ полная отвѣтственность за всѣ выводы, при которыхъ не оговорено, что они принадлежатъ Моргану.

I.

Доисторическіе культурные періоды.

Морганъ первый, на основаніи до сего времени собранныхъ данныхъ, сгруппировалъ факты и явленія человѣческой жизни доисторическаго времени, и эта группировка сохранитъ свое значеніе до тѣхъ поръ, пока новые факты не потребуютъ ея измѣненія.

Изъ трехъ главныхъ періодовъ: дикое состояніе, варварство и цивилизація, Морганъ, собственно говоря, обстоятельно изслѣдовалъ первые два и переходъ къ третьему. Каждый изъ первыхъ двухъ періодовъ онъ дѣлитъ на три отдѣла: низшій, средній и высшій, смотря по успѣхамъ въ производствѣ жизненныхъ средствъ, ибо, говоритъ Морганъ, „искусство въ этомъ производствѣ опредѣляетъ степень власти человѣка надъ силами природы; изъ всѣхъ живыхъ существъ одинъ только человѣкъ можетъ почти неограниченно увеличивать свои жизненныя средства, и съ ихъ умноженіемъ совпадаютъ главныя эпохи человѣческаго прогресса“. Развитіе семейныхъ отношеній лишь сопровождаетъ эти эпохи и не даетъ такихъ рѣзкихъ признаковъ, которые могли бы лечь въ основаніе дѣленія на періоды.

I. Дикое состояніе.

1. *Низшій отдѣлъ* этого періода соотвѣтствуетъ дѣтству человѣческаго рода, тому времени, когда человѣкъ жилъ въ лѣсахъ подъ и около тропиковъ и большею частью на

деревьяхъ. Послѣднимъ объясняется, почему онъ не погибъ среди хищныхъ звѣрей. Онъ питался плодами, орѣхами, корнями.— Главное событіе этого времени — *выработка членораздѣльной рѣчи.* Исторія не застала человѣка въ этомъ первобытномъ состояніи, хотя оно длилось тысячелѣтія, и потому мы не имѣемъ о немъ непосредственнаго свидѣтельства, но, допуская происхожденіе человѣка отъ животнаго, необходимо принять и описываемое состояніе.

2. *Средній отдѣлъ* начинается съ открытія способа добывать огонь и увеличенія продовольственныхъ средствъ рыбою (причисляя сюда раковъ, молюсковъ и другихъ водяныхъ животныхъ). Эти оба жизненные фактора связаны между собою, такъ какъ наибольшая польза рыбной пищи въ зависимости отъ огня. Этотъ новый родъ пищи значительно уменьшилъ зависимость человѣка отъ климата и мѣстности; передвигаясь по рѣкамъ и ихъ берегамъ, онъ разселился почти по всей земной поверхности. Объ этомъ разселеніи свидѣтельствуютъ находимые во всѣхъ частяхъ свѣта однообразные, грубо выдѣланные, неполированные каменные инструменты древняго каменнаго палеолитическаго вѣка, которые почти всѣ относятся къ среднему отдѣлу дикаго состоянія. Разнообразіе природы и ея произведеній во вновь занятыхъ мѣстахъ и стремленіе къ новымъ открытіямъ, вмѣстѣ съ возможностію добывать огонь треніемъ, доставили человѣку новый родъ пищи: крахмальные корни и шишки; ихъ пекли въ горячей золѣ или въ земляныхъ печахъ (ямахъ). Съ изобрѣтеніемъ же перваго оружія — дубина и копье— случайнымъ придаткомъ къ пищѣ дикаря стала дичина. *Исключительно* охотничьихъ народовъ, какъ ихъ описываютъ въ разныхъ книжкахъ, т.-е. такихъ, которые живутъ *только* охотою, не было и не могло быть по той простой причинѣ, что успѣхъ охоты не обезпеченъ. Вообще въ продолженіе этого отдѣла продовольствіе не было обезпечено, вслѣдствіе чего проявилось и долго продержалось людоѣдство. Австралійцы и многіе Полинезійцы и нынѣ находятся на этой средней ступени періода дикости.

3. *Высшій отдѣлъ* начинается изобрѣтеніемъ лука и

стрѣлы, вслѣдствіе чего дичина изъ случайной дѣлается постоянной пищей, а охота нормальнымъ трудомъ. Лукъ, тетива и стрѣлы весьма сложный инструментъ; изобрѣтеніе его было возможно лишь при значительномъ накопленномъ опытѣ, изощреннымъ размышленіемъ ума и послѣ многихъ предшествовавшихъ открытій. У племенъ, знакомыхъ съ лукомъ и стрѣлой, встрѣчаются уже зарождающіеся поселки, до нѣкоторой степени правильное производство продовольственныхъ веществъ, деревянная посуда, ручное тканье (безъ станка) лыковыхъ волоконъ, плетенныя корзики изъ тростника и лыка, полированные (неолитическіе) каменные инструменты. Въ это же время огонь и каменный топоръ дали возможность выдалбливать лодки и приготовлять бревна и доски для постройки домовъ. Въ такомъ состояніи нынѣ живутъ, напр., индійцы сѣверо-западной Америки; они употребляютъ стрѣлу и лукъ, но не знаютъ гончарнаго производства, составляющаго, по Моргану, переходъ къ варварству. Для дикаря лукъ и стрѣла то же, что для варвара желѣзный мечъ, а для цивилизованнаго ружье; все это орудія прогресса.

---

2. Варварство.

1. *Низшій отдѣлъ* этого періода начинается съ изобрѣтенія гончарнаго искусства. Оно, какъ достовѣрно извѣстно, во многихъ случаяхъ, а можетъ быть и во всѣхъ, явилось вслѣдствіе потребности въ несгораемой утвари. Для сего вначалѣ покрывали глиной деревянную посуду, а потомъ прямо формовали ее изъ глины, безъ внутренняго деревяннаго остова.

Разсмотрѣнный нами первый періодъ не зависѣлъ отъ мѣстности и одинаковъ для всѣхъ племенъ, живущихъ въ дикомъ состояніи. Съ варварствомъ же наступаетъ такой періодъ, въ которомъ обозначается различіе между двумя большими континентами. Характеристичный моментъ періода варварства—укрощеніе и прирученіе животныхъ и воздѣлываніе растеній. Но въ то время какъ на восточномъ континентѣ, т.-е. въ Старомъ Свѣтѣ, водились почти всѣ способныя къ прирученію животныя и рос-

ли, за исключеніемъ одного, всѣ способные къ культурѣ злаки, на западномъ континентѣ, въ Америкѣ, изъ млекопитающихъ только лама, живущая въ нѣкоторыхъ частяхъ южнаго континента, могла быть приручена, и лишь маисъ сдѣлался культурнымъ растеніемъ, вслѣдствіе такого различія въ природныхъ условіяхъ, жители каждаго полушарія развивались особымъ путемъ, и разграниченіе отдѣловъ этого періода не одинаково для обоихъ полушарій.

2. *Средній отдѣлъ* варварства начинается на восточномъ полушаріи прирученіемъ домашнихъ животныхъ, культурою, при посредствѣ орошенія, пищевыхъ растеній и употребленіемъ на постройку кирпича сырца и камня.

Мы начнемъ съ западнаго полушарія, потому что ни одинъ народъ этого полушарія, до завоеванія Америки европейцами, не перешелъ этой ступени варварства.

При появленіи европейцевъ, американскіе индійцы, жившіе къ востоку отъ Миссисипи, переживали высшую ступень варварства. Они имѣли огороды съ маисомъ и, кажется, съ тыквами, арбузами и др. овощами; эти растенія составляли существенную часть ихъ пищи. Они жили въ деревянныхъ домахъ, въ селеніяхъ, окруженныхъ тыномъ.—Племена сѣверозападныхъ индійцевъ, особенно бассейна р. Колумбіи, находились на высшей ступени періода дикости. Они не знали ни гончарнаго дѣла, ни культуры растеній.—Индійцы же изъ Пуэбло въ новой Мексикѣ, мексиканцы, перуанцы и жители центральной Америки во время европейскаго завоеванія достигли уже средняго отдѣла варварства. Они жили въ домахъ изъ кирпича-сырца или камня, построенныхъ въ видѣ крѣпостей, воздѣлывали на искусственно орошаемыхъ плантаціяхъ маисъ и др. растенія, смотря по климату и мѣстности, и эти растенія составляли ихъ главную пищу. Эти племена приручили также нѣкоторыхъ животныхъ, мексиканцы—индѣйскаго пѣтуха и др. птицъ, перуанцы—ламу. Они умѣли также обрабатывать металлы, за исключеніемъ желѣза, но въ общемъ употребляли каменные инструменты и оружіе. Испанское завоеваніе остановило дальнѣйшее развитіе этихъ народовъ.

На восточномъ полушаріи средняя ступень варварства началась съ приученія животныхъ, доставляющихъ человѣку молоко и мясо; культура же растеній, кажется, не была извѣстна почти до самаго конца этого отдѣла. Укрощеніе и приученіе животныхъ и образованіе большихъ стадъ, повидимому, послужило поводомъ къ выдѣленію изъ массы варваровъ арійцовъ и семитовъ. Поэтому у европейскихъ и азіатскихъ арійцевъ имена животныхъ одинаковы, культурныхъ же растеній различны.

Образованіе стадъ повело къ пастушеской жизни въ удобныхъ для этого мѣстахъ; такъ жили семиты въ степяхъ между Тигромъ и Ефратомъ, арійцы въ степяхъ Индіи, Оксуса, Эксарта, Дона и Днѣпра. На границѣ этихъ пастбищныхъ равнинъ былъ впервые приученъ домашній скотъ. Позднѣйшія поколѣнія считали эти мѣста за колыбель человѣческаго рода, тогда какъ тутъ едва ли могли жить не только дикіе, но даже варвары низшаго отдѣла, предки пастушескихъ племенъ. Это было такъ же невозможно, какъ немыслимо возвращеніе послѣднихъ, привыкшихъ жить въ привольныхъ степяхъ, въ лѣсныя области, въ которыхъ ихъ предки были какъ у себя дома. Когда арійцевъ и семитовъ потѣснили къ сѣверу и западу, то они только потому могли поселиться въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ восточной Европы и западной Азіи, что воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній дало имъ возможность прокормить и особенно продержать зиму свои стада въ странахъ, мало благопріятныхъ для пастушеской жизни. Поэтому весьма вѣроятно, что зерновой хлѣбъ служилъ сперва кормомъ для животныхъ и только впослѣдствіи сталъ пищею человѣка.

Избытокъ мяса и молока и въ особенности благопріятное дѣйствіе этой пищи на развитіе дѣтей были, вѣроятно, причиною культурнаго развитія арійцевъ и семитовъ. Мозгъ индійцевъ Пуэбло, питающихся исключительно растительною пищею, меньшаго объема, чѣмъ мозгъ индійцевъ, стоящихъ на низшей степени варварства, но употребляющихъ въ пищу мясо и рыбу.— Въ разсматриваемомъ отдѣлѣ варварства мало-по-малу исчезаетъ людоѣдство. Оно сохраняется только въ религіозныхъ

обрядахъ, или, что въ этомъ случаѣ безразлично, служитъ для волшебства.

3. *Высшій отдѣлъ* варварства начинается изобрѣтеніемъ способа плавленія желѣзной руды и переходитъ въ цивилизацію съ изобрѣтеніемъ буквеннаго письма и примѣненіемъ его къ записыванію литературныхъ произведеній. Этотъ отдѣлъ, какъ выше было замѣчено, развился самостоятельно только въ восточномъ полушаріи. Онъ богаче всѣхъ предшествующихъ періодовъ и отдѣловъ успѣхами въ производительности. Сюда относятся греки героическаго времени, италійскія племена незадолго до основанія Рима и германцы Цезаря (или, лучше, Тацита).

Волы, запряженные въ плугъ, сдѣланный изъ желѣза, дали возможность обрабатывать землю въ большихъ размѣрахъ, перейти къ *полеводству* и, при тогдашнихъ условіяхъ, неограниченно умножать жизненныя средства. Желѣзный топоръ и желѣзный заступъ были употреблены на вырубку лѣса и очищенное пространство обращено въ пашню или въ луга. Одновременно съ этими успѣхами въ производствѣ быстро увеличилось народонаселеніе и скучилось на небольшихъ пространствахъ. До полеводства едва ли были случаи, чтобы нѣсколько сотъ тысячъ людей жили подъ одной центральной властью.

Цвѣтущее время высшаго отдѣла варварства изображено въ поэмахъ Гомера, преимущественно въ Иліадѣ. Сложныя желѣзныя орудія, кузнечный мѣхъ, ручная мельница, гончарный кругъ, приготовленіе вина и оливковаго масла, металлическое производство, доведенное до степени искусства обыкновенная и военная колесница, корабли изъ толстыхъ досокъ и брусьевъ, начатки архитектурнаго искусства, города, окруженные стѣнами съ зубцами и башнями, гомеровскій эпосъ и миѳологія—вотъ, въ главныхъ чертахъ, наслѣдство, которое греки варварскаго періода принесли цивилизаціи. Сравнивъ гомеровскую поэму, изображающую послѣднее время высшаго отдѣла варварства, съ описаніемъ жизни германцевъ въ началѣ этого отдѣла у Цезаря и Тацита, ясно увидимъ, какъ сильно развилась производительность во время высшаго періода варварства.

Картина перехода человѣчества изъ дикаго состоянія и варварства къ цивилизаціи, которая здѣсь вкратцѣ очерчена по Моргану, представляетъ много новаго и, что еще важнѣе, безспорнаго, такъ какъ характерныя черты этой картины заимствованы непосредственно изъ области производства жизненныхъ средствъ. Но она покажется слабой и неполной въ сравненіи съ той картиной, которая развернется передъ нами въ концѣ нашего странствованія; только тогда можно будетъ представить въ полномъ свѣтѣ переходъ отъ варварства къ цивилизаціи и рѣзкій контрастъ между ними.—Но уже и теперь мы можемъ обобщить моргановское дѣленіе; дикое состояніе—періодъ присвоенія готовыхъ произведеній природы; искусственныя орудія, придуманныя человѣкомъ, служатъ преимущественно этому усвоенію. Варварство—періодъ скотоводства и земледѣлія, примѣненія человѣческаго труда къ обработкѣ естественныхъ продуктовъ. Цивилизація—періодъ распространенія обработки естественныхъ продуктовъ, возникновеніе настоящихъ промышленности и искусства.

II.

Семья.

Морганъ большую часть своей жизни провелъ между осѣдлыми ирокезами штата Нью-Іоркъ. Онъ даже считался членомъ одного изъ колѣнъ этого племени, колѣна Seneka. Живя между ними, онъ замѣтилъ, что у нихъ система обозначенія родственныхъ отношеній не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ родственнымъ отношеніямъ. Они жили въ томъ обоюдо легко расторжимомъ супружествѣ, которое Морганъ называетъ случной семьей (Paarungsfamilie).

Въ такой семьѣ легко опредѣляются родственныя отношенія, тутъ не можетъ быть сомнѣнія, кого слѣдуетъ называть отцомъ, матерью, сыномъ, дочерью, братомъ, сестрой. Между тѣмъ ирокезъ не только своихъ дѣтей называетъ сыномъ, дочерью, но даетъ тоже имя и дѣтямъ своихъ братьевъ, а тѣ зовутъ его отцомъ. Дѣтей же своихъ сестеръ онъ называетъ племянниками и племянницами, а они его—дядей. Наоборотъ, ирокезка называетъ какъ своихъ дѣтей, такъ и дѣтей своихъ сестеръ сыновьями и дочерьми, а тѣ зовутъ ее матерью. Дѣтей же своихъ братьевъ она зоветъ племянниками и племянницами, а тѣ ее теткой. Дѣти родныхъ братьевъ—братья и сестры между собою, точно также и дѣти родныхъ сестеръ. Дѣти же родныхъ сестры и брата между собою двоюродные братья и сестры. И эти обозначенія не

пустое имя, а выраженіе дѣйствительно существующаго воззрѣнія на близость и отдаленность, равенство и неравенство кровнаго родства, и они служатъ основаніемъ подробно выработанной системѣ обозначенія родства, посредствомъ которой можно выразить сотню различныхъ семейныхъ отношеній одного лица. Такая система существуетъ не только у всѣхъ американскихъ индійцевъ (до сихъ поръ не извѣстно ни одного исключенія), но ее мы встрѣчаемъ и у первобытныхъ жителей Индіи, у дравидійцевъ въ Деканѣ и у горасовъ въ Индостанѣ. Обозначеніе родства у южно-индійскихъ Томиловъ и у Seneka—ирокезовъ Нью-Іорка, совпадаютъ болѣе чѣмъ въ двухстахъ случаяхъ. Но у тѣхъ и у другихъ родственныя отношенія, вытекающія изъ существующей формы семьи, не согласуются съ системою обозначенія родства.

Какъ же это объяснить? Въ общественномъ устройствѣ дикихъ и варваровъ родство играетъ такую крупную роль, что отдѣлаться ничего незначащимися фразами отъ объясненія значенія этого факта невозможно. Система, дѣйствующая во всей Америкѣ, присущая племенамъ совсѣмъ другой расы въ Азіи, встрѣчающаяся, хотя въ болѣе или менѣе измѣненной формѣ, повсюду въ Африкѣ и Австраліи, требуетъ историческаго объясненія, и къ ней нельзя такъ поверхностно относиться, какъ отнесся, напримѣръ, Макъ-Ленанъ. У этихъ народовъ названія отецъ, мать, сынъ, дочь, братъ, сестра не почетный титулъ, съ ними соединены опредѣленныя важныя обязанности, сводъ которыхъ составляетъ существенную часть общественнаго уложенія. Кромѣ того еще въ началѣ текущаго столѣтія на Сандвичевыхъ островахъ (Гаваи) существовала такая форма семьи, въ которой названія отецъ и мать, братъ и сестра, сынъ и дочь, дядя и тетка, племянникъ и племянница дѣйствительно, на дѣлѣ, соотвѣтствовали американской и древне-индусской системѣ обозначенія родства.

Но замѣчательно! Система обозначенія родства на Гаваи тоже не согласовалась съ существовавшею въ то время формою семьи. По этой системѣ всѣ безъ исключенія дѣти родныхъ братьевъ и сестеръ—братья и сестры между собою и

считаются общими дѣтьми не только своихъ матерей и ихъ сестеръ или своихъ отцовъ и ихъ братьевъ, но всѣхъ сестеръ и братьевъ своихъ родителей, безъ различія. Какъ американская система обозначенія родства заставляетъ предполагать (и это предположеніе въ дѣйствительности подтвердилось) болѣе примитивную форму семьи, уже исчезнувшую въ Америкѣ, но которую мы встрѣтили на Гаваи, такъ система обозначенія родства на Гаваи указываетъ на еще болѣе древнюю форму семьи, тоже исчезнувшую въ настоящее время, но которая *должна* была существовать, ибо иначе нельзя объяснить происхожденіе соотвѣтствующей этой формѣ семьи системы обозначенія родства. „Семья“, говоритъ Морганъ, „элементъ активный, дѣятельный, семья не остается неподвижной, а развивается, переходя изъ низшей въ высшую форму, соотвѣтственно соціальному развитію. Система же обозначенія родства элементъ пассивный; только по прошествіи длиннаго промежутка времени отмѣчается въ ней тотъ прогрессъ, который совершился въ формѣ семьи, и только тогда она радикально измѣняется, когда это радикальное измѣненіе уже давно завершило перемѣну въ формѣ семьи“.— „И“, прибавляетъ Марксъ, „то же бываетъ съ политическими, юридическими, религіозными и философскими системами“.— Въ то время, какъ семья живетъ и развивается, система обозначенія родства окостенѣваетъ, и форма семьи переростаетъ эту систему. Но съ такой же увѣренностью, какъ Кювье по обломку кости, найденному около Парижа, заключилъ, что эта кость сумчатаго животнаго и что эти исчезнувшія животныя въ давно минувшее время жили на томъ мѣстѣ, гдѣ найдена эта кость, съ такою же увѣренностью изъ дошедшей до насъ системы обозначенія родства можно заключить о существованіи соотвѣтствующей ей и нынѣ исчезнувшей формы семьи.

Упоминаемыя системы обозначенія родства и формы семьи отличаются отъ нынѣ принятыхъ тѣмъ, что въ прежнихъ каждый ребенокъ называлъ (считалъ) отцомъ и матерью многихъ. Въ американской системѣ родственныхъ отношеній,

которой соотвѣтствуетъ гавайская форма семьи, братья и сестры не могутъ называться отцомъ и матерью однихъ и тѣхъ же дѣтей, но гавайская система обозначенія родства предполагаетъ существованіе такой формы семьи, при которой это допускалось. Разсмотрѣнныя нами формы семьи противорѣчатъ обыкновенно принимаемымъ. Обыкновенно признаютъ лишь единобрачіе (моногамію) и какъ исключеніе многоженство (полигамію), какъ рѣдкость многомужество (поліандрію), но при этомъ, конечно, умалчиваютъ, какъ подобаетъ морализирующимъ филистерамъ, что въ дѣйствительности единобрачіе, молча, но безцеремонно, не соблюдается. Изученіе же доисторической жизни человѣчества указываетъ на такія времена, когда мужья жили въ многоженствѣ, а ихъ жены въ то же время въ многомужествѣ, дѣти же принадлежали имъ всѣмъ, были общими. Переходъ отъ этого состоянія къ единобрачію сопровождался цѣлымъ рядомъ измѣненій, которыя состояли въ томъ, что первоначальный обширный кругъ семейнаго сожитія постепенно суживался и дошелъ до одной пары, до единобрачія,—форма, нынѣ преобладающая.

Реставрировавъ на вышеприведенныхъ данныхъ исторію семьи, Морганъ пришелъ къ тому же выводу, къ которому пришло большинство ученыхъ, занимавшихся этимъ предметомъ, а именно, что въ первобытномъ состояніи человѣческаго общества господствовала полная свобода половыхъ отношеній въ предѣлахъ опредѣленнаго племени, такъ что въ немъ каждая женщина принадлежала каждому мужчинѣ и каждый мужчина каждой женщинѣ. Бакофенъ первый открылъ такое состояніе *). Изъ этого состоянія и, вѣроятно, весьма рано развилась:

*) Но Бакофенъ неправильно понялъ то, что онъ открылъ или, вѣрнѣе, угадалъ, что видно изъ того, что это свободное половое сожитіе онъ назвалъ *гетеризмомъ*. Этимъ именемъ греки называли любовную связь холостыхъ или въ единобрачіи живущихъ мужчинъ съ незамужними женщинами. Слѣдовательно гетеризму предшествовало установленіе опредѣленной формы брака, внѣкотораго совершалась упомянутая связь, и

1. *Кровородственная семья*, первая органическая форма общества и начало семьи. Здѣсь брачныя группы раздѣляются по поколѣніямъ: въ границахъ такой семьи, всѣ дѣды и бабки между собою мужья и жены, такъ же и ихъ дѣти, отцы и матери; дѣти этихъ послѣднихъ составляютъ третью группу общихъ супруговъ, а ихъ дѣти, правнуки первой группы, образуютъ четвертую группу. Слѣд., въ этой формѣ семьи исключаются отъ права и обязанностей брака (какъ теперь бы сказали) лишь предки и потомки, родители и дѣти. Братья и сестры, родные и двоюродные первой, второй и дальнѣйшихъ степеней всѣ братья и сестры, а *потому* мужья и жены между собою. При такой семьѣ родственныя отношенія между братомъ и сестрой распростаняются и на половую связь. Семья этого типа состоитъ изъ потомковъ первой пары, которые между собою братья и сестры, и изъ дальнѣйшихъ потомковъ, изъ которыхъ каждое поколѣніе тоже между собою братья и сестры, а потому мужья и жены.

Кровородственная семья вымерла. Она не встрѣчается теперь и у самыхъ дикихъ народовъ, но что такія семейныя отношенія дѣйствительно существовали, то это доказываетъ гавайская, во всей Полинезіи до сихъ поръ принятая, система обозначенія родства, въ которой ясно выражается кровное родство всѣхъ членовъ семьи, возможное лишь при формѣ кровородственной семьи. Безъ этой формы необъяснимо дальнѣйшее развитіе семьи.

2. *Пуналуа-семья.* Первое прогрессивное измѣненіе въ организаціи половыхъ отношеній состояло въ исключеніи изъ такового сожитія родителей и ихъ дѣтей, второе—въ исключеніи братьевъ и сестеръ. Послѣднее измѣненіе имѣло весьма

вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность проституціи. Въ другомъ смыслѣ это слово никогда не употреблялось. Морганъ и я оставляемъ за нимъ его настоящее значеніе. Весьма важныя открытія Бакофена до невозможности затумануваются его предположеніемъ, что основаніе историческаго развитія между женщиной и мужчиной не въ дѣйствительныхъ жизненныхъ условіяхъ, а въ религіозныхъ представленіяхъ человѣка.

важное значеніе и ввести его было труднѣе, чѣмъ первое, потому что въ этомъ случаѣ исключались изъ полового сожитія лица болѣе или менѣе одинаковаго возраста. Это измѣненіе утвердилось постепенно; въ началѣ только въ извѣстныхъ случаяхъ не допускались въ половой союзъ единоутробные братья и сестры (т.-е. съ материнской стороны), затѣмъ мало-помалу это сдѣлалось общимъ правиломъ (хотя въ Гаваи встрѣчались изъятія даже въ настоящемъ столѣтіи, и, наконецъ, это запрещеніе распространили на дѣтей, внуковъ и правнуковъ единоутробныхъ братьевъ и сестеръ. Это измѣненіе, по Моргану, прекрасно иллюстрируетъ дѣйствіе естественнаго подбора, ибо несомнѣнно, что племена, у коихъ половое сожитіе ограничено послѣднимъ измѣненіемъ, быстрѣе и всестороннѣе развиваются, чѣмъ племена, сохранившія половой союзъ между братьями и сестрами. Могучее дѣйствіе этого измѣненія обнаружилось въ непосредственно изъ него вышедшемъ родовомъ бытѣ, основѣ соціальнаго устройства почти всѣхъ варварскихъ народовъ. Изъ этого быта греки и римляне прямо перешли въ цивилизацію.

Эта первичная семья дѣлилась чрезъ нѣсколько поколѣній. А какъ первобытное коммунистическое хозяйство требовало семейнаго союза извѣстной величины, различной при неодинаковыхъ условіяхъ, но для каждаго мѣста довольно опредѣленной, то, когда укрѣпилось понятіе о непристойности половыхъ сношеній между единоутробными дѣтьми, оно осталось безъ вліянія на раздѣленіе прежнихъ и образованіе новыхъ хозяйствъ (которыя могли и не совпадать съ семейною группою. Одно или нѣсколько поколѣній сестеръ составили зерно одного хозяйства, ихъ единоутробные братья зерно другого. Такъ или подобно этому образовалась изъ кровородственной формы семья, которую Морганъ назвалъ пуналуа-семьей (семьей товарищей). По гавайскому обычаю извѣстное число сестеръ, единоутробныхъ или не столь близкаго родства (двоюродныя сестры первой, второй и болѣе отдаленной степени), были общими женами мужей, изъ числа которыхъ исключались ихъ братья; эти мужья называли одинъ другого не бра-

томъ, и въ дѣйствительности они не были братьями, а *пуналуа*, близкій товарищъ. Такимъ же образомъ единоутробные или не столь близкаго родства братья имѣли общихъ женъ, только не своихъ сестеръ, и эти жены называли одна другую тоже *пуналуа*. Вотъ классическій типъ семьи этого рода. Онъ впослѣдствіи измѣнялся, но характерную черту его составляло: общность мужей и женъ въ опредѣленной семейной группѣ, изъ которой исключались братья женъ и сестры мужей, сперва единоутробные, а потомъ и болѣе дальняго родства.

Въ этой формѣ семьи степени родства вполнѣ соотвѣтствуютъ американской системѣ обозначенія родственныхъ отношеній. Дѣти сестеръ моей матери и ея дѣти, дѣти братьевъ моего отца и его дѣти, и всѣ они мои братья и сестры. Но дѣти братьевъ моей матери ей племянники и племянницы; дѣти сестеръ моего отца ему племянники и племянницы, и всѣ они мои двоюродные братья и сестры. Въ то время, когда еще мужья сестеръ моей матери были и ея мужьями, а жены братьевъ моего отца и его женами, если не въ дѣйствительности, то по праву,—общественное неодобреніе половыхъ сношеній между братьями и сестрами раздѣлило дѣтей братьевъ и сестеръ, прежде безразличныхъ, на два класса: одни, какъ и прежде, остались братьями и сестрами между собою (неединоутробными); другіе, съ одной стороны дѣти братьевъ и съ другой сестеръ, *не могли* уже считаться братьями и сестрами, такъ какъ не могли имѣть общихъ родителей, ни отца, ни матери, ни обоихъ вмѣстѣ. Вслѣдствіе этого необходимо явилась новая степень родства—племянники и племянницы, двоюродные братья и сестры, невозможная при прежнихъ семейныхъ отношеніяхъ. Американская система обозначенія родства, безсмысленная при какой-бы то ни было формѣ единобрачія, разумна и раціональна до малѣйшихъ подробностей при семьѣ пуналуа. Граница распространенія этой системы обозначенія родства есть въ то же время граница распространенія семьи пуналуа.

Эта форма семьи дѣйствительно существовала въ Гаваи и, вѣроятно, во всей Полинезіи, но благочестивые миссіонеры,

Государств. публичная

подобно блаженной памяти испанскимъ монахамъ въ Америкѣ, считали эти противо-христіанскія отношенія за такую „мерзость“ *), которая недостойна ихъ вниманія. Цезарь разсказываетъ о британахъ, которые въ его время переживали средній отдѣлъ варварства, что у нихъ отъ 10 до 12 мужчинъ, обыкновенно братья или родители съ дѣтьми, имѣютъ нѣсколько общихъ женъ. Это возможно лишь при пуналуа-семьѣ. У женъ варваровъ не могло быть 10—12 сыновей въ такомъ возрастѣ, чтобы имѣть общихъ женъ, но при американской системѣ обозначенія родства, соотвѣтствующей пуналуа-семьѣ, много великовозрастныхъ братьевъ, потому что всѣ близкіе и отдаленные двоюродные братья считаются между собою братьями. Что касается до выраженія „родители съ дѣтьми“, то это вѣроятно ошибка со стороны Цезаря; въ пуналуа-семьѣ возможно встрѣтить въ одномъ и томъ же половомъ союзѣ отца и сына, или мать и дочь, но никоимъ образомъ отца и дочь, мать и сына. Этой формой семьи объясняются тоже сообщенія Геродота и другихъ древнихъ писателей объ общихъ женахъ у народовъ, живущихъ въ дикомъ состояніи и варварствѣ. Вѣроятно, къ пуналуа-семьѣ относятся также замѣчанія Watson'a и Kaye'я (The people of India) о томъ, что такуры (къ сѣверу отъ Ганга) живутъ безпорядочно (въ половомъ отношеніи) большими обществами, и встрѣчающіеся у нихъ браки между двумя лицами лишь номинальные.

Изъ пуналуа-семьи, почти безъ исключенія, непосредственно произошелъ *родъ* (gens). Правда, и австралійская система полового сожитія можетъ привести къ тому же, и у австралійцевъ былъ родъ, но у нихъ не было пуналуа семьи. Впро-

---

*) Мимо открытые Бакофеномъ слѣды безпорядочнаго полового сожитія его „Sumpfzeugung“ ничто иное, какъ пуналуа-семья. „Бакофенъ такія семьи находитъ „беззаконными“, но вѣдь современникъ этой семейной формы нашелъ бы кровосмѣшеніе въ большинствѣ нынѣшнихъ браковъ между близкими и отдаленными родственниками съ материнской и отцовской стороны, ибо это браки между кровными родственниками“ (Маркъ).

чемъ, ихъ семейная организація совершенно исключительная, и мы на ней не будемъ останавливаться.

Во всякомъ половомъ сожитіи группами отецъ ребенка можетъ быть неизвѣстенъ, но всегда извѣстна его мать и хотя она *всѣхъ* дѣтей общаго семейства называетъ своими дѣтьми и несетъ въ отношеніи ихъ материнскія обязанности, но непремѣнно она отличаетъ между ними дѣтей, ею самой рожденныхъ. Поэтому въ сожитіи группами можно прослѣдить лишь поколѣнія *съ материнской стороны*, почему въ таковыхъ сожитіяхъ признается только *женская линія*. Такъ у всѣхъ дикарей и у народовъ низшей степени періода варварства. На это въ первый разъ указалъ Бакофенъ; это составляетъ его вторую заслугу въ изслѣдуемомъ нами вопросѣ. Онъ назвалъ это исключительное признаніе происхожденія по женской линіи и основанное на немъ впослѣдствіи право наслѣдства — *материнскимъ правомъ*. Я тоже буду употреблять это названіе въ виду его краткости, хотя оно и не точно. На этой ступени общественнаго развитія не можетъ быть рѣчи о правѣ въ юридическомъ смыслѣ.

Такимъ образомъ пуналуа-семья принимаетъ двѣ формы. Въ одной изъ нихъ такая семья состоитъ изъ ряда одноутробныхъ и болѣе дальняго родства сестеръ (т.-е. происходящихъ отъ одноутробныхъ сестеръ въ 1, 2, 3 и т. д. колѣнахъ), съ ихъ дѣтьми и одноутробными и болѣе дальняго родства братьями съ материнской стороны (которые отнюдь не могутъ быть ихъ мужьями). Такая группа охватываетъ всѣхъ лицъ, которыя впослѣдствіи вошли въ составъ рода въ его зародышномъ состояніи. Эта группа имѣетъ одну общую прародительницу, въ силу, чего всѣ женщины одного поколѣнія сестры между собою. Но такъ какъ мужьями ихъ не могутъ быть ихъ братья, то, слѣд., у мужей и женъ различныя прародительницы, они не принадлежатъ къ одной родственной группѣ. Дѣти же ихъ принадлежатъ къ этой группѣ, такъ какъ происхожденіе по женской линіи имѣетъ рѣшающее и безспорное значеніе. Какъ только вошло въ силу запрещеніе половыхъ сношеній между родственниками по матери, и однон-

утробными, и дальними, вышеупомянутая группа обратилась въ родъ, т.-е. установился кровородственный союзъ по женской линіи, члены котораго не могли входить въ половыя сношенія между собою. Общія соціальныя и религіозныя учрежденія все болѣе укрѣпляли этотъ союзъ и обособляли его отъ другихъ родовыхъ союзовъ того же племени. Объ этомъ впослѣдствіи будетъ сказано подробно. Допустивъ, что родъ необходимо и естественно образовался изъ пуналуа-семьи, мы должны съ тѣмъ вмѣстѣ признать, что эта форма семьи существовала у всѣхъ народовъ, у которыхъ находимъ слѣды родового быта, т.-е. у всѣхъ варваровъ и цивилизованныхъ народовъ.

3. *Парная семья.* Случайное сожитіе пары въ продолженіе болѣе долгаго или короткаго времени случалось не только при пуналуа-семьѣ, но и ранѣе. Мужъ изъ многихъ женъ выбиралъ одну, главную (едва ли можно сказать любимую) и въ свою очередь былъ для нея первымъ между остальными мужьями. Такое отношеніе сбило съ толку миссіонеровъ, и они видѣли въ пуналуа-семьѣ то безпорядочную общность женъ, то произвольное расторженіе брака. Такое случайное сожитіе парами все болѣе распространялось по мѣрѣ развитія родового начала и исключенія изъ полового союза братьевъ и сестеръ все болѣе дальняго родства. Но запрещеніе сожитія между кровными родственниками на этомъ не остановилось. Такъ у ирокезовъ и большинства другихъ индійцевъ, находящихся на нижней стадіи варварства, бракъ между родственниками запрещенъ въ сотнѣ случаевъ по ихъ системѣ обозначенія родства, что сдѣлало невозможнымъ браки группами; ихъ замѣнили *случайныя семьи*. При этой формѣ семьи мужчина живетъ съ одной женщиной, но за нимъ остается право многоженства и случайной невѣрности, хотя первымъ правомъ, по экономическимъ причинамъ, онъ рѣдко пользуется. Со стороны же женщины, во все время сожитія, требуется вѣрность и нарушеніе ея жестоко наказывается. Но такой союзъ легко расторжимъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны; дѣти, какъ при пуналуа-семьѣ, остаются при матери.

Естественный подборъ продолжалъ дѣйствовать и при исключеніи изъ полового союза все большаго числа кровныхъ родственниковъ. Морганъ говоритъ: отъ брака между членами неродственныхъ родовъ произошло племя болѣе сильное физически и нравственно; при скрещиваніи 2-хъ прогрессирующихъ родовъ естественно увеличился объемъ черепа и мозга ихъ потомковъ, ибо способности послѣднихъ составляютъ сумму способностей первыхъ. Поэтому племена съ родовымъ бытомъ болѣе развились, чѣмъ оставшіяся при прежней семейной формѣ.

Такимъ образомъ, развитіе семьи состояло въ ограниченіи круга лицъ, между которыми было дозволено половое сожитіе. Вслѣдствіе запрещенія этихъ отношеній сперва между близкими, затѣмъ и болѣе отдаленными родственниками, наконецъ, даже между свойственниками, брачный союзъ группами сдѣлался практически невозможнымъ, и въ концѣ концовъ осталась лишь одна пара, въ прежнее время слабо соединенная, та пара, съ распаденіемъ которой исчезаетъ самая возможность супружества. Уже изъ этого видно, какъ мало причастна установленію единобрачія индивидуальная половая любовь, въ теперешнемъ значеніи этого слова. То же самое, но еще яснѣе, свидѣтельствуетъ наблюденіе надъ жизнью народовъ, стоящихъ на разсматриваемой стадіи развитія. При прежнихъ формахъ семьи мужчина не затруднялся въ отысканіи женъ, напротивъ, ихъ было болѣе, чѣмъ требовалось, теперь же женщины стали рѣдки. Поэтому съ установленіемъ случайнаго брака входитъ въ обычай *похищеніе* и *куплю женъ*; эти симптомы важнаго соціальнаго измѣненія составляютъ лишь различные способы добыванія женъ, а педантъ шотландецъ Макъ-Ленанъ принялъ ихъ за особенныя формы семьи—„бракъ путемъ похищенія“ и „бракъ путемъ купли“. И прежде у американскихъ индійцевъ и у другихъ народовъ на той же стадіи развитія бракъ совершался не по желанію жениха и невѣсты, а по выбору матери. Часто обручались два лица, никогда не видавшіяся. Они знакомились по заключеніи сдѣлки, предъ самымъ наступленіемъ времени брака. Передъ свадьбой женихъ одаривалъ родичей невѣсты (ея

родственниковъ съ материнской, а не съ отцовской стороны), и эти подарки считались куплею. Бракъ расторгался по желанію обѣихъ или одной изъ сторонъ. Но, постепенно, у нѣкоторыхъ племенъ, напр., у ирокезовъ, общественное мнѣніе возстало противъ такого расторженія браковъ. При семейныхъ раздорахъ родичи мужа и жены стали принимать посредническое участье и только въ томъ случаѣ, если не состоялось примиреніе, разрѣшался разводъ; дѣти оставались при матери, и обѣ стороны могли вновь вступать въ бракъ.

Случайное семейство, слабое и неустойчивое, не чувствовало ни потребности, ни желанія обзавестись отдѣльнымъ домомъ и оставалось при прежнемъ коммунистическомъ хозяйствѣ. А такое хозяйство обусловливаетъ первенство въ домѣ женщины, точно такъ какъ исключительное признаніе матери по крови, при невозможности съ полной увѣренностью указать на отца по крови, вызываетъ особое почтеніе къ женщинѣ, т.-е. къ матери. Перешедшее къ намъ изъ 18-го столѣтія представленіе, что женщина на первыхъ порахъ общественной жизни была рабою мужчины, совершенно неправильно. Женщина у дикихъ и у варваровъ низшаго и средняго отдѣла, а отчасти и высшаго, не только совершенно свободна, но и занимаетъ почетное положеніе въ обществѣ. О положеніи женщины при господствѣ случайной семьи Arthur Wright, долго жившій въ качествѣ миссіонера между Сенека-ирокезами, свидѣтельствуетъ слѣдующее: „Что касается того времени, когда они жили въ старыхъ длинныхъ домахъ (коммунистическое хозяйство нѣсколькихъ семействъ)... то въ это время въ нихъ преобладалъ всегда какой-либо одинъ кланъ (родъ), и жены выбирали мужей изъ другого клана (рода)... Обыкновенно домашнимъ хозяйствомъ распоряжались женщины, всѣ припасы были общіе, и горе тому несчастному мужу или любовнику, который, по лѣности или неспособности, ничего не внесъ въ общій продовольственный запасъ. Сколько бы дѣтей ни имѣлъ, какою бы движимостью ни располагалъ, каждый мужчина долженъ былъ ежечасно ожидать приказанія связать дорожный узелъ и убираться вонъ. И онъ безпрекословно испол-

нялъ такое приказаніе, ибо въ противномъ случаѣ жутко пришлось бы ему; онъ или возвращался въ свой кланъ (родъ) или, и это случалось чаще, искалъ новаго брака въ другомъ кланѣ. Женщины пользовались въ кланѣ (родѣ) большою властью и только случайно онѣ не додумались до того, что могутъ смѣщать и обращать въ простыхъ воиновъ предводителей клана (рода)". Такимъ образомъ коммунистическое хозяйство, въ которомъ всѣ или большая часть женщинъ принадлежали къ одному роду, а мужчины къ различнымъ, служило основаніемъ весьма распространенному въ отдаленныя времена господству женщинъ, на что въ первый разъ тоже указалъ Бакофенъ, и это его третья заслуга. Кстати замѣчу, что сказанному не противорѣчатъ свидѣтельства путешественниковъ и миссіонеровъ о томъ, что у дикарей и варваровъ женщины обременены непосильной работой. Раздѣленіе труда между женщиной и мужчиной обусловливается другими причинами, а не соціальнымъ положеніемъ женщины. У народовъ, у которыхъ женщина работаетъ больше, чѣмъ ей слѣдовало бы по нашимъ понятіямъ, она въ дѣйствительности пользуется бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ женщина въ Европѣ. Цивилизованная госпожа, окруженная внѣшнимъ почетомъ и отстраненная отъ всякаго производительнаго труда, занимаетъ болѣе низкое положеніе въ обществѣ, чѣмъ въ потѣ лица работающая жена варвара, настоящая госпожа всего дома.

Встрѣчается ли еще и теперь въ Америкѣ пуналуа-семья или ее уже повсемѣстно вытѣснила семья случайная, это должны показать ближайшія наблюденія надъ жизнью сѣверозападныхъ и южныхъ американскихъ племенъ, не вышедшихъ и до сего времени изъ высшаго отдѣла варварства. Во всякомъ случаѣ не всѣ слѣды пуналуа-семьи исчезли. По крайней мѣрѣ у сорока сѣверо-американскихъ племенъ сохранилось за мужемъ старшей сестры право взять себѣ въ жены всѣхъ ея младшихъ сестеръ, достигшихъ требуемаго возраста,— слѣды существованія общихъ мужей у цѣлаго ряда сестеръ. О калифорнцахъ (высшій отдѣлъ дикаго состоянія) Банкрофтъ разсказываетъ, что у нихъ установлены праздники, на которые

собираются нѣсколько отдѣльныхъ родовъ съ цѣлью повальнаго полового сношенія. Очевидно, это такіе роды, среди которыхъ сохранилось темное воспоминаніе о времени, когда всѣ женщины одного рода были женами всѣхъ мужчинъ другого и наоборотъ. Подобные обычаи, перешедшіе изъ прежнихъ лѣтъ, находимъ почти у всѣхъ народовъ: сюда относятся, напримѣръ, проституція финикійскихъ дѣвицъ въ храмѣ Астарта и средневѣковое право первой ночи, которое, несмотря на все обѣленіе его нѣмецкими новоромантиками, безспорно практиковалось и было сохранившимся при посредствѣ кельтическаго рода (клана) воспоминаніемъ изъ времени случайной семьи.

Случайное семейство возникло на границѣ дикаго состоянія и варварства, по большей части въ высшей стадіи дикаго состоянія и рѣже въ низшемъ отдѣлѣ варварства. Это характерная форма семьи въ періодѣ варварства, въ то время какъ бракъ группами характерная форма семьи въ дикомъ состояніи, а моногамія—въ періодѣ цивилизаціи. Но для укрѣпленія моногаміи требовались не тѣ условія, которыя мы до сихъ поръ встрѣчали. Въ случайномъ бракѣ группа дошла до крайняго предѣла, до семейной молекулы: одинъ мужъ, одна жена. Этимъ закончился циклъ развитія естественнаго размноженія; въ этомъ направленіи оно не могло уже идти далѣе. И если бы не дѣйствіе новыхъ *общественныхъ* явленій, то не было бы причины перехода отъ случайной къ новой формѣ семьи. Въ дѣйствительности же эти причины оказались.

Мы оставляемъ теперь Америку, эту классическую страну случайнаго брака. Нѣтъ ни малѣйшаго признака, изъ котораго можно было бы заключить о существованіи между туземцами Америки высшей формы семьи; нѣтъ признака, чтобы въ какой-либо части Америки, до открытія и завоеванія ея европейцами, существовала постоянная моногамія. Иное видимъ мы въ Старомъ Свѣтѣ.

Здѣсь въ приручении животныхъ и размноженіи стадъ открылся до того времени не подозрѣваемый даже источникъ богатства и вызвалъ къ жизни совершенно новыя соціальныя отношенія. До низшаго отдѣла варварства богатство (имуще-

ство) заключалось лишь въ домѣ, одеждѣ, грубыхъ украшеніяхъ и орудіяхъ, облегчающихъ добычу и приготовленіе пищи: челнъ, оружіе и простая домашняя утварь. Запасовъ не было, пища добывалась изо дня въ день. Но въ стадахъ лошадей, верблюдовъ, ословъ, рогатаго скота, овецъ, козъ и свиней пастушескіе народы, арійцы въ индійскомъ пятирѣчьи, долинѣ Ганга и въ то время богатыхъ водою степяхъ Оксуса и Яксарта, и семиты на Тигрѣ и Ефратѣ, пріобрѣли такого рода собственность, которая, при небольшомъ надзорѣ и уходѣ, легко размножалась и давала обильную молочную и мясную пищу. Съ того времени всѣ прежніе источники добычи пищевыхъ веществъ заняли второстепенное мѣсто; охота изъ необходимаго занятія стала удовольствіемъ, роскошью.

Но кому принадлежало это новое богатство, эта новая собственность? Въ началѣ всему роду, это несомнѣнно. Но вскорѣ стада перешли въ частную собственность. Трудно рѣшить, считалъ ли составитель такъ называемой первой книги Моисея стада патріарха Авраама его собственностью въ силу личнаго права или въ силу того, что онъ былъ фактически наслѣдственный глава рода. Вѣрно лишь то, что Авраамъ не былъ собственникомъ въ томъ смыслѣ, который теперь соединяется съ этимъ понятіемъ. И также несомнѣнно, что на порогѣ достовѣрной исторіи стада составляли уже частную собственность отдѣльныхъ семей, какъ и произведенія искусствъ періода варварства—металлическія посуда и украшенія и, наконецъ, какъ человѣкъ, сдѣлавшійся рабомъ.

Ибо въ это время уже существовало рабство, которое не имѣло еще значенія для варвара низшаго отдѣла этого періода. Въ этомъ причина, почему американскіе индійцы иначе поступали съ побѣжденнымъ врагомъ, чѣмъ народы высшей стадіи развитія. Мужчинъ они или убивали, или причисляли, какъ братьевъ, къ роду побѣдителя. Женщинъ они или брали въ жены, или также принимали въ составъ рода со всѣми дѣтьми. На низшей ступени варварства рабочая сила не приносила хорошаго барыша; онъ почти весь поглощался стоимостью содержанія рабочаго. Но это измѣнилось съ введеніемъ ското-

водства, обработки металловъ, тканья и, наконецъ, земледѣлія. Какъ прежде многочисленныя жены, сдѣлавшись рѣдкими, получили особую цѣнность, такъ и теперь получила цѣнность рабочая сила, особенно съ тѣхъ поръ, какъ стада перешли въ частную собственность. Семья размножалась медленнѣе стада. А надзоръ за стадами требовалъ все болѣе людей, и пригодными для этой цѣли оказались военноплѣнные, которые къ тому же, подобно стаду, размножались естественно.

Эти богатства съ переходомъ въ частную собственность быстро умножились и повели къ дальнѣйшему развитію общества, основаннаго на случайномъ бракѣ и родѣ. Случайный бракъ ввелъ въ семью новый элементъ. Къ родной матери присоединился признанный роднымъ отецъ, который, по всему вѣроятію, имѣлъ болѣе правъ на это имя, чѣмъ многіе „отцы“ нашего времени. При тогдашнемъ раздѣленіи труда между членами семейства на долю мужа выпала забота о добычѣ пищи и нужныхъ для этого средствъ производства, которыя составляли его собственность, такъ что при бракоразводѣ эти средства оставались у него, а весь домашній скарбъ принадлежалъ женѣ. Такимъ образомъ, въ силу господствовавшаго тогда обычая, мужъ былъ собственникомъ новыхъ пищевыхъ источниковъ—домашняго скота, а впослѣдствіи и новыхъ рабочихъ средствъ—рабовъ. Но, по силѣ же обычая, дѣти не наслѣдовали отцу.

По материнскому праву, т.-е. до тѣхъ поръ, пока происхожденіе считалось лишь по материнской линіи, и по первоначальному обычаю родовой наслѣдственности умершему члену рода наслѣдовали его родичи. Имущество не должно было выходить изъ рода. При незначительности первоначальнаго наслѣдства, вѣроятно, издавна велось, что оно переходило къ ближайшимъ родичамъ, т.-е. къ агнатамъ съ материнской стороны. И такъ какъ дѣти принадлежали не къ роду отца, а къ роду матери, то они наслѣдовали послѣ нея сперва наряду со всѣми агнатами съ материнской стороны, а впослѣдствіи они, можетъ быть, были главными ея наслѣдниками, послѣ же отца никогда не наслѣдовали, какъ не принадлежащіе къ его

роду, а имущество отца должно было оставаться въ родѣ. Слѣд., по смерти собственника, принадлежавшія ему стада переходили сперва къ его братьямъ и сестрамъ и къ дѣтямъ его сестеръ и затѣмъ къ потомкамъ сестеръ его матери. Его же дѣти ему не наслѣдовали.

Но по мѣрѣ увеличенія богатства возрастало значеніе мужа въ семьѣ на счетъ значенія жены, и въ немъ родилось желаніе воспользоваться этимъ значеніемъ для измѣненія существовавшаго порядка наслѣдованія въ пользу своихъ дѣтей. Но достигнуть этого было нельзя не уничтоживъ материнскаго права. И это не было такъ трудно, какъ могло казаться, ибо этотъ переворотъ, одинъ изъ важнѣйшихъ между пережитыми человѣчествомъ, не затрогивалъ ни одного изъ живыхъ членовъ рода. Положеніе ихъ послѣ переворота не измѣнилось. Достаточно было постановить, что на будущее время потомки по мужской линіи остаются въ родѣ, а по женской линіи переходятъ въ родъ мужа. Этимъ положенъ былъ конецъ счету происхожденія по женской линіи и материнскому праву наслѣдства и введено родословіе по мужской линіи и право наслѣдства послѣ отца. Какъ и когда этотъ переворотъ совершился у культурныхъ народовъ мы не знаемъ,—онъ произошелъ въ доисторическое время, вотъ одно, что можно сказать. Но что такой переворотъ дѣйствительно былъ—это вполнѣ доказывается собранными Бакофеномъ слѣдами материнскаго права, а что онъ совершился легко—это видно изъ наблюденій надъ цѣлымъ рядомъ американскихъ племенъ, у которыхъ этотъ переворотъ произошелъ недавно и еще теперь происходитъ подъ вліяніемъ отчасти возрастающаго богатства и перемѣны образа жизни (переселеніе изъ лѣсовъ въ преріи), отчасти отъ воздѣйствія цивилизованныхъ сосѣдей и миссіонеровъ. Изъ восьми миссурійскихъ племенъ, у шести дѣйствуетъ мужская родословная линія и мужское право наслѣдства, а у двухъ материнское право происхожденія и наслѣдства. У другихъ племенъ было въ обычаѣ давать дѣтямъ имена отцовскаго рода и тѣмъ переводить ихъ въ этотъ родъ за тѣмъ, чтобы они могли наслѣдовать

своему родителю.—„Врожденная человѣку казуистика подъ видомъ перемѣны названія измѣнять самую суть вещей и находить лазейку къ уничтоженію одного преданія другимъ, когда непосредственный интересъ этого требуетъ, объясняетъ подобныя измѣненія“ (Марксъ). Разсматриваемый обычай повелъ къ большой путаницѣ, которую необходимо было исправить, что и достигнуто переходомъ къ отцовскому праву.

Уничтоженіе материнскаго права было *всемірно-историческимъ пораженіемъ женщины*. Мужъ сталъ господиномъ и въ домашнемъ хозяйствѣ, женщина была унижена, порабощена, сдѣлалась рабою прихотей мужа, годной только рожать дѣтей. Такое униженное положеніе занимала женщина, напр., въ Греціи героическаго и классическаго періодовъ; впослѣдствіи оно постепенно прикрылось благовидностью и лицемѣріемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ облеклось въ болѣе мягкія формы, но нигдѣ оно совершенно устранено не было.

Первое проявленіе единовластія мужчины выразилось образованіемъ патріархальной семьи средней формы между семьей случайной и единобрачной. Отличіе патріархальной семьи не въ многоженствѣ, а въ томъ, что въ ней подъ отеческою властью главы семьи соединены свободныя и несвободныя лица. У семитовъ глава семьи живетъ въ многоженствѣ, несвободные члены семьи имѣютъ жену и дѣтей, и цѣль организаціи такой семьи—присмотръ за стадами, пасущимися въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ мѣстахъ. Существенное въ патріархальной семьѣ—включеніе въ ея составъ несвободныхъ членовъ и отцовская власть; законченный ея типъ—римская семья. Понятіе семьи, familia, не совпадало вначалѣ съ идеаломъ филистеровъ, сложившимся изъ сентиментализма и семейныхъ дрязгъ; у римлянъ первоначально словомъ familia обозначали не брачную пару и ея дѣтей, а только рабовъ. Famulus—это дворовый рабъ, а familia собраніе рабовъ принадлежащихъ одному господину. Еще во времена Гая familia, id est patrimonium (т.-е. часть наслѣдства) передавалась по завѣщанію. Это слово придумали римляне для обозначенія новаго общественнаго организма,

главѣ котораго, подъ покровомъ римской отцовской власти, были подчинены жена, дѣти и рабы и который имѣлъ право жизни и смерти надъ ними. „Слѣдовательно, это слово вошло въ употребленіе одновременно съ образованіемъ строгой семейной формы латинскаго племени, формы, появившейся послѣ отдѣленія арійскихъ италиковъ отъ грековъ и по введеніи земледѣлія и на законѣ основаннаго рабства". Къ этому Марксъ прибавляетъ: „въ новѣйшей семьѣ лежитъ зародышъ не только рабства (servitus), но и крѣпостного состоянія, такъ какъ служба его тѣсно связана съ земледѣліемъ.—Въ этой формѣ семьи заключается зародышъ тѣхъ противорѣчій, которыя впослѣдствіи широко развились какъ въ обществѣ, такъ и государствѣ".

Эта семейная форма составляетъ, какъ выше сказано, переходъ отъ случайнаго брака къ моногаміи, единобрачію. Для обезпеченія вѣрности жены, а слѣдовательно законности дѣтей, жена подчинена неограниченной власти мужа: убивая ее, онъ пользуется своимъ правомъ.

По уничтоженіи материнскаго права быстро распространилось единобрачіе, но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой формы брака скажемъ нѣсколько словъ о многоженствѣ и многомужіи. Эти двѣ формы брака составляютъ исключеніе, такъ сказать, историческую роскошь и не встрѣчаются одновременно въ одной и той же странѣ. Если бы встрѣтилось противное, то мужчина, оставшійся внѣ многоженства, утѣшился бы женщиной, оставшейся внѣ многомужія, но какъ этого нигдѣ не было и какъ до сего времени, при самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ учрежденіяхъ, число женщинъ и мужчинъ было почти равно, то ни полигамія, ни поліандрія не могли сдѣлаться всеобщею формою брака. Полигамія была продуктомъ рабства и распространялась только на извѣстныя лица. Въ патріархальной семьѣ семитовъ только патріархъ да иногда нѣсколько изъ его сыновей жили во многоженствѣ, остальные довольствовались одной женой. Такъ и теперь на востокѣ; многоженство—привилегія богатыхъ и знатныхъ и поддерживается преимущественно покупкою невольницъ въ

другихъ странахъ. Народная масса живетъ въ моногаміи.— Такое же исключительное явленіе многомужіе въ Индіи и Тибетѣ. Происхожденіе этого брака изъ пуналуа-семьи нуждается въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Многомужіе гораздо покладистѣе ревниваго гаремнаго хозяйства магометанъ. Такъ у наировъ въ Индіи три, четыре и болѣе мужчинъ держатъ одну жену, но каждый изъ этихъ мужей имѣетъ право взять вторую, третью, четвертую жену въ компаніи съ другими мужчинами, для каждой жены отдѣльными. Удивительно, какъ это Макъ-Ленанъ, описавшій эти брачные клубы, въ нѣсколькихъ изъ которыхъ можно быть одновременно членомъ, не отнесъ ихъ къ особой формѣ брака—формѣ *клубнаго брака.*

4. *Единобрачная семья,* какъ выше показано, есть дальнѣйшее развитіе случайной семьи; она возникла на рубежѣ средняго и высшаго отдѣла варварства, и окончательное ея укрѣпленіе служитъ однимъ изъ признаковъ начала цивилизаціи. Эта семья основана на господствѣ мужа съ очевидною цѣлью имѣть дѣтей несомнѣннаго происхожденія, такъ какъ они, какъ кровные наслѣдники, вступаютъ во владѣніе отцовскимъ имуществомъ. Она отличается отъ случайной семьи и большею устойчивостью брачнаго союза; онъ уже не можетъ расторгаться по обоюдному согласію сторонъ, только мужъ можетъ его рушить и отвергнуть жену. Обычай и законъ оставляютъ за нимъ право нарушенія супружеской вѣрности (кодексъ Наполеона ясно дозволяетъ это мужу лишь при условіи не помѣщать своей любовницы въ своей семейной квартирѣ), и, по мѣрѣ общественнаго развитія, мужъ все чаще пользуется этимъ правомъ; но если жена его вспомнитъ о прежней половой практикѣ и вздумаетъ ее возобновить, то ее наказываютъ строже, чѣмъ когда-либо прежде.

Новая семейная форма, во всей своей строгости, выработалась у грековъ. Положеніе богинь миѳологіи, замѣчаетъ Марксъ, соотвѣтствуетъ болѣе раннему общественному періоду, когда женщина была свободна и уважаема; въ героическое же время она жила почти въ полномъ заключеніи для вящаго обезпеченія законности дѣтей. Мужу не за-

прещалось забавляться съ военно-плѣнными рабынями, съ лагерными сожительницами во время войны. Не лучше въ классическій періодъ. Какъ въ то время греки обходились съ своими женами, подробно описано въ „Хариклѣ“ Беккера. Жена жила, если не совершенно взаперти, то вдали отъ общества, служила мужу экономкой и распоряжалась остальными служанками. Незамужнія жили въ совершенномъ заключеніи. Жена выходила изъ дому непремѣнно въ сопровожденіи рабынь. Была она дома и къ мужу приходилъ гость, она удалялась во внутренніе покои. Но, несмотря на эти строгости, гречанки часто обманывали своихъ мужей. Мужъ стыдился выказать любовь къ женѣ и проводилъ все время съ гетерами. Но такое униженіе женщины отразилось и на мужчинѣ и дошло до того, что они погрязли въ педерастіи. Дѣло не остановилось на этомъ: боги были унижены миѳомъ о Ганимедѣ.

Таково начало моногаміи у самаго развитого, у самаго цивилизованнаго народа древности. Она не была послѣдствіемъ индивидуальной половой любви, съ нею она не имѣетъ ничего общаго. Тогда, какъ и теперь, браки заключались не по любви, а въ силу общественныхъ условій. Моногамія первая семейная форма, основанная не на естественныхъ, а на соціальныхъ требованіяхъ. Господство мужа въ семьѣ и несомнѣнная законность дѣтей, будущихъ наслѣдниковъ имущества отца, вотъ по понятіямъ грековъ исключительная цѣль моногаміи. Во всемъ остальномъ она ихъ тяготила, она налагала на нихъ обязанности по отношенію къ богамъ, государству и предкамъ.

Появленіе моногаміи не установило равноправности между мужчиной и женщиной. Напротивъ, моногамія есть подчиненіе одного пола другому, проявленіе небывалаго до того времени антагонизма между ними. Въ одной ненапечатанной статьѣ 1846 г., составленной Марксомъ и мною, сказано: „начало раздѣленія труда—участіе въ процессѣ продолженія рода мужчины и женщины“; въ настоящемъ случаѣ добавлю: первое раздѣленіе общества на классы совпадаетъ съ развитіемъ въ

моногаміи антагонизма между женщиной и мужчиной и первое подчиненіе одного класса другому—съ подчиненіемъ женщины мужчинѣ. Моногамія несомнѣнно великій соціальный успѣхъ, но съ ея установленіемъ начинается, наряду съ рабствомъ и частною собственностью, тотъ до сего времени продолжающійся историческій періодъ, въ которомъ всякій прогрессъ сопровождается регрессомъ, благосостояніе и преуспѣяніе одного—несчастіемъ и придавленностью другого. Моногамія—это клѣточка цивилизованнаго общества, по которой можно изучать всѣ противорѣчія и несообразности, въ немъ заключающіяся.

Впрочемъ, прежняя относительная свобода половыхъ отношеній не исчезла съ установленіемъ случайнаго брака и моногаміи. Половыя отношенія древней системы брака, ограниченныя постепеннымъ вымираніемъ пуналуа-семьи (брака группами), не исчезли и при дальнѣйшемъ развитіи формы семьи и сопровождали ее до разсвѣта цивилизаціи ...они затерялись въ новой формѣ гетеризма, которая перешла въ цивилизаціи, какъ черная тѣнь, тяготѣющая надъ семьей. Подъ гетеризмомъ Морганъ разумѣетъ существующія, *наряду съ единобрачіемъ*, внѣбрачныя половыя сношенія мужчинъ съ незамужними женщинами, которыя, какъ каждому извѣстно, процвѣтаютъ во всемъ періодѣ цивилизаціи въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и все болѣе обращаются въ проституцію. Этотъ гетеризмъ, такое же, какъ и всѣ другія общественныя учрежденія, есть такимъ образомъ лишь продолженіе прежней свободы половыхъ отношеній... на пользу и удовольствіе мужчинъ. Его не только терпятъ, но правящій классъ широко имъ пользуется и только на словахъ его осуждаетъ. И осуждаютъ только женщинъ и отнюдь не мужчинъ: такимъ женщинамъ оказываютъ презрѣніе, не принимаютъ въ общество и тѣмъ лишній разъ доказываютъ, что господство мужчины надъ женщиной составляетъ основной соціальный законъ.

Но уклоненіе въ одну сторону непремѣнно влечетъ за собою уклоненіе въ другую. Мужчина этого не сознавалъ, но женщина открыла ему глаза. Съ единобрачіемъ выступаютъ на общественную арену двѣ характерныя фигуры, прежде вовсе не-

извѣстныя: возлюбленный жены и мужъ-рогоносецъ. Мужчина побѣдилъ женщину, но побѣжденная великодушно увѣнчала побѣдителя. Наряду съ единобрачіемъ и гетеризмомъ необходимымъ общественнымъ явленіемъ стало и нарушеніе супружеской вѣрности; его преслѣдуютъ, наказываютъ, но ничего не помогаетъ. Теперь, какъ и прежде, отецъ признаетъ ребенка своимъ лишь по внутреннему убѣжденію. Параграфъ 312 кодекса Наполеона, для разрѣшенія этой неразрѣшимой задачи, постановляетъ: l'enfantconçu pendant le mariage a pour père le mari; отцомъ ребенка, рожденнаго въ бракѣ, считается мужъ. Вотъ результатъ единобрачія, существующаго болѣе 3000 лѣтъ.

Такимъ образомъ, отдѣльная семья, оставшаяся вѣрною своему историческому происхожденію и ясно выражающая въ возникающихъ между мужемъ и женою недоразумѣніяхъ исключительное господство мужчины, представляетъ въ малыхъ размѣрахъ картину тѣхъ противорѣчій и недоразумѣній, среди которыхъ живетъ общество, раздѣленное со времени наступленія періода цивилизаціи на различные классы, и которыя побѣдить или разрѣшить оно не въ состояніи. Конечно, я имѣю въ виду тѣ семьи, которыхъ брачная жизнь сохранила еще первоначальный характеръ этого учрежденія, но въ которомъ жена не подчиняется безпрекословно мужу. Что не каждый бракъ похожъ на этотъ, лучше всего знаетъ нѣмецкій филистеръ. Онъ такъ же плохо охраняетъ свою власть въ домѣ, какъ и въ государствѣ, и находится подъ башмакомъ своей жены. А какъ онъ гордится передъ французомъ, своимъ товарищемъ по несчастью, котораго положеніе часто весьма плохо.

Впрочемъ, отдѣльное семейство и не вездѣ, и не всегда представляетъ такія классически рѣзкія формы, какъ у грековъ. У римлянъ, этихъ будущихъ завоевателей всего извѣстнаго древнимъ міра, отличавшихся широкимъ пониманіемъ вещей, хотя и менѣе тонкимъ, чѣмъ взглядъ грековъ, женщина (жена) пользовалась большимъ уваженіемъ и свободою, чѣмъ у послѣднихъ. Римлянинъ полагалъ, что право жизни и

смерти надъ женою вполнѣ обезпечиваетъ ему ея вѣрность. У римлянъ обѣ стороны имѣли право на расторженіе брака. Но наибольшій прогрессъ сдѣлало единобрачіе съ появленіемъ въ исторіи германцевъ и сдѣлало этотъ прогрессъ потому, что въ то время моногамія не успѣла еще у германцевъ вполнѣ обособиться и выдѣлиться изъ случайной семьи, о чемъ мы заключаемъ изъ трехъ фактовъ, упоминаемыхъ Тацитомъ: во-первыхъ, несмотря на все уваженіе къ единобрачію, — „германцы довольствовались одной женой, женщины были у нихъ цѣломудренны“,—полигамія дозволялась лицамъ почетнымъ и начальнику рода точно такъ, какъ у американцевъ при случайной семьѣ; во-вторыхъ, у германцевъ, современниковъ Тацита, братъ матери—ближній родственникъ мужескаго пола по материнскому праву—считался ближе дѣтямъ, чѣмъ ихъ родной отецъ, а это тоже согласно съ воззрѣніемъ американскихъ индійцевъ, бытъ которыхъ доставилъ Марксу, какъ онъ часто говорилъ, ключъ къ пониманію германскихъ древностей, и, въ-третьихъ, жены германцевъ пользовались большимъ уваженіемъ и вліяли даже на общественныя дѣла, что прямо противорѣчитъ господству мужчинъ при единобрачіи. Германцы и въ этомъ отношеніи внесли новый элементъ во всемірную исторію. Господство мужчины въ моногаміи новой формы, развившейся при смѣшеніи народовъ на развалинахъ римскаго міра, приняло болѣе мягкія формы, и женщина, по крайней мѣрѣ наружно, заняла въ обществѣ болѣе почетное и болѣе свободное положеніе, чѣмъ то, которымъ она пользовалась въ классической. Такое положеніе женщины въ моногаміи послужило основаніемъ великому нравственному прогрессу — въ самомъ ли бракѣ, наряду съ нимъ или наперекоръ ему, все равно—новѣйшей индивидуальной любви между двумя лицами различнаго пола, чего прежде почти не встрѣчалось.

Исключительная причина такого прогресса въ томъ, что германцы жили еще въ случайномъ бракѣ и мѣсто, занимаемое въ немъ женой, насколько возможно, перенесли въ моногамію, а не какъ не въ миѳическихъ дивныхъ нравственно-чистыхъ природныхъ качествахъ германцевъ. Всѣ эти качества сво-

дятся къ тому, что случайному браку чужды рѣзкія противорѣчія моногаміи. Напротивъ того, изъ походовъ германцевъ, особенно на юго-востокъ, противъ кочевниковъ черноморскихъ степей, видно, что это былъ народъ развращенный. Отъ кочевниковъ германцы переняли не одно искусство верховой ѣзды, но и гнусные противоестественные пороки. Объ этомъ буквально свидѣтельствуютъ Амміанъ о тейфелерахъ и Прокопій о гунахъ.

Но хотя изъ всѣхъ извѣстныхъ формъ семьи только при моногаміи могла развиться новѣйшая индивидуальная половая любовь, но изъ этого не слѣдуетъ, что такая любовь исключительно или даже преимущественно выражалась въ любви между двумя супругами. Это противорѣчило бы по существу неразрывному единобрачію подъ главенствомъ мужа. У всѣхъ исторически дѣятельныхъ, т.-е. у всѣхъ господствующихъ классовъ заключеніе брака, какъ было и въ случайной семьѣ, основано на общественномъ приличіи и обыкновенно устраивается родителями. Первоначальная историческая форма индивидуальной половой любви, какъ страсти и именно какъ страсти, свойственной каждому человѣку (по крайней мѣрѣ изъ господствующихъ классовъ), какъ высшей формы полового отношенія, что составляетъ специфическій характеръ этой любви,—эта первоначальная форма, средневѣковая рыцарская любовь, не была супружескою любовью. Рыцарская любовь, въ ея классической формѣ, у провансальцевъ всегда сопровождается нарушеніемъ супружеской вѣрности, и эту любовь воспѣваютъ современные ей поэты. Перлы провансальской поэзіи любви—это alba, пѣсни на зарѣ. Обыкновенно въ нихъ описывается въ пламенныхъ выраженіяхъ, какъ рыцарь лежитъ въ постели съ возлюбленною—чужою женою, а подъ окномъ дежуритъ сторожъ; онъ при первомъ появленіи бѣловатаго (alba) свѣта занимающейся зари своимъ окликомъ будитъ рыцаря и этимъ даетъ ему возможность незамѣченнымъ скрыться; сила всей пѣсни—сцена прощанья. Сѣверные французы и добродушные нѣмцы переняли этотъ родъ поэзіи со свойственной имъ рыцарскою любовью, и нашъ (нѣмцевъ) старый Вольф-

рангъ фонъ Эшенбахъ написалъ на эту тему три прелестнѣйшія пѣсни, которыя несравненно выше его героическихъ поэмъ.—Въ наше мѣщанское время супружество бываетъ двоякаго рода. Въ католическихъ странахъ теперь, какъ и прежде, родители заботятся пріискать своему сыну подходящую невѣсту, и вслѣдствіе этого въ такомъ бракѣ вполнѣ развивается свойственное моногаміи противорѣчіе: мужъ пользуется роскошнымъ гетеризмомъ, жена находитъ наслажденіе въ нарушеніи супружеской вѣрности. Католическая церковь уничтожила разводъ вслѣдствіе убѣжденія, что противъ нарушенія супружеской вѣрности, какъ противъ смерти, нѣтъ никакихъ средствъ. Въ протестантскихъ же странахъ родители болѣе или менѣе предоставляютъ сыну свободу въ выборѣ жены изъ одного съ нимъ общественнаго класса, почему таковой бракъ иногда основывается на нѣкоторой любви, а изъ приличія она всегда предполагается, что вполнѣ гармонируетъ съ извѣстнымъ лицемѣріемъ протестантовъ. Въ протестантскихъ странахъ мужчина не такъ падокъ на удовольствія гетеризма, а женщина рѣже нарушаетъ супружескую вѣрность. Но какъ въ бракѣ, каковъ бы онъ ни былъ, люди остаются такими же, какими были до брака, а мѣщане протестанты почти безъ исключенія филистеры, то протестантская моногамія въ лучшемъ случаѣ приводитъ къ невыносимой скукѣ супружескаго сожитія, что принято называть семейнымъ счастьемъ. Лучшій выразитель обоего рода браковъ романъ, французскій для католическаго, нѣмецкій и шведскій для протестантскаго. Въ обоихъ „получаютъ“: въ нѣмецкомъ и шведскомъ молодой человѣкъ—дѣвушку, во французскомъ мужъ—рога. Котораго положеніе хуже—это еще вопросъ. Поэтому французскій буржуа испытываетъ ужасную скуку при чтеніи нѣмецкаго романа, а нѣмецкій филистеръ ужасается „безнравственности“ французскаго романа. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ какъ „Берлинъ становится міровымъ городомъ“, нѣмецкій романъ начинаетъ не такъ робко относиться къ давно практикуемому въ этомъ городѣ гетеризму и нарушенію супружеской вѣрности.

Въ обоихъ случаяхъ супружество обусловливается обще-

ственнымъ положеніемъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, и потому такое супружество можно назвать *браком*ъ *приличія*. Дѣйствительная половая любовь къ женѣ существуетъ лишь у подчиненныхъ классовъ, въ наше время у пролетаріевъ, живутъ ли они въ законномъ бракѣ или внѣ его—все равно. Но такое брачное сожитіе свободно отъ всѣхъ требованій классической моногаміи. Тутъ нѣтъ собственности, для охраненія и передачи которой дѣтямъ возникло единобрачіе съ господствомъ мужа, и, слѣд., нѣтъ повода къ проявленію послѣдняго. Да нѣтъ и средствъ охранять эту власть; она находится подъ защитой гражданскаго права, а это право существуетъ лишь для зажиточныхъ людей и для ихъ отношеній къ пролетаріямъ; пользоваться этимъ правомъ стоитъ денегъ, а потому оно какъ бы не дѣйствительно для бѣднаго рабочаго и для столь же бѣдной его жены. Тутъ дѣйствуютъ иныя личныя и общественныя отношенія. Наконецъ, со времени крупной промышленности женщина оторвана отъ семейнаго очага и брошена на рабочій рынокъ; она часто становится кормилицей всей семьи, а въ такой семьѣ нѣтъ мѣста господству мужа,—встрѣчается лишь варварское обращеніе съ женой, возникшее вмѣстѣ съ моногаміей. Вообще семья пролетарія не представляетъ въ строгомъ смыслѣ единобрачія, даже въ томъ случаѣ, когда между мужемъ и женой самая страстная любовь и несомнѣнная вѣрность и несмотря на всевозможныя свѣтскія и духовныя благословенія. Поэтому въ бракѣ между пролетаріями самую незначительную роль играетъ гетеризмъ и супружеская невѣрность, эти вѣчные спутники моногаміи; въ этомъ бракѣ женщина фактически возвратила себѣ право развода; когда жить вмѣстѣ тяжело, супруги расходятся. Однимъ словомъ, бракъ между пролетаріями—единобрачіе въ этимологическомъ, а отнюдь не въ историческомъ смыслѣ этого слова.

Обратимся опять къ Моргану, отъ котораго мы такъ далеко отдалились. Историческое изслѣдованіе развитія общественныхъ учрежденій во время періода цивилизаціи выступаетъ за предѣлы его сочиненія. Поэтому о судьбѣ единобрачія въ этомъ періодѣ онъ говоритъ лишь вскользь. И онъ

считаетъ дальнѣйшее развитіе единобрачной семьи за прогрессъ, ведущій къ еще далеко не достигнутой равноправности женщины и мужчины. Но, говоритъ онъ, „если признать за доказанный фактъ, что семья уже пережила четыре формы и нынѣ находится въ пятой, то рождается вопросъ о продолжительности существованія этой пятой формы. Единственно возможный отвѣтъ на это: семья, нынѣ какъ и прежде, будетъ прогрессировать вмѣстѣ съ прогрессомъ общественныхъ учрежденій, измѣняться вмѣстѣ съ измѣненіемъ этихъ учрежденій. Семья есть произведеніе соціальной системы, которая въ ней отражается. Такъ какъ условія моногаміи съ началомъ цивилизаціи нѣсколько улучшились и весьма замѣтно въ послѣднее время, то дозволительно предположить, что эта форма семьи способна къ дальнѣйшему усовершенствованію, до равноправія обоихъ половъ. Если же въ далекомъ будущемъ единобрачная семья не будетъ въ состояніи выполнить соціальныя требованія, то теперь еще невозможно предсказать форму и свойства ея наслѣдницы“.

III.

Родъ у ирокезцевъ.

Перейдемъ къ другому открытію Моргана, не менѣе важному, чѣмъ возстановленіе доисторической формы семьи по системѣ обозначенія родства у первобытныхъ племенъ. Морганъ доказалъ, что родовой союзъ у племенъ американскихъ индійцевъ, обыкновенно обозначаемый именемъ какого-либо животнаго, тождественъ съ genea грековъ и gentes римлянъ, что американская форма этихъ союзовъ первоначальная, греко-римская позднѣйшая, что первобытная общественная организація у грековъ и римлянъ, дѣленіе на роды, фратріи и колѣна параллельно таковымъ же американо-индійскимъ дѣленіямъ, что родъ есть учрежденіе (насколько показываютъ документы, которыми мы понынѣ располагаемъ), общее всѣмъ варварамъ до самаго ихъ перехода въ цивилизацію и даже въ началѣ цивилизаціи. Изысканіе Моргана сразу освѣтило самыя темныя стороны древнѣйшей греческой и римской исторіи и въ то же время совершенно неожиданно объяснило доисторическій общественный строй, предшествовавшій образованію *государства*. Когда ознакомишься съ изысканіемъ Моргана, оно кажется весьма простымъ, но онъ не сразу съ нимъ совладалъ. Еще въ 1871 г., при изданіи сочиненія, предшествовавшаго „Ancient Society“, онъ не владѣлъ тайною родового быта, раскрытіе котораго заставило замолчать лучшихъ англійскихъ историковъ первобытнаго времени.

Латинское слово gens, которымъ Морганъ обозначаетъ

каждый родовой союзъ, какъ и однозначущее греческое слово genos, происходятъ отъ общаго арійскаго корня gan (понѣмецки Kan, такъ какъ арійское g переходитъ въ нѣмецкое k), что означаетъ „производить“. Gens, genos, санскритское deschanos, готское (перемѣняя g на k) Kuni, англо-саксонское Kyn, англійское Kin, средне-нѣмецкое Künne тоже обозначаютъ родъ, происхожденіе. Но кромѣ того латинское gens и греческое genos (русское родъ) спеціально употребляются для обозначенія родового союза, члены котораго имѣютъ общее происхожденіе (въ настоящемъ случаѣ имѣютъ общаго прародителя) и соединены одинаковыми соціальными и религіозными учрежденіями въ особое общество, котораго происхожденіе и сущность были непроницаемы для историковъ до Моргана.

При объясненіи пуналуа-семьи (брака группами) мы указали на составъ рода въ его первоначальной формѣ. Въ этой формѣ родъ обнимаетъ собою всѣхъ лицъ, которыя, согласно господствующему въ пуналуа-семьѣ воззрѣнію, признаются происходящими отъ одной общей всѣмъ имъ родоначальницы, основательницы рода. Такъ какъ въ пуналуа-семьѣ происхожденіе по отцу шатко, то въ немъ считается только родство по матери. Такъ какъ братья не могутъ жениться на своихъ сестрахъ, а выбираютъ себѣ женъ изъ другого рода, то дѣти, прижитыя съ этими чужеродными женами, при дѣйствіи материнскаго права, выходятъ изъ отцовскаго рода. Въ родѣ остаются лишь дѣти *дочерей* каждаго поколѣнія; дѣти сыновей переходятъ въ родъ ихъ матери. Какъ же устраивается такая кровородственная группа, отдѣлившаяся отъ подобныхъ же группъ своего племени?

За классическую форму первоначальнаго рода Морганъ принимаетъ ирокезскій родъ и спеціально племени сенека. У нихъ 8 родовъ, и каждый называется по имени какого-нибудь животнаго: 1) волкъ, 2) медвѣдь, 3) черепаха, 4) бобръ, 5) олень, 6) куликъ, 7) цапля и 8) соколъ. Въ каждомъ родѣ дѣйствовали слѣдующія установленія:

1) Родъ выбиралъ сахема (старшину) и военачаль-

ника. Сахемъ избирался исключительно изъ членовъ рода, и должность эта не прерывалась, выбывшій по какому-нибудь случаю сахемъ тотчасъ замѣнялся другимъ. Военачальникъ могъ быть и не членъ рода; временами его совсѣмъ не бывало. Въ сахемы не могъ быть избраннымъ сынъ сахема, такъ какъ у ирокезцевъ дѣйствовало материнское право, и, слѣд. сынъ принадлежалъ другому роду, но въ сахемы избирался, и часто, братъ прежняго сахема или сынъ его сестры. Въ избраніи участвовали всѣ взрослые мужчины и женщины. Утверждалось избраніе остальными семью родами, и послѣ этого утвержденія избранный торжественно вводился на должность общимъ совѣтомъ всего ирокезскаго союза (народа). Значеніе этого объяснится впослѣдствіи. Власть сахема въ родѣ была родительская, чисто нравственная; въ его распоряженіи не было принудительныхъ мѣръ. Сахемъ, по своей должности, былъ членомъ совѣта племени (tribu, колѣна) сенека, а также союзнаго совѣта ирокезцевъ (народа). Военоначальникъ распоряжался только на войнѣ.

2. Родъ имѣлъ право смѣнять сахема и военачальника во всякое время. Въ рѣшеніи участвовали какъ женщины, такъ и мужчины. Смѣненный опять становился простымъ воиномъ, частнымъ лицомъ. Совѣтъ всего племени (tribu) тоже имѣлъ право смѣщать сахема даже противъ желанія рода.

3. Бракъ между членами одного и того же рода не допускался. Это основное родовое установленіе, начало, его связующее. Это отрицательное выраженіе весьма положительнаго кровнаго родства, въ силу котораго только лица, имъ связанныя, составляютъ родъ. Объясненіемъ такого простого факта Морганъ раскрылъ значеніе рода. Какъ мало до него понимали это значеніе, показываютъ прежнія сообщенія о дикихъ и о варварахъ, въ которыхъ родъ смѣшивали, безъ толку, разбора и различія, съ племенемъ, колѣномъ, кланомъ и проч., и проч. и говорили, что между членами послѣднихъ бракъ воспрещенъ. Отъ этого непроходимый хаосъ, разобрать и упорядочить который взялся Макъ-Ленанъ, этотъ новый Наполеонъ, своимъ могучимъ словомъ: всѣ племена раздѣляются на

такія, между членами которыхъ недозволенъ бракъ (exogame), и такія, между членами которыхъ онъ допущенъ (endogame). И, въ корнѣ запутавъ дѣло, онъ занялся глубокомысленно изслѣдованіемъ, которое изъ двухъ установленныхъ имъ нелѣпыхъ различій древнѣе: эксогамія или эндогамія. Это нелѣпое различіе само собою рушилось съ объясненіемъ Моргана, что родъ состоитъ изъ кровныхъ родственниковъ, почему и невозможенъ бракъ между членами онаго. Само собою разумѣется, что на той ступени соціальнаго развитія, на которой мы застали ирокезцевъ, запрещеніе брака между членами рода ненарушимо соблюдалось.

4. Послѣ смерти члена рода наслѣдовалъ его родъ; собственность не должна была выходить изъ рода. При малой цѣнности вещей, которыя могъ оставить послѣ себя ирокезъ, ихъ дѣлили между собою его ближайшіе родственники. Умиралъ мужчина, ему наслѣдовали его родные братья и сестры и братья его матери; умирала женщина, ей наслѣдовали ея дѣти и родныя сестры, но не братья. Жена не наслѣдовала послѣ мужа, а мужъ послѣ жены, дѣти не наслѣдовали послѣ отца. Причина этому очевидна.

5. Члены рода обязаны были взаимною помощью и защитою, а также кровною местью за обиду родича чужеродцемъ. Отдѣльное лицо отдавало себя подъ защиту рода, и это была дѣйствительная защита: нанесшій ему обиду, наносилъ ее всему роду. Отсюда, изъ кровнаго союза, вытекала и кровная месть, которая безусловно признавалась ирокезцами. Если чужеродецъ убивалъ члена рода, то весь родъ убитаго обязанъ былъ кровной местью. Но до ея исполненія обѣ стороны старались примириться. Родъ убійцы держалъ совѣтъ, послѣ котораго предлагали роду убитаго условія примиренія, по большей части обязывались выразить сожалѣніе о случившемся и поднести цѣнные подарки. Принимались условія примиренія, и дѣло оканчивалось. Въ случаѣ отказа примириться обиженная сторона выбирала одного или нѣсколькихъ мстителей, которые обязаны были слѣдить за убійцей и его извести. На такое убійство родъ убитаго не претендовалъ, и имъ оканчивалась кровная месть.

6. Каждый родъ пользуется опредѣленнымъ числомъ или цѣлымъ рядомъ именъ, и во всѣмъ племени (колѣнѣ, tribu) только этотъ родъ имѣетъ право давать эти имена, такъ что имя индивида показываетъ, къ какому роду онъ принадлежитъ. Съ родовымъ именемъ соединено и родовое право.

7. Родъ имѣетъ право включать въ свою среду чужеземцевъ и тѣмъ вводить ихъ въ то же время въ составъ племени (колѣна, tribu). Такъ. военноплѣнные, которымъ даровали жизнь, были включены въ одинъ изъ родовъ племени (колѣна) сенека и получили всѣ права рода и племени. Включеніе состоялось вслѣдствіе предложенія членовъ рода: мужчинъ—признавшихъ вступающихъ въ родъ за братьевъ и сестеръ, женщинъ — признавшихъ ихъ за своихъ дѣтей. Оно утверждалось въ торжественной церемоніи. Часто случайно захудавшіе роды пополнялись массовымъ включеніемъ въ свою среду членовъ другого рода, съ согласія послѣдняго. У ирокезовъ торжественное включеніе въ среду рода новыхъ членовъ совершалось въ публичномъ засѣданіи совѣта племени (колѣнѣ) и обратилось въ дѣйствительности въ религіозный обрядъ.

8. Едва ли можно найти въ родовыхъ союзахъ индійцевъ самостоятельные религіозные обряды; всѣ ихъ религіозныя торжества болѣе или менѣе связаны съ родовыми учрежденіями. Во время шести ежегодныхъ религіозныхъ праздниковъ ирокезскіе сахемы и военачальники въ силу своей должности причисляются къ числу „служителей вѣры“ и исполняютъ священническія обязанности.

9. У каждаго рода свое особое мѣсто погребенія. Такія кладбища были прежде у ирокезовъ, живущихъ между европейцами въ штатѣ Нью-Іоркъ. У другихъ индійцевъ они сохранились понынѣ. Такъ, близкіе по племенному родству ирокезцамъ тискароры, несмотря на то, что они христіане, имѣютъ на кладбищѣ особыя мѣста для каждаго рода; они хоронятъ въ одномъ ряду мать съ ея дѣтьми, но отца съ ними не кладутъ. И у ирокезовъ весь родъ провожаетъ умершаго на кладбище, заботится о могилѣ, надгробныхъ рѣчахъ и проч.

10. Въ каждомъ родѣ есть совѣтъ (сходка), демократическое собраніе всѣхъ взрослыхъ членовъ рода, мужчинъ и женщинъ; всѣ они имѣютъ право голоса. Этотъ совѣтъ избираетъ и смѣщаетъ сахема и военачальника, а также избираетъ остальныхъ „служителей вѣры“. Онъ же назначаетъ или „виру“ за убитаго, или кровную месть. Словомъ, совѣтъ (сходка)—это верховная власть родового быта.

Въ этихъ десяти пунктахъ изложены всѣ права и обязанности типическаго индійскаго рода. „Въ родѣ всѣ члены свободны, каждый обязанъ беречь свободу другого. Всѣ пользуются одинаковыми личными правами; сахемъ и военачальникъ не имѣютъ никакихъ преимуществъ; родъ это братство, товарищество, основанное на кровномъ родствѣ. Свобода, равенство и братство, хотя не формулированы, составляютъ, однако, основное начало рода, этой единицы цѣлой соціальной системы, этой основы всей организаціи индійскаго общества. Этимъ объясняется всѣми замѣченная упорная любовь независимости и полное достоинства поведеніе индійцевъ“.

Когда былъ открытъ Новый Свѣтъ, европейцы застали у индійцевъ всей Сѣверной Америки родовой бытъ по материнскому праву. Только у нѣсколькихъ племенъ (колѣнъ), какъ, напр., у докотовъ, родовое устройство было въ упадкѣ, а у Ojibwas, Omahas роды сложились по отческому праву.

У весьма многихъ индійскихъ племенъ (колѣнъ), состоявшихъ болѣе чѣмъ изъ 5—6, родовъ, три, четыре изъ нихъ соединялись въ особую группу, которую Морганъ, переводя индійское названіе на однозначащее съ нимъ греческое, назвалъ фратріей (братствомъ). Такъ въ колѣнѣ сенека двѣ фратріи, въ каждой по 4 рода. Ближайшее изслѣдованіе показало, что эти фратріи по большей части представляютъ коренные роды, на которые первоначально дѣлилось племя (колѣно). Это первоначальное дѣленіе есть слѣдствіе запрещенія брака между лицами, находящимися въ извѣстной степени родства, почему каждое племя (колѣно), для продолженія своего существованія, по необходимости расчленилось по крайней мѣрѣ на два рода. По мѣрѣ размноженія племени (колѣна)

каждый изъ этихъ родовъ вновь распадался на двѣ или болѣе части, и каждая изъ нихъ составила особый родъ; коренной же родъ, обнимавшій преемственныя поколѣнія всѣхъ дочерей рода, изъ котораго образовались остальные роды, продолжалъ свое существованіе какъ фратрія. У племени (колѣна) сенека и у многихъ другихъ индійцевъ роды одной фратріи были братскіе роды, и отношеніе между родами различныхъ фратрій, какъ между двоюродными братьями. Эти наименованія въ американской системѣ родства, какъ видно изъ предыдущаго, имѣютъ реальное, строго опредѣленное значеніе. Сперва въ племени (колѣнѣ) сенека не допускали брака между членами одной фратріи, и только впослѣдствіи это запрещеніе ограничено родомъ. По преданію, медвѣдь и олень коренные роды племени (колѣна) сенека, остальные — развѣтвленіе первыхъ. Когда новое дѣленіе на роды утвердилось, его мѣняли лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ; такъ, вымиралъ одинъ изъ родовъ фратріи, его иногда замѣщали родомъ другой фратріи. Поэтому у различныхъ племенъ (колѣнъ) одноименные роды различно группировались по фратріямъ.

У ирокезовъ функція фратрій частью соціальная, частью религіозная. 1. Фратріи собираются для общественныхъ игръ въ мячъ; каждая фратрія выставляетъ искуснѣйшихъ въ этомъ дѣлѣ, остальные члены наблюдаютъ за игрой, при чемъ каждая фратрія держится отдѣльно; фратріи держатъ пари, каждая за своихъ представителей.—2. На совѣтѣ племени сахемы и военачальники одной фратріи сидятъ вмѣстѣ, насупротивъ такихъ же лицъ другой фратріи; говорящій обращается къ каждой фратріи, какъ къ особой корпораціи.—3. Если въ племени случалось убійство, а убитый и убійца принадлежатъ къ различнымъ фракціямъ, то обиженный родъ апеллируетъ своей фратріи; она собирается на совѣщаніе и обращается къ другой фракціи, чтобы и та собрала совѣтъ для обсужденія дѣла. Здѣсь фратрія выступаетъ въ качествѣ коренного рода, и ей легче добиться правильнаго рѣшенія, чѣмъ слабому отдѣльному роду.—4. Въ случаѣ смерти выдающагося лица, забота о его погребеніи и похоронной цере-

монія лежитъ на др. фратріи, а не на той, къ которой принадлежалъ покойный; послѣдняя лишь участвуетъ въ печальной церемоніи. Въ случаѣ смерти сахема одной фратріи, другая заявляетъ союзному совѣту объ открывшейся вакансіи.—5. Въ выборѣ сахема тоже участвуетъ совѣтъ фратріи. Избраніе сахема подлежало утвержденію остальныхъ родовъ фратріи, но противъ избранія могли возражать и роды другой фратріи. Въ такомъ случаѣ собирался общій совѣтъ колѣна. Если не послѣдовало соглашенія, избраніе считалось не дѣйствительнымъ.—6. Прежде ирокезы праздновали особыя религіозныя мистеріи, которыя европейцы называли „medecine-lodges“. Устройство этихъ празднествъ лежало на обязанности двухъ религіозныхъ обществъ, по одному въ каждой фратріи; для поступленія въ эти общества требовалось особое посвященіе.—Принявъ, что возможно, четыре linages (рода), упоминаемые при покореніи Америки какъ боевыя единицы, за четыре фратріи, найдемъ, что индійская фратрія, какъ и греческая и подобно родовымъ союзамъ Германцевъ, составляла боевую единицу. Каждая изъ четырехъ linages составляла во время войны отдѣльный отрядъ, имѣла отличительную одежду и знамя и особаго начальника.

Какъ нѣсколько родовъ образуютъ фратрію, такъ нѣсколько фратрій составляютъ племя (колѣно); иногда въ обезсиленномъ племени недостаетъ средняго члена—фратріи. Что же представляетъ американское индійское племя?

1. Каждое племя носитъ особое имя и занимаетъ особую территорію. Кромѣ мѣста своего дѣйствительнаго поселенія, оно владѣетъ еще значительною областью для охоты и рыбной ловли. За этой областью лежитъ нейтральная полоса земли, раздѣляющая владѣнія племени (колѣна) отъ владѣнія другого. Полоса эта шире или уже, смотря по тому, отдѣляетъ ли она племена (колѣна), и говорящія на одномъ или на различныхъ діалектахъ. У нѣмцевъ такую полосу земли наз. Grenzwald (пограничный лѣсъ), область цесарскихъ свевовъ окружала пустошь, славянъ отъ нѣмцевъ отдѣляли Sachsenwald (саксонскій лѣсъ) и браниборъ; отъ послѣдняго произошло названіе

Бранденбургія. Выдѣленная такимъ способомъ каждому племени земля не имѣла строго опредѣленныхъ границъ; она составляла нераздѣльную собственность всего племени, признавалась за таковую сосѣдними племенами и защищалась отъ чужого захвата племенемъ-собственникомъ. Неопредѣленность границъ оказала свое неудобство при размноженіи племени. Наименованіе племени было по большей части случайное, а не выбранное. Часто сосѣди называли племя не тѣмъ именемъ, коимъ оно само себя именовало, подобно тому какъ нѣмцы получили отъ кельтовъ свое первое историческое общее для племени имя—германцевъ.

2. Каждое племя говоритъ на своемъ собственномъ *діалектѣ*. По существу понятія племени (колѣна) и діалекта совпадаютъ. Образованіе новыхъ племенъ и діалектовъ, черезъ расчлененіе, продолжалось въ Америкѣ до настоящаго времени, и надо полагать, и теперь не прекратилось. Въ крайне рѣдкихъ случаяхъ при сліяніи двухъ сильно захудалыхъ племенъ (колѣнъ), члены его употребляютъ два діалекта. Средняя численность американскаго племени 2000 человѣкъ; высшая 26 тыс., число ирокезовъ; это самое значительное племя сѣверо-американскихъ штатовъ, говорящее на одномъ діалектѣ.

3. Племени принадлежитъ право торжественнаго введенія на должность избранныхъ родомъ сахема и военачальника и

4. Смѣщеніе ихъ даже противъ желанія рода. Право это объясняется тѣмъ, что сахемы и военачальники въ то же время члены совѣта племени. Тамъ же, гдѣ былъ союзъ племенъ, тамъ каждый родъ имѣлъ представителя на союзномъ совѣтѣ, къ которому переходило право вводить въ должность и смѣнять сахемовъ и военачальниковъ.

5. Каждое племя имѣло свои общія религіозныя вѣрованія (миѳологію) и обряды. „Индійцы были по-своему религіозны“. Миѳологія ихъ еще не изслѣдована; индійцы представляли себѣ своихъ боговъ въ человѣческой формѣ, но не умѣли овеществлять эти представленія, почему не имѣли идоловъ, какъ и другіе народы, стоящіе на той же степени развитія, какъ индійцы, т.-е. на низшей ступени варварства. Ихъ религія—

культъ природы и стихій, дальнѣйшее развитіе котораго ведетъ къ многобожію. Каждое племя (колѣно) имѣло свои постоянныя празднества съ опредѣленными обрядами, преимущественно танцами и играми; танцы составляли существенную часть каждаго религіознаго праздника. Празднества совершались отдѣльно каждымъ племенемъ.

6. Для общихъ дѣлъ племени собирался особый совѣтъ. Онъ состоялъ изъ сахемовъ и военачальниковъ всѣхъ родовъ, которые были дѣйствительными представителями своего рода, такъ какъ онъ могъ ихъ смѣщать во всякое время. Засѣданія совѣта были публичныя, на нихъ могли присутствовать и высказывать свое мнѣніе всѣ члены племени. Рѣшеніе дѣла принадлежало совѣту. По закону каждый присутствующій могъ требовать слова, женщинамъ предоставлено было заявлять свое мнѣніе чрезъ повѣренныхъ. У ирокезовъ для окончательнаго рѣшенія требовалось единогласіе, какъ это требовалось тоже при нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ нѣмецкихъ приходовъ въ Маркахъ. Совѣтъ рѣшалъ дѣла по междуплеменнымъ сношеніямъ; принималъ и отправлялъ пословъ, объявлялъ войну и заключалъ миръ. Война велась преимущественно добровольцами. Племена, между которыми не было заключено формальнаго условія о мирѣ, считались, въ принципѣ, во враждебныхъ отношеніяхъ. Непріятельскій набѣгъ противъ такихъ враговъ обыкновенно предпринималъ одинъ изъ заслуженныхъ воиновъ; послѣдній устраивалъ военные танцы; кто тонцовалъ, тотъ заявлялъ этимъ свое участіе въ предстоящемъ походѣ. Немедленно формировался отрядъ и выступалъ въ походъ. Такіе же добровольцы защищали отъ непріятеля землю своего племени. Выступленіе въ походъ и возвращеніе изъ похода торжественно праздновались. Одобренія похода совѣтомъ племени не требовалось. Эти походы совершенно схожи съ походами нѣмецкихъ дружинъ, какъ ихъ описываетъ Тацитъ. Разница между индійскимъ отрядомъ и нѣмецкою дружиной въ томъ, что послѣдняя постепенно обращалась изъ временной въ постоянную и въ мирное время составляла ядро, около котораго, съ объявленіемъ войны, группировались

остальные добровольцы. Индійскіе отряды рѣдко бывали многочисленны; даже отдаленные походы велись незначительнымъ войскомъ. Въ случаѣ соединенія нѣсколькихъ отрядовъ для общаго дѣйствія, каждый изъ нихъ сохранялъ своего особаго начальника, и отъ согласія между ними зависѣло единство плана кампаніи. По разсказу Амміана Марцеллина, тѣмъ же способомъ вели войны на верховьяхъ Рейна аллеманы, въ четвертомъ столѣтіи.

7. У нѣкоторыхъ племенъ были особые начальники племени, но еще съ весьма ограниченною властью. Такимъ начальникомъ бывалъ одинъ изъ сахемовъ; въ экстренныхъ случаяхъ онъ дѣлалъ предварительныя распоряженія и собиралъ совѣтъ для ихъ одобренія и утвержденія. Въ такомъ старшинѣ заключался зародышъ начальника племени съ неограниченною властью, но этотъ зародышъ не развился. Неограниченный начальникъ, какъ увидимъ ниже, въ большинствѣ случаевъ образовался изъ военачальника.

Дальше племени не пошло развитіе большей части американскихъ индійцевъ. Расчлененные на многія племена, отдѣленныя одно отъ другого широкой пограничной полосой, слабые по причинѣ вѣчныхъ междоусобицъ, индійцы были разсѣяны на огромномъ пространствѣ земли. Иногда, при общей опасности, родственныя племена (колѣна) заключали между собою союзы, но эти союзы распадались, какъ только опасность проходила. Бывали случаи, однако, когда расчлененныя родственныя племена снова собирались въ одинъ постоянный союзъ, изъ котораго впослѣдствіи образовывался особый „народъ“. Въ Соединенныхъ Штатахъ самая развитая форма такого союза у ирокезовъ. Первоначально ирокезы жили къ западу отъ Миссисипи и вѣроятно составляли вѣтвь семейства Дакота. Затѣмъ они оставили прежнюю область своего мѣстопребыванія и, послѣ долгихъ странствованій, поселились въ нынѣшнемъ штатѣ Нью-Іоркъ. Они дѣлились на 5 племенъ: senekas, cayugas, onondugas, oneidas и mohawks. Они питались рыбой, дичью и овощами; жили въ селахъ, почти всегда окруженныхъ тыномъ. Численность ирокезовъ не пре-

вышала 20 т., во всѣхъ пяти племенахъ было нѣсколько общихъ родовъ (распавшійся первоначальный родъ), каждое племя говорило на особомъ діалектѣ общаго всему племени языка; ирокезы занимали сплошную область, раздѣленную между пятью племенами. Эти племена по необходимости должны были сообща защищать завоеванную область отъ режнихъ жителей; такое совмѣстное дѣйствіе повело постепенно, и не позже 15-го столѣтія, къ формальному „вѣчному союзу“ между племенами. Этотъ союзъ, сознавая свою силу, принялъ наступательный характеръ и около 1675 г. достигъ наибольшаго могущества завоеваніемъ обширныхъ сосѣднихъ областей, населеніе которыхъ было частью изгнано, частью обращено въ данниковъ. Союзъ ирокезовъ представляетъ высшую форму общественной организаціи, до которой достигли индійцы низшей ступени варварства (мексиканцы, ново-мексиканцы и перуанцы перешли эту ступень). Основныя условія союза племенъ (колѣнъ) были слѣдующія:

1. Вѣчный союзъ между пятью кровородственными племенами на правахъ совершеннаго равенства во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ племени. Кровное родство—главная основа союза. Изъ пяти племенъ три составляли племя (колѣно) отцовъ, и члены этихъ племенъ были братья между собою; остальныя два племени были племена сыновей, и члены ихъ тоже братья между собою. Въ каждомъ изъ пяти племенъ было по три общихъ рода (древнѣйшихъ), остальные три рода имѣли живыхъ представителей только въ трехъ племенахъ (колѣнахъ); члены такихъ общихъ родовъ были братьями между собою. Общій, расчлененный только на различные діалекты, языкъ былъ выразителемъ и доказательствомъ общаго происхожденія.

2. Органомъ союза былъ союзный совѣтъ изъ 50-ти равноправныхъ сахемовъ (старшинъ); этотъ совѣтъ окончательно рѣшалъ всѣ дѣла, касавшіяся союза.

3. Эти 50 сахемовъ были распредѣлены, при основаніи союза, между племенами (колѣнами) и родами и занимали должности, учрежденныя исключительно для веденія дѣлъ всего

союза. Если открывалась вакансія, новаго сахема избиралъ соотвѣтственный родъ; онъ же могъ во всякое время смѣстить своего избранника. Утверждалъ же сахема въ должности союзный совѣтъ.

4. Эти союзные сахемы были въ то же время сахемами племени и полноправными членами племеннаго совѣта.

5. Для рѣшенія дѣла въ союзномъ совѣтѣ требовалось единогласіе.

6. Голосовали по племенамъ; каждое племя и въ каждомъ племени всѣ члены союзнаго совѣта должны были придти къ единогласію, иначе рѣшеніе не имѣло силы.

7. Каждый совѣтъ племени (колѣна) могъ требовать созыва союзнаго совѣта; самъ же совѣтъ не пользовался этимъ правомъ.

8. Засѣданія совѣта происходили публично; каждый ирокезъ могъ требовать слова; рѣшеніе же постановлялъ только совѣтъ.

9. Предсѣдателя совѣта, главы и исполнительной власти, не было.

10. Зато существовало два главныхъ военачальника съ одинаковыми правами и властью (два „царя“ у спартанцевъ, два консула въ Римѣ).

Вотъ весь общественный укладъ ирокезовъ; въ немъ они прожили болѣе 400 лѣтъ, живутъ и теперь. Я нѣсколько подробнѣе изложилъ, по Моргану, этотъ укладъ для того, чтобы изучить на немъ общественную организацію до образованія „государства“. Мауреръ, хотя инстинктивно, но правильно, признаетъ нѣмецкій общинный укладъ (Markverfassung) за чисто общественный институтъ, отличный по своему существу отъ государственныхъ учрежденій, хотя въ большей части случаевъ служившій для нихъ основаніемъ. Поэтому во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ государственной власти какъ изъ первоначальнаго уклада общины (Marken), деревни (Dörfer), двора (Höfe) и города (Städte), такъ и помимо ихъ.

Мы видимъ, что сѣверо-американскіе индійцы соста-

вляли первоначально однородное племя, постепенно распространившееся по всему континенту; что племена расчленялись, затѣмъ соединялись и образовали народы, цѣлыя группы племенъ; языкъ распался на многіе діалекты, и эти діалекты до того стали разниться, что не только говорившіе на одномъ изъ нихъ не понимали говорившихъ на другомъ, но исчезли даже слѣды ихъ первоначальнаго единства; вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ племени расчленились различные роды и древнѣйшіе когнатическіе (по матери) роды удержались въ видѣ фратрій, а имена этихъ старинныхъ родовъ сохранились у племенъ, уже давно расчленившихся и далеко не сходныхъ. Такъ волкъ и медвѣдь родовое имя у большинства индійскихъ племенъ. Всѣ индійскія племена, вообще говоря, проходили перечисленныя ступени общественнаго устройства, но только многія изъ нихъ не дошли до союза родственныхъ племенъ.

Мы видимъ также, что весь укладъ рода, братства и племени (колѣна) безусловно необходимо — потому что естественно — развился изъ рода, какъ изъ общественной единицы. Всѣ три группы—группы—кровнаго родства разной степени; каждая изъ нихъ составляетъ замкнутое цѣлое и самостоятельно ведетъ свои дѣла, но въ то же время всѣ три группы взаимно восполняютъ одна другую. Кругъ ихъ общей дѣятельности обнимаетъ совокупность всѣхъ общественныхъ дѣлъ варваровъ нижней ступени. Поэтому, если мы встрѣтимъ у какого-нибудь народа родъ, какъ общественную единицу, то можемъ навѣрно предположить, что организація всего племени подобна ними описанной; тамъ, гдѣ какъ у грековъ и у римлянъ, находимъ богатые источники для изученія первобытнаго быта, мы не только встрѣтимъ описанную организацію, но и убѣдимся, что, сравненіе съ американскимъ общественнымъ укладомъ намъ поможетъ въ встрѣченныхъ сомнѣніяхъ и недоразумѣніяхъ.

И какой чудный укладъ этотъ родовой бытъ, несмотря на всю его несложность и простоту! Нѣтъ ни солдатъ, ни жандармовъ, ни полицейскихъ, нѣтъ дворянства, царей, намѣст-

никовъ, губернаторовъ, нѣтъ ни судей, ни темницъ, ни процессовъ, а все идетъ своимъ порядкомъ. Всякій споръ и раздоръ разбирается тѣми же, до кого онъ относится,—родомъ, племенемъ или нѣсколькими родами; въ крайнихъ, рѣдкихъ случаяхъ дѣйствуетъ кровная месть, болѣе цивилизованную форму которой составляетъ нынѣ практикуемая смертная казнь, со всѣми присущими цивилизаціи преимуществами и недостатками. Хотя въ родовомъ бытѣ гораздо болѣе дѣлъ, касающихся всего общества,—общее домашнее хозяйство цѣлаго ряда семействъ, общее владѣніе землею, за исключеніемъ небольшихъ огородовъ, предоставленныхъ домашнему хозяйству,—но въ этомъ бытѣ нѣтъ даже слѣдовъ нашей сложной и запутанной административной системы. Дѣла рѣшаютъ въ нихъ заинтересованные и, въ большинствѣ случаевъ, на основаніи тысячелѣтнихъ обычаевъ. Бѣдныхъ и нуждающихся нѣтъ; коммунистическое хозяйство и родъ исполняютъ свою обязанность относительно старыхъ, больныхъ и изувѣченныхъ на войнѣ. Всѣ равны и свободны, не исключая и женщинъ. Для рабства нѣтъ еще почвы, нѣтъ и порабощенныхъ племенъ. Когда ирокезы, около 1651 г., побѣдили эріевъ и „нейтральную націю“, то только тогда изгнали ихъ изъ занимаемой ими области, когда тѣ отказались вступить равноправными членами въ ирокезскій союзъ. И какихъ мужчинъ и женщинъ воспитываетъ такое общество! Бѣлые, имѣвшіе случай войти въ сношеніе съ еще не развращенными индійцами, восхищаются личнымъ достоинствомъ, правдивостью, силой характера и мужествомъ этихъ варваровъ.

Примѣръ подобнаго мужества мы видѣли еще недавно. На нашей памяти каффры-зулуссы, нубійцы и многія другія—племена, до сихъ поръ сохранившія родовой бытъ,—совершили подвиги, недоступные европейскому войску Вооруженные только пиками и метательными копьями, безъ какого-либо огнестрѣльнаго оружія, подъ градомъ пуль изъ заряжающихся съ казенной части ружей англійской пѣхоты—первой въ мірѣ въ сомкнутомъ строю—бросались они на штыки враговъ и много разъ производили смятеніе и безпо-

рядокъ въ англійскихъ рядахъ и не разъ отбрасывали ихъ назадъ. И это несмотря на колоссальное неравенство вооруженія, несмотря на то, что они не знаютъ ни срочной службы, ни ученій, ни маневровъ. Что могутъ вынести и совершить эти варвары, показываетъ жалоба англичанъ, что каффръ въ 24 часа проходитъ большее пространство, чѣмъ пробѣгаетъ въ то же время лошадь. Мельчайшій мускулъ каффра выдается, твердый и натянутый, какъ бичъ, сказалъ одинъ англійскій живописецъ.

Таковы были люди и человѣческое общество до раздѣленія на классы. И, сравнивъ ихъ положеніе съ огромнымъ большинствомъ цивилизованныхъ людей, найдемъ большую разницу между теперешнимъ городскимъ и сельскимъ пролетаріемъ и древнимъ свободнымъ членомъ рода, и не въ пользу перваго.

Такъ представляется дѣло съ одной стороны. Но родовой бытъ долженъ былъ исчезнуть. Предѣлъ его—племя, дальше онъ не могъ идти. Уже въ союзѣ племенъ замѣтны признаки упадка родового уклада, какъ это мы видѣли въ попыткахъ ирокезовъ подчинить себѣ другія племена и какъ еще увидимъ. Что внѣ племени, то и внѣ закона. Гдѣ не было формальнаго договора о мирѣ, тамъ безконечно продолжались между племенами междоусобицы; борьба велась со свойственною первобытному человѣку жестокостью и только впослѣдствіи она смягчилась, когда въ этомъ смягченіи признали обоюдную выгоду. Необходимое условіе процвѣтанія родового быта, какъ это мы видѣли въ Америкѣ,—малоразвитое производство и, вслѣдствіе этого, рѣдкое населеніе на большомъ пространствѣ и полное подчиненіе человѣка окружающей его, но чуждой ему, неразумной внѣшней природѣ, что отражается на его дѣтскихъ религіозныхъ представленіяхъ. Человѣкъ того времени не возвысился надъ понятіемъ племени: племя (колѣно), родъ и ихъ укладъ были для него неприкосновенною святыней, установленной природой, высшей властью; этой власти каждый безусловно подчинялся въ своихъ чувствахъ, мысляхъ и дѣйствіяхъ. Люди этой эпохи, при всей своей величественной простотѣ, совер-

менно походили одинъ на другого; они еще не отдѣлились, какъ говоритъ Марксъ, отъ пуповины первобытной (naturwächsigen) общины. Для дальнѣйшаго развитія надлежало сперва рушить этотъ первобытный коммунизмъ,—и онъ былъ разрушенъ. Но онъ былъ разрушенъ подъ вліяніемъ причинъ, которыя намъ представляются грѣховнымъ отступленіемъ отъ нравственной высоты древняго родового быта. Самые низкіе инстинкты—подлая алчность, страсть къ грубымъ наслажденіямъ, отвратительная скупость, разбойническое присвоеніе общественнаго имущества—сопровождаютъ нарожденіе новаго періода общественной жизни, цивилизацію, общественный строй, раздѣленный на классы; устои стараго, не раздѣленнаго на классы, общества расшатывались самыми позорными средствами. Эти средства воровство, насиліе, хитрость, измѣна. И новое общество, въ продолженіе своего 2,500-лѣтняго существованія не измѣнило этихъ средствъ и въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, представляетъ картину развитія незначительнаго большинства на счетъ эксплуатируемой и угнетенной народной массы.

IV.

Греческій родъ.

Греки, пеласги и родственныя имъ племена жили въ доисторическое время при томъ же общественномъ укладѣ, какъ и американцы: родъ, фратрія, племя, союзъ племенъ. Фратріи могло недоставать, какъ у дорянъ, племя могло не развиться до союза племенъ, но родъ повсюду составлялъ общественную единицу. Исторія застала грековъ на порогѣ цивилизаціи; грековъ героическаго времени отдѣляло отъ американскихъ племенъ, о которыхъ мы выше говорили, два значительныхъ періода общественнаго развитія. Греческій родъ уже не архаическій родъ ирокезовъ, на немъ мало замѣтны слѣды брака группами (пуналуа-брака). Материнское право уступило мѣсто отцовскому праву, и зарождающаяся частная собственность пробила первую брешь въ родовомъ бытѣ. Вторая брешь была естественнымъ послѣдствіемъ первой: съ введеніемъ отцовскаго права имущество невѣсты, часто богатой наслѣдницы, должно было переходить къ ея будущему мужу, т.-е. въ чужой родъ; во избѣжаніе этого рушили основной принципъ родового быта; и законъ не только дозволялъ, но и *требовалъ*, чтобы дѣвица выбирала себѣ мужа изъ членовъ своего рода для сохраненія въ послѣднемъ имущества невѣсты.

Согласно исторіи Греціи Грота, существенными чертами аѳинскаго рода были:

1. Общія религіозныя празднества и исключительное право

служенія тому богу, который считался родоначальникомъ генооа (рода) и который, вслѣдствіе этого, носилъ особое прозвище.

2. Общее мѣсто погребенія (см. Демосоеновы Эвбулиды).

3. Право наслѣдства между членами.

4. Взаимная помощь, защита и поддержка.

5. Право и обязанность въ извѣстныхъ случаяхъ брать жену изъ того же рода, а именно жениться на сиротахъ и наслѣдницахъ родительскаго имущества.

6. Владѣніе въ извѣстныхъ случаяхъ общинною землею съ особымъ архонтомъ и казначеемъ.

Затѣмъ нѣсколько родовъ соединялись въ фратріи; этотъ союзъ не былъ такимъ тѣснымъ, какъ родовой, но и фратріи имѣли взаимныя права и обязанности; такъ, напр., общіе религіозные обряды и право преслѣдованія убійцы фратра. Всѣ фратріи извѣстнаго племени (колѣна) имѣли общія, періодически повторявшіяся религіозныя празднества подъ предсѣдательствомъ избраннаго изъ эвпатридовъ филобазилеуса (племенного старшины).

Такъ учитъ Гротъ. А Марксъ добавляетъ: „изъ-за греческаго рода выглядываетъ дикарь (напр., ирокезъ), и выглядываетъ ясно". При дальнѣйшемъ изслѣдованіи это будетъ еще очевиднѣе. Далѣе къ существеннымъ чертамъ рода относится:

7. Происхожденіе по отцовской линіи.

8. Запрещеніе брака между членами рода, за исключеніемъ вышеупомянутаго случая. Самое это исключеніе, обращенное въ требованіе, подтверждаетъ первоначальное запрещеніе. Оно подтверждается и тѣмъ, что съ выходомъ замужъ за чужеродца женщина не исполняла уже религіозныхъ обрядовъ своего рода, а слѣдовала обрядамъ своего мужа и переходила въ его фратрію. Это доказываетъ, что первоначально былъ установленъ бракъ внѣ рода, и Беккеръ, въ Хариклѣ, принимаетъ, что никому не позволялось вступать въ бракъ въ своемъ родѣ.

9. Право принимать въ родъ постороннихъ. Принятіе

въ семейство посторонних совершалось съ установленною обрядностью и въ исключительныхъ случаяхъ.

10. Право избирать и смѣщать старшинъ. Каждый родъ имѣлъ своего архонта и нигдѣ не упоминается, чтобы эта должность была наслѣдственною въ извѣстномъ семействѣ. Можно полагать, что наслѣдственныхъ должностей не было до конца періода варварства, потому что наслѣдственность несовмѣстима съ такимъ общественнымъ строемъ, при которомъ и богатые и бѣдные члены рода пользуются одинаковыми правами.

Ни Гротъ, ни Нибуръ, ни Моммсенъ, ни остальные историки классической древности не дали правильнаго объясненія родового уклада. Они вѣрно намѣтили нѣкоторыя черты этого быта, но, принявъ родъ *за собраніе, за группу семействъ*, не могли правильно объяснить происхожденіе и сущность рода. Семейство при родовомъ бытѣ не составляло и не могло составить общественной органической единицы, потому что мужъ и жена входили въ составъ двухъ родовъ. Всѣ роды безъ исключенія составляли фратрію, всѣ фратріи племя, но семейство наполовину принадлежало отцовскому роду, наполовину материнскому. И въ государствѣ публичное право не признаетъ семейства, только частное право имѣетъ съ нимъ дѣло. А между тѣмъ всѣ историки по настоящее время предполагали и предполагаютъ, и это предположеніе съ 18-го вѣка считалось чѣмъ-то неприкосновеннымъ, что отдѣльное единобрачное семейство, начало котораго не восходитъ далѣе періода цивилизаціи, составляетъ ядро кристалла, около котораго постепенно наслоилось общество и государство.

„Замѣчу Гроту, прибавляетъ Марксъ, что хотя греки относили происхожденіе своихъ родовъ ко временамъ миѳическимъ, но эти роды старше, чѣмъ *созданная* греками миѳологія съ ея богами и полубогами“.

Морганъ преимущественно слѣдуетъ Гроту, какъ всѣми уважаемому, правдивому свидѣтелю. Каждый аѳинскій родъ, продолжаетъ Морганъ по Гроту, носилъ имя своего предполагаемаго, миѳическаго родоначальника, родъ наслѣдовалъ иму-

щество послѣ покойнаго родича до Солона, во всякомъ случаѣ, а послѣ Солона при отсутствіи духовнаго завѣщанія; въ случаѣ убійства сперва родственники, затѣмъ остальные члены рода и, наконецъ, фратріи, къ которымъ принадлежалъ убитый, обязаны были преслѣдовать убійцу судомъ: „дошедшіе до насъ древнѣйшіе аѳинскіе законы основаны на раздѣленіи на роды и фратріи".

„Школьно-ученые филистеры" (Марксъ) много ломали свои мудрыя головы надъ объясненіемъ происхожденія рода отъ общаго родоначальника. И такъ какъ они принимали послѣдняго за лицо миѳическое, то не могли объяснить, какъ образовался родъ изъ жившихъ вмѣстѣ, но первоначально не родственныхъ семействъ. Но нужно же было какъ-нибудь покончить съ этимъ вопросомъ, и вотъ историки отдѣлываются такимъ наборомъ словъ: „конечно, родовое дерево не представляетъ что-либо дѣйствительно, оно миѳическое, однако, самый родъ дѣйствительно существовалъ", и далѣе не идутъ. Гротъ говоритъ, а Марксъ въ скобкахъ добавляетъ, слѣдующее: „о родословномъ деревѣ упоминается рѣдко, такъ какъ оно употреблялось только въ извѣстныхъ, особенно торжественныхъ случаяхъ. Незначительный родъ, какъ и знаменитый, имѣлъ общіе родовые религіозные обряды, общаго миѳическаго родоначальника и родовое дерево (очень удивительно, г. Гротъ); общій типъ и идеальная основа (не идеальная, а тѣлесная) каждаго рода, знатнаго и незнатнаго, были одинаковы".

Возраженіе Моргана Гроту Марксъ такъ излагаетъ: „Система кровнаго родства, соотвѣтствующая роду въ его первоначальной формѣ,—а чрезъ эту форму прошли греки, какъ и всѣ остальные смертные, — указывала всѣмъ членамъ рода на ихъ дѣйствительныя родственныя отношенія (познаніе этихъ родственныхъ отношеній пріобрѣталось на практикѣ съ самаго ранняго дѣтства). Эта родственная связь забылась съ появленіемъ единобрачнаго семейства. Память о ней сохранилась лишь въ общемъ наименованіи рода и въ внушительномъ родословномъ деревѣ, предъ которымъ родословіе одного семейства кажется весьма мизернымъ. Только названіе

родословное дерево указывало на происхожденіе рода отъ одного родоначальника, но родословное дерево заходило такъ далеко въ глубь временъ, что члены рода могли прослѣдить родственную связь лишь въ немногихъ случаяхъ и то только въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Между тѣмъ самое названіе рода было доказательствомъ, и доказательствомъ безспорнымъ, общаго происхожденія его членовъ, за исключеніемъ тѣхъ постороннихъ, которыхъ родъ принималъ въ свою среду. Отрицаніе, à la Гротъ и Нибуръ, всякаго родства между членами рода, обращеніе рода во что то вымышленное и выдуманное достойно „идеальныхъ“, т.-е. сгорбившихся надъ письменнымъ столомъ, буквоѣдовъ. Изъ того, что съ распространеніемъ моногаміи забылась родственная связь между поколѣніями и дѣйствительное прошлое отразилось въ миѳической картинѣ родословнаго дерева, ученые филистеры заключили и до сихъ поръ заключаютъ, что это фантастическое родословное дерево создало дѣйствительный родъ“!

У грековъ, какъ и у американцевъ, фратрія (колѣно) образовалась изъ материнскаго рода, распавшагося на нѣсколько дочернихъ родовъ, а такъ какъ материнскій родъ имѣлъ родоначальника, то онъ сталъ родоначальникомъ фратріи. Напр., по Гроту, всѣ члены фратріи гекатеи считали своимъ родоначальникомъ одного изъ боговъ, слѣд., всѣ роды этой фратріи были братскими родами въ буквальномъ смыслѣ этого слова. У Гомера фратрія встрѣчается въ смыслѣ военной единицы, какъ это видно изъ совѣта Нестора Агамемнону:

Воевъ, Атридъ, раздѣли ты на ихъ племена и колѣна (фратріи);
Пусть помогаютъ колѣну колѣно и племени племя.

Фратрія, по праву и обязанности, преслѣдовала судомъ убійцу фратра, а въ прежнее время пользовалась правомъ кровной мести. Фратрія имѣла общія святилища и общія празднества. Среди родовъ и фратрій изъ древне-арійскаго культа природы сложилась и выработалась сложная система греческой миѳологіи. Каждая фратрія имѣла своего старшину

(фратріарха), а также, по Фустель де Куланжу, свое собраніе и свое управленіе, издавала декреты и рѣшала судебныя дѣла. Въ позднѣйшее время государство, не признававшее рода, оставило за фратріей нѣкоторыя общественныя обязанности.

Соединеніе нѣсколькихъ родственныхъ фратрій составляло племя. Народонаселеніе Аттики дѣлилось на четыре племени, каждое племя состояло изъ трехъ фратрій, а каждая фратрія распадалась на 30 родовъ. Такое правильное дѣленіе на группы указываетъ на планомѣрность, на естественно установившійся порядокъ. Какъ, когда и почему это случилось—объ этомъ не упоминается въ исторіи греческаго народа, ибо она началась лишь съ героическаго времени.

Греки жили скученно на небольшомъ пространствѣ; поэтому нарѣчія разныхъ племенъ у нихъ не различались такъ рѣзко одно отъ другого, какъ у американцевъ, разсѣянныхъ на огромныхъ лѣсныхъ пространствахъ. Но и въ Греціи, какъ и въ Америкѣ, только племена, говорившія на одномъ нарѣчіи, соединялись въ высшую группу; такъ племена маленькой Аттики имѣли общій языкъ, который впослѣдствіи сталъ общимъ литературнымъ языкомъ прозаическихъ произведеній.

Въ поэмахъ Гомера большая часть греческихъ племенъ уже соединилась въ высшія группы, составляла отдѣльные народцы, но входившіе въ составъ народцевъ племена, фратріи и роды сохраняли еще свою самостоятельность. Греки жили въ городахъ, окруженныхъ стѣнами, и народонаселеніе возрастало по мѣрѣ размноженія стадъ, увеличенія пространства обработанной земли и возникновенія различныхъ промысловъ. Вмѣстѣ съ этимъ возрастало неравенство по богатству и нарождался, среди первобытной демократіи, аристократическій элементъ. Отдѣльные народцы вели между собою безпрерывныя войны ради владѣнія лучшими землями, а также изъ желанія поживиться богатою добычею. Въ это время уже установилось обращеніе военноплѣнныхъ въ рабовъ.

Правительственный укладъ этихъ племенъ и народцевъ былъ слѣдующій.

1. *Совѣтъ, булэ*—учрежденіе, постоянно дѣйствовавшее,—

первоначально состоялъ изъ всѣхъ родовыхъ старшинъ, а когда число послѣднихъ значительно возросло, изъ выборныхъ отъ нихъ; это тоже послужило къ обособленію и укрѣпленію аристократическаго элемента; Діонисій, напр., говоритъ, что въ героическое время совѣтъ состоялъ изъ однихъ знатныхъ Въ важныхъ обстоятельствахъ совѣтъ рѣшалъ окончательно; такъ, по Эсхилу, ѳиванскій совѣтъ безаппеляціонно рѣшилъ похоронить Этеокла съ подобающею почестью, а трупъ Полиника бросить на съѣденіе псамъ. Съ учрежденіемъ государства этотъ совѣтъ преобразовался въ сенатъ.

2. *Народное собраніе, агора.* У ирокезовъ, какъ мы видѣли, народъ, мужчины и женщины, присутствовали на совѣтѣ и могли принимать участіе въ преніяхъ, чѣмъ вліяли на постановленіе рѣшенія. У грековъ времени Гомера это послѣднее „обстоятельство“, употребляя древне-германскій юридическій терминъ, развилось, какъ и у древнихъ германцевъ, въ настоящее народное представительство. Совѣтъ созывалъ агору для рѣшенія важныхъ дѣлъ. Каждый членъ народнаго собранія могъ участвовать въ преніяхъ; рѣшеніе постановлялось поднятіемъ руки (Эсхилъ въ „Молящихъ о защитѣ“) или голосованіемъ. Народное собраніе рѣшало дѣла въ послѣдней инстанціи; „это видно изъ того,—говоритъ Шёманъ („Греческія древности“),—что Гомеръ нигдѣ не указалъ на средство понудить народъ на такое дѣло, которое онъ сперва не одобрилъ“. Оно и понятно. Въ то время всякій взрослый членъ рода былъ воиномъ, слѣдовательно, не существовало отдѣльнаго отъ народа правительства, которое могло прибѣгнуть къ побудительнымъ мѣрамъ. Естественно образовавшаяся демократія была еще въ полной силѣ, и только съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ обсуждать значеніе совѣта и базилеуса.

3. *Военачальникъ, базилеусъ.* Марксъ замѣчаетъ: „Европейскіе ученые, по большей части рожденные царскими слугами, видятъ въ базилеусѣ нѣчто вродѣ монарха новаго времени. Этой ошибки избѣгнулъ янки-республиканецъ Моргавъ. Онъ иронически, но справедливо говоритъ о мѵроточивомъ Гладстонѣ и его „Juventus mundi“: г. Гладстонъ

видать въ предводителяхъ грековъ героическаго времени царей и князей и еще вдобавокъ джентльменовъ, но онъ долженъ признать, что встрѣчаемыя въ обычаѣ или законѣ довольно частыя указанія на право наслѣдства старшаго мало опредѣленны, не точны". Г. Гладстонъ долженъ также признать, что неточныя указанія равносильны отсутствію указаній.

Выше было указано, что должно понимать подъ наслѣдственностью власти у ирокезовъ и другихъ индійцевъ. У нихъ всѣ должности были выборныя, но избраннымъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, могъ быть только членъ рода. И лишь въ этомъ смыслѣ можно разумѣть наслѣдственную власть у индійцевъ, т.-е. какъ наслѣдственную въ родѣ. Правда, при новыхъ выборахъ предпочитали ближайшаго родственника предшественника — брата или сына сестры, — но такое избраніе не было обязательнымъ и имѣло мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ближайшій родственникъ считался достойнымъ избранія. У грековъ, при господствѣ отцовскаго права, должность базилеуса тоже обыкновенно переходила отъ отца къ сыну или къ одному изъ сыновей; это доказываетъ только, что сыновья базилеуса имѣли много шансовъ быть избранными народомъ, но отнюдь не доказываетъ закономъ установленное право наслѣдства, помимо народнаго избранія. Только впослѣдствіи обычай выбирать ближайшихъ родственниковъ повелъ, какъ у ирокезовъ, такъ и у грековъ, къ выдѣленію изъ среды рода знатныхъ, благородныхъ фамилій, а затѣмъ, у грековъ, къ учрежденію наслѣдственной монархіи. Поэтому есть много вѣроятія въ предположеніи, что базилеусъ или избирался народомъ, или утверждался въ должности совѣтомъ или агорой. Такъ въ Римѣ утверждался „царь" (rex).

Въ Иліадѣ „пастырь народовъ" Агамемнонъ не царь всѣхъ грековъ, а главный начальникъ союзнаго войска на время осады непріятельскаго города. На такое значеніе Агамемнона указываетъ Одиссей въ рѣчи своей по поводу возникшей между греками распри: „нѣтъ въ многовластіи блага, да будетъ единый начальникъ" и т. д. Одиссей не лекцію чи-

талъ о правительственной формѣ, а требовалъ подчиненія главнокомандующему во время военныхъ дѣйствій. Греки подъ Троей представляютъ лишь войско, а для военнаго времени ихъ народное собраніе было достаточно демократично. Ахиллесъ, говоря о подаркахъ, т.-е. о дѣлежѣ добычи, ссылается не на Агамемнона или другого базилеуса, а на „сыновъ Ахеи“, т.-е. на народъ. Эпитеты: рожденный Зевсомъ, вскормленный Зевсомъ ничего не доказываютъ; *каждый* родъ считалъ своимъ родоначальникомъ одного изъ боговъ, а родъ, къ которому принадлежалъ старшина племени, имѣлъ своимъ родоначальникомъ самого Зевса, высшее божество. Даже рабовъ, напр. свинопаса Эвмея и др., называютъ „богоравными“, и это не въ Иліадѣ даже, а въ позднѣйшей Одиссеѣ; въ Одиссеѣ же глашатай Мулій и слѣпой пѣвецъ Демодокъ зовутся героями. Однимъ словомъ, примѣняемое греческими писателями къ такъ называемой гомеровской монархіи слово базилеа съ придаткомъ къ нему совѣта и агоры, обозначаетъ лишь военную демократію“ (Марксъ).

Должность базилеуса не ограничивалась однимъ военнымъ начальствомъ; на немъ лежали еще обязанности религіозныя и судебныя. Въ чемъ заключались послѣднія—доподлинно неизвѣстно; кажется, по своей должности онъ былъ членомъ булэ. Что же касается священнодѣйствія, то оно входитъ въ его обязанность какъ старшины племени или союза племенъ. Слово базилеусъ соотвѣтствуетъ слову Kuning, Kuni, Künae (König—король), обозначавшему родового старшину, а ни какъ не слову король, царь въ нынѣшнемъ его значеніи. Ѳукидидъ называетъ древняго базилеуса—patriké, т.-е. отъ рода происходящій, и говоритъ: онъ имѣетъ строго опредѣленныя, слѣд., ограниченныя обязанности. По Аристотелю—базилеіа героическаго времени обозначала начальство надъ свободными людьми, и базилеусъ былъ военачальникъ, судья и главный жрецъ. Правительственная власть, въ позднѣйшемъ значеніи этого слова, ему не принадлежала [1]).

[1]) Военачальнику ацтековъ, какъ греческому базилеусу, также придали значеніе „царя“. Морганъ въ первый разъ кри-

Изъ вышеизложеннаго видно, что греки героическаго періода жили при родовомъ укладѣ и что этотъ укладъ уже отживалъ свое время. Установившееся право наслѣдства дѣтей къ имуществу отца повело къ накопленію богатства и усиленію значенія отдѣльныхъ семействъ на счетъ остальнаго рода. Это неравенство не осталось безъ вліянія на общественный укладъ; оно было началомъ образованія наслѣдственнаго класса благородныхъ и наслѣдственной монархіи. Рабство пока ограничивалось военноплѣнными, но замѣтны уже признаки, что на этомъ оно не остановится. Прежнія войны между племенами выродились въ систематическій разбой на сушѣ и на морѣ ради пріобрѣтенія скота, рабовъ, разныхъ сокровищъ, и награбленное считалось *законно пріобрѣтеннымъ*. Однимъ словомъ, богатство считалось и почиталось за высшее благо и для оправданія грабежа злоупотребляли родовымъ институтомъ. Недоставало лишь такого учрежденія, которое приняло бы на себя охрану неправильно нажитыхъ частныхъ богатствъ противъ коммунистическихъ поползновеній родовыхъ преданій; установило бы подобающее значеніе частной собственности, до того времени находившейся въ пренебреженіи, провозгласило бы ее за высшее благо человѣчества и доставило бы общественную санкцію дальнѣйшимъ новымъ формамъ присвоенія собственности, постоянно увеличивавшемуся богатству; учрежденіе, которое увѣковѣчило бы зарождавшееся дѣленіе на классы, эксплоатацію бѣднаго богатымъ и господство послѣдняго надъ первымъ.

И такое учрежденіе нашлось. Образовалось *государство*.

тически разобралъ сперва сбивчивыя и преувеличенныя, а затѣмъ завѣдомо ложныя сообщенія испанцевъ и доказалъ, что укладъ мексиканцевъ соотвѣтствовалъ среднему періоду варварства (т.-е. былъ выше, чѣмъ бытъ ново-мексиканскихъ индійцевъ въ Пуэбло) и что, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ искаженнымъ свѣдѣніямъ, ихъ общественный строй былъ слѣдующій: ацтеки составляли союзъ трехъ племенъ, которому подчинялись и платили дань еще нѣсколько племенъ; управленіе состояло изъ союзнаго совѣта и союзнаго военачальника, котораго испанцы превратили въ царя.

V.

Образованіе аѳинскаго государства.

Въ древнихъ Аѳинахъ можно лучше всего прослѣдить образованіе государства, прослѣдить, какъ органы родового быта измѣнялись, теряли свое значеніе и, наконецъ, уступили мѣсто органамъ государственной власти; какъ въ то же время изъ всенароднаго ополченія, которое было снимкомъ съ устройства гражданскаго, выдѣлилась вооруженная сила, исключительно подчиненная государственной власти и, по ея приказу, часто дѣйствовавшая противъ народа. Въ своемъ сочиненіи Морганъ изложилъ сущность измѣненія въ органахъ правительственной власти въ Аѳинахъ, я добавилъ къ нему указанія на экономическія причины, вызвавшія эти измѣненія.

Въ героическій періодъ 4 аѳинскія филы (племени) занимали въ Аттикѣ каждая особую область, да и 12 фратрій (колѣнъ), на которыя дѣлились эти филы, кажется, жили отдѣльно въ 12 городахъ Кекропса. Общественный укладъ героическаго періода: народное собраніе, народный совѣтъ, военачальникъ (базилеусъ). Земля, какъ показываетъ исторія, была уже подѣлена и перешла въ частную собственность; производство товаровъ и торговля ими достигли извѣстнаго развитія. Такое экономическое положеніе показываетъ, что греки того времени переживали конецъ высшаго періода варварства. Аѳиняне занимались производствомъ преимущественно зерна, вина и масла, а также морскою торговлею, которая перешла въ ихъ руки отъ финикіянъ. Купля

и продажа земельныхъ участковъ, прогрессивное раздѣленіе труда между земледѣліемъ и ремеслами, торговлей и мореплаваніемъ повели къ различнымъ перемѣщеніямъ жителей Аттики; въ мѣстахъ поселенія отдѣльныхъ фратрій и филъ явились новые жители, которые хотя и принадлежали къ тому же народу, какъ и коренные жители, но были другихъ фратрій и филъ, т.-е. были чужаками на новыхъ мѣстахъ и, какъ чужаки, не имѣли права участвовать въ управленіи. А каждая фратрія и каждая фила вели свои дѣла безъ всякаго вмѣшательства аѳинскаго народнаго собранія или базилеуса.

Вслѣдствіе этого правильное дѣйствіе органовъ родового уклада стало невозможнымъ, и уже въ героическое время потребовались въ немъ измѣненія, введеніе которыхъ приписывается Тезею. Нововведеніе главнымъ образомъ состояло въ учрежденіи въ Аѳинахъ центральнаго управленія, общаго всей Аттики совѣта, который вѣдалъ дѣла, касавшіяся всего народа. Такого учрежденія не было ни у одного изъ американскихъ племенъ. Развитіе ихъ остановилось на союзѣ сосѣднихъ племенъ: греки пошли дальше, они слили различныя племена въ одинъ народъ. Такъ возникло, надъ обычнымъ правомъ племенъ и родовъ, аѳинское народное право: аѳинскій гражданинъ получилъ право и законную защиту въ новыхъ мѣстахъ своего поселенія, внѣ своего рода и племени. Это былъ первый шагъ къ уничтоженію родового быта; онъ послужилъ впослѣдствіи прецедентомъ къ принятію въ число аѳонскихъ гражданъ лицъ, не принадлежавшихъ даже къ аѳинскому народу. Тезею также приписываютъ раздѣленіе аѳинскаго народа, помимо геноса, фратрій и филъ, на три класса: *эвпатридовъ*, или благородныхъ, съ предоставленіемъ имъ права на исключительное занятіе общественныхъ должностей, *геоморовъ* или земледѣльцевъ, и *деміурговъ*, или ремесленниковъ; послѣднимъ двумъ классамъ не было предоставлено никакихъ особыхъ правъ, и, слѣд., для нихъ такое дѣленіе не имѣло практическаго значенія. Но это дѣленіе тѣмъ важно, что оно указываетъ на мало-по-малу

обозначавшіеся нынѣшніе общественные элементы, а также тѣмъ, что обычное замѣщеніе должностей родового уклада лицами только извѣстныхъ семействъ обратилось въ неоспоримое ихъ преимущество, и эти семейства, сильныя своимъ богатствомъ, выдѣлились изъ рода въ особое привилегированное сословіе, которое поддерживала зарождающаяся государственная власть. Изъ этого же дѣленія видно, что раздѣленіе труда между земледѣльцами и ремесленниками рѣзко обозначилось и стало болѣе значительнымъ общественнымъ факторомъ, чѣмъ дѣленіе на филы, фратріи и роды. Наконецъ введенное Тезеемъ дѣленіе на классы показало несовмѣстимость родового быта съ государственнымъ укладомъ. Лишь только появились зачатки государства, и родовая связь была порвана; члены рода раздѣлились на полноправныхъ и неполноправныхъ, а эти послѣдніе опять на два класса, различные по ремеслу и потому противоположные другъ другу.

Политическая исторія Аѳинъ со времени введенія учрежденій Тезея и до Солона мало извѣстна. Мы знаемъ только, что должность базилеуса постепенно теряла свое значеніе, и во главѣ государства стали архонты, избиравшіеся изъ эвпатридовъ. Господство благородныхъ было вее время тяжело, а около 600 года до нашего лѣтосчисленія стало невыносимымъ, такъ какъ народъ изнемогалъ отъ процентовъ, взимаемыхъ эвпатридами за ссуженныя деньги. Эвпатриды жили въ Аѳинахъ и около Аѳинъ. Свои богатства они пріобрѣли морскою торговлею, все еще соединенною съ морскимъ разбоемъ. Они вели денежное хозяйство, которое разъѣдало и уничтожало хозяйство натуральное и древній складъ жизни въ сельской общинѣ. Родовой бытъ не могъ удержаться при денежномъ хозяйствѣ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезло и прежнее хозяйство, которое онъ бережно охранялъ. Ни геносъ, ни фратрія не знали ни долговой росписки, ни залоговаго свидѣтельства на недвижимую собственность, какъ аѳиняне времени Тезея. Съ распространеніемъ же денежнаго господства евпатридовъ выработался обычай обезпеченія заимодавца залогомъ имущества, узаконилось разореніе мелкихъ хозяевъ людьми денежными.

Почти на всѣхъ поляхъ Аттики стояли столбы съ надписями о томъ, что земля заложена такому-то за столько-то. Если не было такого столба, то это въ большей части случаевъ означало, что земля перешла къ эвпатриду-ростовщику за просрочку долга или за невзносъ процентовъ. Прежній владѣлецъ считалъ себя счастливымъ, если его не сгоняли съ земли, а оставляли на ней съ правомъ пользоваться *одной шестой* жатвы; остальныя *пять шестыхъ* шли въ пользу новаго владѣльца въ видѣ арендной платы. Но на этомъ дѣло не останавливалось. Если вырученныя отъ продажи земли деньги не покрывали долга, то должникъ долженъ былъ продать своихъ дѣтей въ чужую землю для пополненія своего долга. Отецъ, продающій своихъ дѣтей! Вотъ первое послѣдствіе отцовскаго права и моногаміи! А если долгъ оставался непокрытымъ, кровопійца-заимодавецъ продавалъ въ неволю самого должника. Таковъ восходъ цивилизаціи аѳинскаго народа.

При родовомъ укладѣ такой правовой обычай былъ немыслимъ, а при государственномъ строѣ онъ какъ-то мало-помалу, незамѣтно, самъ собой установился, онъ, такъ сказать, навязался аѳинянамъ безъ ихъ вѣдома и противъ ихъ воли, онъ вытекъ изъ самой сущности возникшихъ общественныхъ отношеній. Возвратимся къ нашимъ ирокезамъ. У нихъ не могло установиться подобнаго права. У ирокезовъ средства къ поддержанію жизни добывались изъ года въ годъ одинаковымъ способомъ и лишь для своего потребленія, а потому у нихъ не могло быть богатыхъ и бѣдныхъ, эксплоатирующихъ и эксплоатируемыхъ. Конечно, ирокезы мало умѣли пользоваться силами природы, но, въ тѣсныхъ границахъ своихъ нуждъ, они были полными хозяевами производства. Они не могли отвратить неурожая, препятствовать истощенію рыбы въ озерахъ и рѣкахъ и птицы въ лѣсу, но они хорошо знали, что можно получить при ихъ способѣ производства. А можно было получить лишь средства къ поддержанію жизни, иногда скудныя, иногда болѣе обильныя; это никакъ не могло повести къ перевороту въ жизненномъ строѣ, къ разрыву родового союза, къ распаденію членовъ рода и пле-

мени на два враждебныхъ класса. Правда, производство вращалось въ самыхъ тѣсныхъ рамкахъ, но производители, повторяю, были полными хозяевами своихъ произведеній. Послѣднее обстоятельство было большимъ преимуществомъ способа производства періода варварства; оно измѣнилось съ наступленіемъ цивилизаціи, но его возстановленіе есть задача ближайшаго поколѣнія, которое достигнетъ этого при помощи нынѣ подчиненныхъ человѣку силъ природы и на основаніи возможной въ настоящее время свободной ассоціаціи.

Иначе было у грековъ. Стада и домашняя утварь перешли въ частную собственность и стали предметомъ обмѣна между отдѣльными лицами, обратились въ *товаръ*. Въ этой перемѣнѣ зародышъ всѣхъ дальнѣйшихъ измѣненій общественнаго строя. Производители перестали сами потреблять всѣ продукты своего производства; они передавали эти продукты, при обмѣнѣ, въ чужія руки и лишали себя этимъ права ими распоряжаться. Они не знали дальнѣйшей судьбы своихъ произведеній, а это дало возможность новымъ хозяевамъ воспользоваться ими для эксплоатаціи и порабощенія производителей. Только то общество надолго сохраняетъ власть надъ своими продуктами и контролируетъ вліяніе на общество процессовъ производства, которое незнакомо съ обмѣномъ между отдѣльными лицами.

Аѳиняне на себѣ испытали, какъ скоро за установленіемъ такового обмѣна и за обращеніемъ продукта въ товаръ власть производителя надъ продуктомъ замѣняется властью продукта надъ производителемъ. За товарнымъ производствомъ послѣдовала обработка полей отдѣльными лицами и затѣмъ обращеніе земли въ частную собственность. Наконецъ, появились деньги, этотъ общій представитель товара, на который обмѣниваются всѣ остальные. Передъ этой новой общественной силой преклонилось все общество, хотя это невозможно было предвидѣть при первомъ установленіи общаго мѣрителя товаровъ. И эта новая, безъ воли и вѣдома общества, внезапно проявившаяся сила дала почувствовать аѳинянамъ свою молодую мощь во всей ея суровости.

Что было дѣлать? Древній родовой бытъ не былъ въ состояніи остановить торжественнаго шествія денегъ, онъ не былъ въ состояніи найти въ нѣдрахъ своихъ мѣста для денегъ, должниковъ и заимодавцевъ, для понудительнаго взысканія долговъ. А новая общественная сила тѣмъ не менѣе существовала, и ни смиренное желаніе, ни страстное ожиданіе возвращенія добраго стараго времени не стерли съ лица земли ни денегъ, ни ростовщичества.—Одновременно съ этимъ родовому быту были нанесены еще другіе, второстепенные удары. Смѣшанное жительство по всей Аттики, а особенно въ Аѳинахъ, членовъ разныхъ родовъ и фратрій съ каждымъ поколѣніемъ увеличивалось, несмотря на то, что аѳинянинъ не могъ продать чужеродцу свой домъ, а только свою землю.—Раздѣленіе труда между различными вѣтвями производства: земледѣліемъ, ремесломъ, торговлею, мореплаваніемъ и т. д., съ развитіемъ промышленности и торговыхъ сношеній тоже все болѣе развивалось, и народонаселеніе раздѣлилось по роду занятій на довольно постоянныя группы, изъ коихъ каждая имѣла цѣлый рядъ новыхъ общихъ интересовъ, а для этихъ интересовъ не было мѣста ни въ родѣ, ни въ фратріи, и они для своего обезпеченія нуждались въ новыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ.—Число рабовъ значительно возросло и много превысило число свободныхъ аѳинянъ; вначалѣ родовой бытъ не зналъ рабства, а потому такое увеличеніе числа рабовъ потребовало изысканія средствъ держать въ повиновеніи такую большую массу людей. Наконецъ, торговля привлекала въ Аѳины много иностранцевъ, искавшихъ случая скораго обогащенія, но, въ силу родового уклада, они не пользовались никакими правами и, несмотря на обычную аѳинянамъ терпимость, оставались чуждыми туземному элементу.

Однимъ словомъ, насталъ конецъ родовому быту. Общество переросло этотъ укладъ, онъ не могъ ни смягчить, ни уничтожить разъѣдавшія его противорѣчія. А между тѣмъ государство незамѣтно росло и росло. Новыя группы, образовавшіяся при раздѣленіи труда сперва между городомъ и деревнею, а затѣмъ между различными отраслями городского труда,

создали новые органы для защиты своихъ интересовъ. Молодое государство, для войны и особенно для защиты торговаго флота, нуждалось въ вооруженной силѣ, и въ Аѳинахъ прежде всего въ военныхъ корабляхъ. Съ этою цѣлью еще до Солона, но когда именно, не знаемъ, вся Аттика была раздѣлена на небольшія округи-навкратіи—по 12 въ каждой филѣ. Каждая навкратія обязана была выстроить, вооружить и снабдить экипажемъ одно военное судно и сверхъ того выставить двухъ всадниковъ. Это учрежденіе вдвойнѣ задѣло родовой бытъ. Во 1) оно создало вооруженную силу, отдѣльную отъ всенароднаго ополченія, и во 2) основало дѣленіе гражданъ съ политическою цѣлью не по родственнымъ отношеніямъ, а *по мѣсту жительства*. Что изъ этого вышло, увидимъ ниже.

Родовой бытъ не могъ придти на помощь эксплоатируемому народу, оставалось взяться за это государству. И оно помогло народу законодательствомъ Солона и еще болѣе утвердилось на счетъ прежняго уклада. Солонъ—какимъ способомъ была введена его реформа въ 594 году до нашего лѣтосчисленія, для насъ безразлично—Солонъ былъ первымъ такъ называемымъ политическимъ революціонеромъ, но онъ, какъ и всѣ революціонеры, коснулся также законовъ собственности. Всѣ политическія революціи, до самаго послѣдняго времени, совершались съ цѣлью доставить преобладаніе одному роду собственности надъ остальными, возвысить одинъ родъ собственности въ ущербъ другому. Въ большую французскую революцію ради буржуазной собственности пожертвовали собственностью феодальною; въ солоновомъ законодательствѣ поплатилась собственность заимодавцевъ, выиграла собственность должниковъ. Всѣ долги были объявлены недѣйствительными. Частности этого дѣла намъ въ точности неизвѣстны. Солонъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ говоритъ, что онъ съ заложенной земли снялъ закладные столбы и возвратилъ изъ чужой земли добровольныхъ изгнанниковъ и проданныхъ въ рабство. А этого достигнуть можно было лишь прямымъ нарушеніемъ права собственности. Дѣй-

ствительно, всѣ политическія революціи, съ первой до послѣдней, имѣли цѣлью защиту собственности *одного* рода и для ея достиженія конфисковали, иначе сказать, грабили, собственность *другого* рода. По справедливости можно сказать, что въ теченіе болѣе 2000 лѣтъ частная собственность поддерживалась нарушеніемъ собственности.

Но дѣло на уничтоженіи долговъ не остановилось. Были приняты мѣры сдѣлать невозможнымъ на будущее время обращеніе въ рабство свободныхъ аѳинянъ. Съ этою цѣлью запретили заключеніе такихъ долговыхъ обязательствъ, по которымъ должникъ отвѣчалъ своею личностью. Затѣмъ былъ опредѣленъ maximum величины земельнаго участка отдѣльнаго лица и этимъ ограничена алчность эвпатридовъ къ пріобрѣтенію поземельной собственности. Наконецъ, произведены были измѣненія въ государственныхъ учрежденіяхъ. Изъ нихъ для нашей цѣли важнѣйшія:

Сокращеніе числа членовъ совѣта (сената) до 400, по сто отъ каждой филы. Это единственный случай сохраненія въ новыхъ учрежденіяхъ постановленія прежняго уклада. Раздѣленіе гражданъ на четыре класса по величинѣ и доходности поземельной собственности; для первыхъ трехъ классовъ minimum дохода былъ опредѣленъ въ 500, 300 и 150 медимновъ зерна (1 мед.=41 литру); кто получалъ менѣе 150 мед. дохода или вовсе не владѣлъ недвижимою собственностью, тотъ причислялся къ 4-му классу. На всѣ общественныя должности могли быть избираемы лишь члены первыхъ трехъ классовъ, причемъ высшія должности предоставлены 1-му классу. Четвертый классъ пользовался правомъ участвовать въ преніяхъ и голосованіи народнаго собранія, большинство котораго и состояло изъ 4-го класса. Народное собраніе избирало всѣхъ должностныхъ лицъ, и ему они отдавали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Собраніе же издавало законы. Такимъ образомъ, хотя прежнія преимущества аристократовъ были частью возобновлены въ формѣ имущественныхъ преимуществъ, но народъ имѣлъ преобладающую власть. Дѣленіе на классы послужило также основаніемъ для новой военной организаціи.

Первые два класса составляли кавалерію, третій выставлялъ тяжелую пѣхоту; четвертый служилъ въ легкой безпанцырной пѣхотѣ или во флотѣ и, вѣроятно, получалъ жалованье.

Солонъ ввелъ въ законодательство новый принципъ: частную собственность. На основаніи владѣнія поземельною собственностью распредѣлялись между гражданами права и обязанности. Насколько при этомъ выиграли имущественныя отношенія, настолько потерпѣли прежнія кровородственныя группы. Родовой бытъ потерпѣлъ новое пораженіе.

Опредѣленіе политическихъ правъ по имуществу не есть, однако, такое установленіе, безъ котораго не можетъ существовать государство. Хотя такое распредѣленіе правъ и играло въ исторіи государственныхъ учрежденій не маловажную роль, но многія государства, и притомъ достигшія наилучшаго устройства, обходились и обходятся совершенно къ нему не прибѣгая. И въ Аѳинахъ оно было лишь временнымъ. Со времени Аристида и 4-й классъ получилъ право занимать общественныя должности.

Въ слѣдующіе восемьдесятъ лѣтъ въ Аѳинахъ окончательно установились новыя учрежденія и они продолжали развиваться все слѣдующее столѣтіе. На разжирѣвшихъ ростовщиковъ была наложена узда и прекращено безпредѣльное сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ поземельной собственности. Главными средствами пріобрѣтенія стали торговля и все расширявшія свое производство, при помощи труда рабовъ, ремесла и изящныя искусства. Образованіе двинулось впередъ. Вмѣсто первоначальной грубой эксплоатаціи согражданъ эксплоатировали рабскій трудъ и чужеземныхъ покупателей. Движимая собственность, богатства въ деньгахъ, въ рабахъ и корабляхъ постепенно увеличивались и скоплялись сами для себя, а не какъ средство къ пріобрѣтенію поземельной собственности, какъ это было въ былое время. Такимъ образомъ, новый классъ богатыхъ промышленниковъ и купцовъ, съ одной стороны, повелъ побѣдоносную конкуренцію съ прежде могущественными эвпатридами, а съ другой стороны—отнялъ почву изъ-подъ ногъ прежняго родового быта. Члены различ-

ныхъ родовъ, фратрій и филъ разселились по всей Аттикѣ и такъ перемѣшались, что они уже не могли составить какого-либо отдѣльнаго учрежденія; многіе изъ аѳинскихъ гражданъ даже не принадлежали ни къ одному изъ родовъ, и сверхъ того все увеличивалось число чужестранцевъ, жившихъ подъ покровительствомъ избираемаго каждымъ изъ нихъ полноправнаго гражданина.

Но партійная борьба не прекращалась. Эвпатриды добивались возвращенія прежнихъ своихъ правъ и на нѣкоторое время этого достигли, пока переворотъ, произведенный Клисѳеномъ въ 509 г. до нашего лѣтосчисленія, не уничтожилъ окончательно ихъ господства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и послѣднихъ остатковъ родового быта.

Новое законодательство Клисѳена совершенно игнорировало прежнее дѣленіе аѳинскаго народа на филы, фратріи и роды. Оно основало дѣленіе народа на другомъ началѣ, уже примѣненномъ въ навкратіяхъ,—по мѣсту постояннаго жительства. Принималась въ разсчетъ не принадлежность къ родовому союзу, а лишь одна осѣдлость; это было собственно не дѣленіе народа, а дѣленіе области, имъ занимаемой; въ политическомъ смыслѣ жители обращены въ простой придатокъ къ землѣ.

Вся Аттика была раздѣлена на 100 округовъ, демовъ; каждый округъ пользовался самоуправленіемъ. Граждане (демоты) каждаго округа избирали старшину (демота), казначея и 30 судей для разбора незначительныхъ дѣлъ. Каждая дема имѣла свой храмъ, своего богохранителя или героя и избирала жрецовъ. Верховная власть принадлежала общему собранію демотовъ. Морганъ справедливо замѣчаетъ, что такое управленіе есть первообразъ самоуправленія американскихъ городовъ. Аѳинское государство положило въ основаніе своихъ учрежденій ту единицу, на которой остановилось самое передовое государство настоящаго времени.

Десять такихъ единицъ, демъ, составляли мѣстную филу въ отличіе отъ родовой. Мѣстная фила была не только политической, но и военной корпораціей; она избирала филарха, или старшину филы, начальника кавалеріи, таксіарха, командывавшаго пѣхотой и стратега — главнокомандующаго всѣмъ

войскомъ филы. Кромѣ того каждая фила выставляла пять военныхъ кораблей съ экипажемъ и командующимъ флотомъ. Каждая фила имѣла особаго покровителя изъ героевъ Аттики и его именемъ называлась. Наконецъ, фила избирала членовъ въ аѳинскій сенатъ.

Надъ демами и филами стояло аѳинское государство: совѣтъ (сенатъ) изъ 500 членовъ, по 50 отъ каждой филы, и народное собраніе, въ составъ котораго входили съ правомъ голоса всѣ аѳинскіе граждане. Распорядительными и судебными органами были архонты и другіе чиновники. Исполнительная власть не была сосредоточена въ одномъ лицѣ.

Новое уложеніе допустило въ число гражданъ, жившихъ въ то время въ Аттикѣ и находившихся въ полной зависимости отъ патроновъ, неполноправныхъ лицъ изъ чужестранцевъ и вольноотпущенныхъ рабовъ. Органы же родового уклада были вовсе исключены изъ государственнаго уложенія и обратились въ частныя религіозныя сообщества. Но нравственное вліяніе и образъ мыслей и воззрѣній, унаслѣдованныя отъ родового быта, еще долго жили въ народѣ, что отразилось на учрежденіи полицейской власти, какъ сейчасъ это увидимъ.

Отдѣльная отъ народной массы вооруженная сила есть отличительный признакъ государства. Въ Аѳинахъ описываемаго времени обязанность защищать государство отъ внѣшняго врага и удерживать въ повиновеніи рабовъ, число которыхъ превышало число свободныхъ гражданъ, лежала еще на народномъ ополченіи и на народомъ выставленномъ флотѣ. Противъ же гражданъ употреблялась полиція, учрежденіе одновременное съ образованіемъ государства. Эта полиція была настоящая конная и пѣшая жандармерія, вооруженная стрѣлами. Она набиралась *изъ рабовъ*. Свободный аѳинянинъ считалъ полицейскія обязанности до того унизительными, что онъ соглашался быть арестованнымъ вооруженнымъ рабомъ, только бы самому не участвовать въ такомъ позорномъ дѣлѣ. Молодое государство нуждалось въ полиціи, но оно не имѣло авторитета сдѣлать *почтеннымъ* ремесло, считавшееся въ родовомъ быту безчестнымъ по *существу*.

Что установленныя Клисѳеномъ основы государственнаго строя соотвѣтствовали тогдашнему состоянію аѳинскаго общества, показываетъ быстрый подъемъ его богатства, торговли и промышленности. Новыя общественныя и политическія учрежденія тоже основывались на классовомъ различіи, только не на различіи между благородными и простымъ народомъ, какъ прежде, а на различіи между свободнымъ и рабомъ, и между кліентомъ и гражданиномъ. Въ самое цвѣтущее время считалось 90 т. свободныхъ аѳинскихъ гражданъ (въ томъ числѣ женщины и дѣти), 365 т. рабовъ обоего пола и 45 т. кліентовъ-иностранцевъ и вольноотпущенныхъ. Слѣд., на каждаго взрослаго гражданина приходилось по 18 рабовъ и болѣе 2 кліентовъ. Большая часть рабовъ была занята въ обширныхъ мануфактурахъ подъ надзоромъ надсмотрщиковъ, чѣмъ и объясняется значительное число рабовъ. Рядомъ съ развитіемъ промышленности и торговли шло накопленіе и сосредоточеніе богатства въ немногихъ рукахъ и обѣднѣніе остальной массы свободныхъ, которымъ оставалось или конкурировать съ рабами въ ремесленномъ трудѣ, что считалось унизительнымъ и не могло доставить большой помощи, или ниществовать. Они, при существовавшихъ обстоятельствахъ, по необходимости избрали послѣднее и привели государство къ полному упадку. Не демократія погубила Аѳины, какъ утверждаютъ европейскіе ученые, виляющіе хвостомъ передъ царскою властью, а рабство, отнимавшее работу у свободныхъ гражданъ.

Аѳины представляютъ типическій образецъ, какъ возникаютъ изъ родового быта государственныя учрежденія, потому что образованіе государства въ Аѳинахъ шло безъ всякаго насильственнаго внутренняго или внѣшняго вмѣшательства (узурпація Пизистрата не оставила слѣдовъ своего краткаго существованія), а также потому, что въ Аѳинахъ непосредственно изъ родового уклада вытекла одна изъ высшихъ формъ государства, демократическая республика, и, наконецъ, потому что намъ извѣстно во всѣхъ подробностяхъ возникновеніе аѳинскаго государства.

VI.

Римскій родъ и римское государство.

Согласно преданію объ основаніи Рима, первыми тамъ поселились нѣсколько (по преданію сто), соединенныхъ въ одно племя латинскихъ родовъ, за ними послѣдовало племя сабелловъ и, наконецъ, туда же пришло третье изъ различныхъ элементовъ составленное племя, оба тоже изъ ста родовъ. Изъ этого преданія видно, что первобытную форму сохранилъ лишь родъ, и то въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ отпрыскомъ оставшагося на родинѣ материнскаго рода. Что же касается до племени, то всѣ три несомнѣнно искусственно сложились, по большей части изъ элементовъ родственныхъ, по образцу естественно образовавшихся племенъ, причемъ не невозможно, что основу каждаго племени составляло древнее, первобытное племя.—Въ Греціи—фратрія, а въ Римѣ—курія составляла промежуточный членъ между племенемъ и родомъ. Каждая курія состояла изъ 10 родовъ; всѣхъ курій было 30.

Римскій родъ, какъ извѣстно, былъ во всемъ сходенъ съ греческимъ; онъ представлялъ, какъ и послѣдній, дальнѣйшее развитіе той общественной единицы, которой первообразъ встрѣтили мы у краснокожихъ въ Америкѣ. Поэтому мы лишь вкратцѣ разсмотримъ римскій родъ.

Укладъ древне-римскаго рода былъ слѣдующій:

1. Взаимное право наслѣдства между членами рода. Имущество оставалось всегда въ родѣ. Такъ какъ въ это время въ римскомъ, какъ и греческомъ, родѣ утвердилось отцовское пра-

во, то потомки по женской линіи не принадлежали къ роду. По законамъ XII таблицъ—это самые древніе до насъ дошедшіе письменные законы—имущество переходило къ дѣтямъ, какъ наслѣдникамъ по крови; за неимѣніемъ дѣтей наслѣдство переходило къ агнатамъ (родственникамъ *по мужской* линіи), а не было таковыхъ, то наслѣдовали члены рода. Во всѣхъ случаяхъ имущество должно было оставаться въ родѣ. По этому законодательству можно прослѣдить, какъ постепенно въ родовой обычай, вслѣдствіе увеличенія богатства и установленія моногаміи, внѣдрялись новыя правовыя отношенія: начальное равенство права наслѣдства между всѣми членами рода ограничено сперва правомъ агнатовъ и затѣмъ правомъ на наслѣдство дѣтей и ихъ потомковъ въ мужескомъ колѣнѣ; понятно, что эти измѣненія записаны въ законы XII таблицъ въ обратномъ порядкѣ.

2. Общее кладбище. Патриціанскій родъ Клавдія при переселеніи въ Римъ, кромѣ участка земли, получилъ въ городѣ мѣсто для кладбища. При Августѣ доставили въ Римъ голову Вара, погибшаго въ Тевтобургскомъ лѣсу, и схоронили ее въ усыпальницѣ (gentiliti us tumulus) рода Квинктилія.

3. Общія праздненства—sacra geutilicia.

4. Запрещеніе браковъ между членами рода. Такого установленія, кажется, нѣтъ въ писанныхъ римскихъ законахъ, но оно соблюдалось по обычаю. До насъ дошло много именъ лицъ обоего пола, вступившихъ между собою въ бракъ, и ни въ одной брачной парѣ родовое имя жены не сходно съ таковымъ же именемъ мужа. На упомянутое запрещеніе указываетъ также наслѣдственное право.—Съ замужествомъ женщина выходитъ изъ рода и теряетъ права агната; ни она, ни ея дѣти не наслѣдники послѣ ея отца и его братьевъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ причитающаяся на долю ея и ея дѣтей часть наслѣдства выходила изъ рода. А такое отстраненіе отъ наслѣдства имѣетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, когда женщинѣ запрещено вступать въ бракъ съ родичемъ.

5. Общая родовая собственность. Таковая появилась въ ар-

ханическое время раздѣла племенной территоріи. У латинскихъ племенъ ихъ земли были отчасти во владѣніи племени, отчасти рода и отчасти во владѣніи отдѣльныхъ хозяйствъ, которыя часто состояли изъ нѣсколькихъ семействъ. Раздѣлъ земли между отдѣльными лицами начался съ Ромула. Каждый такой участокъ заключалъ въ себѣ 2 югера (около десятины). Впрочемъ, и гораздо позже мы находимъ еще земли, находившіяся во владѣніи всего рода, не говоря уже о принадлежавшей государству землѣ, центрѣ, около котораго вращалась вся внутренняя исторія республики.

6. Обязанность взаимной поддержки и защиты. Объ этомъ въ письменной исторіи сохранились лишь намеки; римское государство съ самаго начала проявило столько силы, что право защиты отъ обидъ перешло на него. При арестѣ Аппія Клавдія весь его родъ, не исключая и его личныхъ враговъ, надѣлъ трауръ. Во время второй пунической войны нѣкоторые роды пожелали выкупить изъ плѣна своихъ сородичей, но сенатъ имъ это *запретилъ*.

7. Право называться общимъ родовымъ наименованіемъ, что сохранилось и во время имперіи. Вольноотпущеннымъ дозволялось именоваться именемъ того рода, къ которому принадлежалъ его бывшій господинъ, но безъ родовыхъ правъ.

8. Право принятія въ родъ постороннихъ лицъ, чрезъ усыновленіе однимъ изъ семействъ рода.

9. О правѣ избирать и смѣщать старшину нигдѣ не упоминается. Но такъ какъ вначалѣ всѣ должности, начиная съ царя, замѣщались или посредствомъ избранія или по назначенію и даже жрецы курій избирались царемъ, то есть достаточное основаніе предположить, что и родовые старшины (principes) избирались, и, вѣроятно, уже изъ одной и той же семьи.

Таковы были права римскаго рода. За исключеніемъ уже совершившагося перехода къ отцовскому праву, эти права суть вѣрное отраженіе правъ и обязанностей ирокезскаго рода. И изъ-за римскаго рода „ясно выглядываетъ ирокезъ“.

Прошло триста лѣтъ съ основанія Рима, а родовой союзъ былъ еще до того крѣпокъ, что патриціанскій родъ Фабіевъ,

съ разрѣшенія сената, но на свой страхъ, объявилъ войну сосѣднему городу Вен. 306 Фабіевъ выступило въ походъ, непріятель устроилъ засаду и перебилъ ихъ всѣхъ; остался въ живыхъ лишь одинъ мальчикъ, который продолжилъ родъ Фабіевъ.

Выше мы сказали, что десять родовъ составляли курію. Она пользовалась большими правами, чѣмъ греческая фратрія. Каждая курія имѣла особые религіозные обряды, свою святыню и своихъ жрецовъ. Жрецы всѣхъ курій составляли римскую коллегію жрецовъ. Десять курій составляли племя (трибу), которое, вѣроятно, какъ и остальныя латинскія племена, избирало вначалѣ своего старшину—военачальника и главнаго жреца. Всѣ три племени составляли римскій народъ, populus romanus.

Слѣдовательно, для того, чтобы принадлежать къ римскому народу, надлежало быть членомъ одного изъ родовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ членомъ куріи и трибы. Общественное устройство римскаго народа было слѣдующее: правительственная власть была въ рукахъ сената, который, какъ справедливо указалъ Нибуръ, состоялъ изъ старшинъ трехсотъ родовъ; сенаторы, какъ старшіе въ родѣ, назывались отцами, patres; сенатъ же значилъ совѣтъ старѣйшихъ (отъ senex, старый). По обычаю каждый родъ посылалъ въ сенатъ членовъ одного и того же семейства, и черезъ это и въ Римѣ образовался классъ родового дворянства, если можно такъ сказать; такія семейства получили названіе патриціевъ и претендовали на исключительное право засѣдать въ сенатѣ и занимать всѣ правительственныя должности. Мало-по-малу народъ согласился на такую привилегію, и она обратилась въ дѣйствительное право. Эту перемѣну преданіе изображаетъ въ такомъ видѣ, какъ будто бы Ромулъ даровалъ первымъ сенаторамъ патриціанское право. Сенатъ, какъ аѳинское булэ, нѣкоторыя дѣла рѣшалъ окончательно, а другія, важнѣйшія, и всѣ новые законы подготовлялъ для представленія на рѣшеніе народнаго собранія. Народное собраніе называлось comitia curiata (собраніе курій). Народъ собирался по куріямъ, а каждая курія, вѣро-

ятно, по родамъ; при голосованіи каждая изъ 30 курій подавала одинъ голосъ. Comitia curiata принимала или отвергала законы, избирала всѣхъ высшихъ чиновниковъ, начиная съ царя (rex), объявляла войну (миръ же заключалъ сенатъ) и рѣшала, какъ высшее судилище, всѣ уголовныя дѣла, за которыя римскій гражданинъ могъ быть осужденъ на смерть. Наряду съ сенатомъ и народнымъ собраніемъ стоялъ царь—rex, обязанности и права котораго соотвѣтствовали таковымъ же греческаго базилеуса. Римскій царь отнюдь не былъ тѣмъ самодержавнымъ государемъ, какимъ его представляетъ Момсенъ *). Царь былъ военачальникомъ, главнымъ жрецомъ и предсѣдателемъ суда по нѣкоторымъ строго опредѣленнымъ дѣламъ. Правомъ надъ жизнью, свободой и собственностью гражданъ онъ пользовался постольку, поскольку это вытекало изъ дисциплинарной власти надъ войскомъ и изъ права предсѣдателя суда на приведеніе въ исполненіе судебнаго приговора. Должность царя не была наслѣдственною. Вѣроятно, по предложенію предшественника его избирала comitia curiata, она же торжественно вводила его въ должность. Участь Тарквинія Гордаго показываетъ, что царь могъ быть лишенъ власти.

Изъ вышеизложеннаго видно, что римляне во время такъ называемаго періода царей, подобно грекамъ героическаго времени, составляли военную демократію, основанную на ро-

*) Латинское rex соотвѣтствуетъ кельто-ирландскому righ (родовой старшина) и готскому—reiks; что слово rex, какъ первоначально нѣмецкій Fürst (англійскій first, датскій förste, т. е. первый), обозначало родового или племенного старшину, видно изъ того, что готы уже въ четвертомъ столѣтіи имѣли особое слово для выраженія позднѣйшаго понятія о царѣ, какъ о предводителѣ народа, именно: thiudans. Въ своемъ переводѣ библіи Улфила называетъ Артаксеркса и Ирода не reiks, а thiudans и владѣнія императора Тиверія не reiki, а thiudinassus. Въ готскомъ имени Thiudans или, какъ нѣмцы неточно переводятъ. König Thiudareiks, Theodorich, т.-е. Dietrich, оба названія слились въ одно имя.

довомъ союзѣ. Правда, нѣкоторыя куріи и трибы искусственнаго происхожденія, но онѣ сложились сообразно дѣйствительно существовавшей архаической общественной формы; онѣ выдѣлились изъ дѣйствительныхъ курій и трибъ, которыми были со всѣхъ сторонъ окружены. Впослѣдствіи явились патриціи съ особыми правами, и царская власть мало-по-малу расширилась, но это не измѣнило основного характера первоначальныхъ учрежденій, о которыхъ только и идетъ здѣсь рѣчь.

Между тѣмъ народонаселеніе города Рима и расширенной завоеваніями римской области мало-по-малу умножилось частью отъ переселеній, частью жителями покоренныхъ латинскихъ земель. Всѣ эти новые обыватели государства (вопросъ о кліентахъ я оставляю въ сторонѣ) стояли внѣ прежнихъ родовъ, курій и трибъ и не входили въ составъ римскаго народа, populi romani. Лично они были свободны, могли владѣть поземельною собственностью, платили подати и несли военную службу. Но они не могли занимать общественныхъ должностей, засѣдать въ народномъ собраніи и не участвовали въ дѣлежѣ общественнаго поля въ завоеванныхъ территоріяхъ. Однимъ словомъ, они не участвовали въ правительствѣ, они составляли плебсъ. Сильный числомъ, которое увеличивалось съ каждымъ новымъ завоеваніемъ, сильный военнымъ образованіемъ и вооруженіемъ, плебсъ представлялъ грозную массу сравнительно съ народомъ, populus romanus, замкнутымъ классомъ, котораго приростъ ограничивался лишь естественнымъ размноженіемъ. И въ отношеніи богатства плебсъ не уступалъ populus'у; онъ владѣлъ почти такимъ же количествомъ земли, какъ и populus, а торговля и промышленность сосредоточивались преимущественно въ его рукахъ.

Безъ того темная первоначальная исторія Рима была еще болѣе затемнена раціонально-прагматическими объясненіями и сообщеніями юристовъ-историковъ, и мы не знаемъ ничего положительнаго ни о времени, ни о ходѣ, ни о поводѣ къ тому перевороту, который положилъ конецъ родовому укладу. Мы знаемъ только, что причина его лежала въ борьбѣ между двумя классами, между плебсомъ и populus'омъ.

Законодательство, приписываемое Сервію Туллію, сходное съ законами Солона, установило новое народное собраніе, котораго членами были всѣ граждане (populus) и всѣ плебеи, исполнявшіе военную службу. Все мужское населеніе, способное носить оружіе, было раздѣлено, сообразно владѣнію поземельною собственностью, на 6 классовъ. Къ первому классу принадлежали владѣвшіе участкомъ земли стоимостью въ 100 т. ассовъ (ассъ=230 к.), ко второму — въ 75 т., къ третьему—въ 50 т., къ четвертому—въ 25 т. и къ пятому—11 т. ассовъ. Къ шестому классу принадлежали пролетаріи, владѣвшіе небольшими участками земли, свободные отъ податей и военной службы. Въ новомъ народномъ центуріатскомъ собраніи (comitia centuriata) граждане, сообразно подраздѣленію классовъ для отбыванія воинской повинности, засѣдали и подавали голоса по центуріямъ. Каждая центурія имѣла одинъ голосъ. Въ 1-мъ классѣ было 80 центурій, во 2—22, въ 3—20, въ 4—22, въ 5—30 и въ 6—1, лишь ради приличія. Къ этому нужно прибавить 18 центурій всадниковъ изъ богатѣйшихъ гражданъ. Всѣхъ центурій было 193; большинство голосовъ 97. Слѣд., большинство было всегда на сторонѣ всадниковъ и перваго класса, располагавшихъ 98 голосами; при ихъ единогласіи остальныя центуріи даже не вотировали,—окончательное рѣшеніе уже было постановлено.

Это новое центуріатское собраніе получило всѣ политическія права (за исключеніемъ нѣкоторыхъ несущественныхъ, номинальныхъ) прежняго куріальнаго собранія, чрезъ что послѣднее вскорѣ прекратило свое существованіе, а куріи и трибы, какъ въ Аѳинахъ, снизошли до частныхъ религіозныхъ сообществъ, продержавшихся долгое время. Три родовыя племени были вытѣснены изъ государственнаго управленія учрежденіемъ съ предоставленіемъ извѣстныхъ правъ четырехъ мѣстныхъ трибъ, изъ коихъ каждая занимала въ городѣ особый кварталъ.

Такъ въ Римѣ, еще до низложенія такъ называемыхъ царей, рушился прежній, основанный на кровномъ родствѣ, общественный порядокъ, мѣсто котораго заступили государ-

ственныя учрежденія, основанныя на территоріальномъ дѣленіи и на имущественномъ различіи. Съ введеніемъ новаго законодательства правительственную власть составляли обязанные военною службою граждане; въ правительствѣ не участвовали не только рабы, но и отстраненные отъ военной службы пролетаріи.

Около этого новаго законодательства—оно развивалось въ томъ же направленіи и по изгнаніи за стремленіе къ самовластію послѣдняго такъ называемаго царя Тарквинія Гордаго, при замѣнившихъ царя двухъ съ одинаковою властью, какъ у ирокезовъ, военачальникахъ (консулахъ),—около этого законодательства вращалась вся исторія римской республики, съ ея борьбой патриціевъ съ плебеями, стремившимися получить доступъ къ государственнымъ должностямъ и участіе въ общественномъ полѣ, и постепеннымъ образованіемъ изъ патриціевъ класса крупныхъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ, къ которымъ перешли участки плебеевъ, разоренныхъ военною службою. Крупные собственники при этомъ стали обрабатывать поля при посредствѣ рабовъ и даже большую часть земли обратили въ пастбища, что обезлюдило Италію и не только способствовало учрежденію имперіи, но и *открыло варварамъ* дорогу въ Римъ.

VII.

Родъ у Кельтовъ и германцевъ.

Недостатокъ мѣста не дозволяетъ мнѣ заняться родовыми установленіями, существующими и теперь въ болѣе или менѣе чистой формѣ у многихъ дикихъ и варварскихъ народовъ, и прослѣдить эти установленія въ древней исторіи азіатскихъ культурныхъ народовъ. Очерчу лишь въ немногихъ словахъ родъ у кельтовъ и германцевъ.

Древніе кельтическіе законы представляютъ живую картину родового быта: въ народномъ сознаніи ирландцевъ память о немъ сохранилась до настоящаго времени, хотя англичане уже давно его насильственно разрушили; въ Шотландіи родовой бытъ сохранился въ полной силѣ до половины прошлаго столѣтія, пока англичане его не уничтожили оружіемъ, законами и судебными рѣшеніями.

Въ древнихъ уэльскихъ законахъ, изданныхъ за нѣсколько столѣтій до англійскаго завоеванія и никакъ не позже 11-го столѣтія, находятся указанія на единичные случаи общественной запашки, что раньше несомнѣнно было общимъ правиломъ. Каждое семейство имѣло въ своемъ личномъ пользованіи по 5-ти акровъ земли и кромѣ того участвовало въ общественной запашкѣ особаго участка, и урожай этого участка дѣлился между общинниками. Не можетъ быть сомнѣнія, что такія деревенскія общины, подобно общинамъ ирландскимъ и шотландскимъ, были представителями рода или части рода; не можетъ быть сомнѣнія даже въ томъ случаѣ, если новое

разсмотрѣніе уэльскихъ законовъ (на что теперь я не имѣю времени) неподтвердитъ этого непосредственно. Но непосредственно подтверждаютъ уэльскіе и ирландскіе историческіе источники, что въ 11-мъ столѣтіи случайный бракъ не былъ еще вытѣсненъ моногаміей. Въ Уэльсѣ бракъ считался нерасторжимымъ лишь по прошествіи семи лѣтъ; супруги могли развойтись, если до 7-ми лѣтъ недоставало всего трехъ ночей. Передъ разводомъ дѣлилось имущество: жена дѣлила, мужъ выбиралъ ту или другую часть. Мебель дѣлилась на основаніи весьма юмористическихъ правилъ. Если мужъ требовалъ развода, то онъ возвращалъ женѣ ея приданое съ нѣкоторой надбавкой; если жена требовала развода, то она получала меньше при дѣлежѣ. Что же касается дѣтей, то на двоихъ, остававшихся при отцѣ, одинъ слѣдовалъ за матерью, причемъ къ первому переходили старшія и младшія, а ко второй среднія. Если, послѣ развода, жена сходилась съ другимъ мужчиной, а первый мужъ требовалъ ее обратно, то она обязана была возвратиться къ нему, хотя бы *одна* нога ея была уже занесена на новое брачное ложе. Если же она прожила со вторымъ мужчиной семь лѣтъ, то они считались уже мужемъ и женой, даже если не были формально обвѣнчаны. Дѣвицы до замужества цѣломудріемъ не отличались, да оно и не требовалось; относящіяся до него постановленія весьма фривольнаго характера и не согласны съ мѣщанскою моралью. За прелюбодѣяніе мужъ могъ поколотить жену (одинъ изъ трехъ случаевъ, въ которыхъ мужу дозволялось бить жену; за побои внѣ этихъ случаевъ онъ подвергался наказанію), но тогда онъ лишался права на какое-либо другое удовлетвореніе, такъ какъ за одно и то же преступленіе полагалось или искупленіе или кара, но не то и другое. Жена могла требовать развода во многихъ случаяхъ: достаточно было непріятнаго запаха при дыханіи мужа. Въ законахъ большое значеніе придается выкупу, который уплачивался старшинѣ племени или царю за отказъ на право первой ночи (gorhmerch, откуда средневѣковое marcheta и французское marquette). Женщины имѣли голосъ въ народномъ собраніи Тѣ же постано-

вленія дѣйствовали у ирландцевъ; и у нихъ временный бракъ былъ въ обыкновеніи, и при разводѣ жена пользовалась точно опредѣленными, большими преимуществами, ее вознаграждали даже за домашнюю работу; и у нихъ была „первая жена“ и побочныя жены, и при наслѣдованіи не дѣлалось различія между законно и незаконно-рожденными дѣтьми. Все это признаки такого случайнаго брака, наряду съ которымъ сѣверо-американская брачная форма покажется строгою; но такой случайный бракъ неудивителенъ въ 11-мъ столѣтіи у народа, который еще во время Цезаря жилъ въ бракѣ группами.

Ирландскій родъ (родъ—септъ, племя—кланъ) удостовѣряется и описанъ не только въ древнихъ законахъ, но и англійскими юристами 17 столѣтія, управлявшими землями клановъ въ домэнахъ—удѣлахъ англійскаго короля. Въ то время земля составляла общую собственность клана или рода, за исключеніемъ лишь той части, которую старшины обратили въ свою частную собственность. Со смертью одного изъ членовъ рода, его хозяйство, его надѣлъ дѣлался свободнымъ, и старшина (caput cognationis), какъ называли его англійскіе юристы, приступалъ къ передѣлу всей земли. Этотъ передѣлъ производился тѣмъ же способомъ, какъ у германцевъ. Еще лѣтъ 40,50 тому назадъ въ нѣкоторыхъ ирландскихъ селахъ существовалъ подобный передѣлъ. Обыкновенно крестьяне арендовали отдѣльные участки земли изъ прежней ихъ родовой собственности, забранной англичанами, и каждый платилъ аренду за свой участокъ; заарендовавъ всю землю, крестьяне соединяли вмѣстѣ всѣ участки, выдѣляли пашни и луга и дѣлили ихъ на участки по качеству почвы и удобству положенія, и каждый хозяинъ получалъ свою часть въ каждомъ участкѣ. Выгонъ и остальныя угодья оставались въ общемъ пользованіи. И въ политическихъ партіяхъ до настоящаго времени проявляются черты родового быта. Такъ, нѣкоторыя изъ партій, на которыя дѣлятся ирландскіе земледѣльцы, повидимому, неразумны и безразсудны и совершенно непонятны англичанамъ; единственная ихъ цѣль, какъ кажется,—устройство излюбленныхъ ими торжественныхъ боевъ. Между тѣмъ эти партіи

представляютъ искусственное оживленіе, послѣдній откликъ разрушеннаго родового быта, указываютъ на наслѣдственный родовой инстинктъ. Есть въ Ирландіи мѣстности, гдѣ родъ почти до настоящаго времени удержался на мѣстѣ своей осѣдлости; такъ еще въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ графствѣ Monaghon большая часть жителей носила всего четыре различныя фамиліи, а это означаетъ, что большую часть населенія составляли потомки четырехъ родовъ или клановъ

Въ Шотландіи родовой бытъ рушился съ подавленіемъ возстанія 1745 г. Какой членъ родового уклада составлялъ кланъ, еще доподлинно не извѣстно, но что онъ былъ однимъ изъ членовъ родового уклада—несомнѣнно. Въ романахъ Вальтера-Скотта весьма живо изображенъ шотландскій кланъ. Онъ представляетъ, говоритъ Морганъ, „образцовый типъ родовой организаціи и родового разума, наглядный примѣръ полнаго подчиненія личности родовому началу... Черты родового быта проявляются во всемъ: въ распряхъ, въ кровавой мести, въ раздѣленіи территоріи по кланамъ, въ общинномъ пользованіи землею, въ преданности интересамъ клана и вѣрности его старшинѣ... Происхожденіе считалось по отцовской линіи, поэтому дѣти мужчины оставались въ кланѣ, а дѣти женщины переходили въ отцовскій кланъ“. Но до этого въ Шотландіи было въ силѣ материнское право, какъ доказываетъ тотъ фактъ, что въ царскомъ родѣ Пиктовъ наслѣдованіе шло по женской линіи. Сохранилось даже у скоттовъ, какъ это видѣли мы и у уэльсовъ, отъ брака групнами право старшины или царя на первую ночь съ каждой невѣстой, если не послѣдовало выкупа; это право предоставлялось старшинѣ или царю, какъ послѣднему представителю архаическаго общаго мужа. Это же право—оно часто встрѣчается на крайнемъ сѣверо-западѣ Сѣверной Америки—было въ силѣ у русскихъ и отмѣнено въ 10 столѣтіи великою княгинею Ольгою.

Существовавшія во Франціи до самой революціи, особенно въ Ниверне и Франшъ-Конте, коммунистическія хозяйства крѣпостныхъ семействъ, подобныя славянскимъ семейнымъ

общинамъ въ сербо-кроатской землѣ, тоже остатокъ родовой организаціи. Еще и теперь въ Louhans (Саона и Луара) встрѣчается много большихъ своеобразно построенныхъ крестьянскихъ домовъ съ общимъ центральнымъ заломъ и спальнями вокругъ, въ которыхъ живетъ нѣсколько поколѣній одного семейства.

Существованіе родового быта у германцевъ до самаго переселенія народовъ несомнѣнно. Германцы заняли земли между Дунаемъ, Рейномъ, Вислою и сѣверными морями лишь за нѣсколько столѣтій до нашего лѣтосчисленія; кимры и тевтоны вели скитальческую жизнь, а свевы поселились на постоянныхъ мѣстахъ лишь при Цезарѣ. О нихъ Цезарь говоритъ буквально, что они селились родами и болѣе тѣсными союзами родственниковъ (gentibus cognationibus), а въ устахъ римлянина изъ рода Юліева слово gentibus имѣетъ опредѣленное значеніе. То же можно сказать вообще о германцахъ; даже въ провинціяхъ, завоеванныхъ отъ римлянъ, они селились родами. По аллеманскому народному праву 8-го столѣтія genealogia и земледѣльческій союзъ были равнозначащи, а это показываетъ, что этотъ народъ, какъ и свевы, разселился по родамъ, gentes, и каждому роду была отведена особая область. У бургундовъ и лангобардовъ родъ назывался fara, и по бургундскому народному праву наименованіе faramanni (членъ рода) и бургундецъ были однозначащи и противополагались наименованію жителя римскаго происхожденія, не принадлежавшаго, конечно, къ бургундскимъ родамъ. Слѣд, и въ Бургундіи земля была подѣлена между родами. Такъ разрѣшился вопросъ о faramanni, болѣе ста лѣтъ занимавшій нѣмецкихъ юристовъ. Хотя наименованіе fara мы встрѣчаемъ и у готскаго, и у велико-германскаго народа, но едва ли оно было общее у всѣхъ германцевъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ весьма много корневыхъ словъ для обозначенія родства, и эти же слова употребляются въ выра-

женіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ родовому быту. У германцевъ, какъ у грековъ и у мексиканцевъ, военное устройство кавалерійскаго отряда и клинообразной пѣхотной колонны было основано на родовыхъ группахъ. Тацитъ говоритъ, что военный строй распредѣлялся по семействамъ и родственнымъ союзамъ; такая неопредѣленность выраженія есть слѣдствіе того, что во время Тацита родъ былъ уже отжившимъ установленіемъ.

Прежнее же его существованіе рѣшительно подтверждаетъ тотъ же Тацитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ: дядя съ материнской стороны смотритъ на своего племянника какъ на сына, и нѣкоторые считаютъ кровную связь между такимъ дядей и племянникомъ болѣе близкою и священною, чѣмъ между отцомъ и сыномъ, почему при требованіи аммоната предпочитаютъ сыну того, который даетъ ручательство, сына его сестры. Это живое изображеніе первобытнаго рода, организованнаго по материнскому происхожденію, что особенно свойственно германцамъ *). Если одинъ изъ членовъ такого рода, представивъ, какъ аммоната, своего сына, затѣмъ не исполнялъ своего клятвеннаго обѣщанія и сына его лишали жизни, то это касалось лишь отца. Если же дядя отдавалъ въ аммонаты сестрина сына и не исполнялъ даннаго обѣщанія, а племянника казнили, то это считалось за нарушеніе самой

*) Въ греческой миѳологіи героическаго времени встрѣчаются факты, вытекающіе изъ материнскаго права, изъ особо близкой связи между дядей и племянниками съ материнской стороны. По Діодору (IV, 34), Мелеандръ убилъ сыновей Ѳеста, братьевъ своей матери Алѳеи. Алѳея за такое неискупное преступленіе проклинаетъ своего сына и призываетъ на его голову смерть. „Разсказываютъ, что боги услышали ея пожеланія и отняли жизнь у Мелеандра". По тому же Діодору (IV, 44), аргонавты, придя во Фракію подъ предводительствомъ Геракла, узнали, что Финей, по наущенію второй жены, жестоко истязаетъ двухъ своихъ сыновей отъ первой, отвергнутой супруги Клеопатры изъ рода Бореадовъ. Между аргонавтами были тоже Бореады, братья Клеопатры, дяди съ материнской стороны истязуемыхъ. Они являются защитниками своихъ племянниковъ, убиваютъ стражу и ихъ освобождаютъ.

священной для рода обязанности; ближайшій родственникъ, долгъ котораго нарочито пещись о мальчикѣ или юношѣ, самъ былъ причиною его смерти. Онъ долженъ былъ или не отдавать его аммонатомъ, или твердо исполнить договоръ. Для доказательства существованія у германцевъ родового уклада достаточно приведеннаго мѣста изъ Тацита.

Во всемъ остальномъ во время Тацита материнское право уже уступило мѣсто отцовскому: дѣти наслѣдовали отцу, не было дѣтей — наслѣдовали братья и дяди съ отцовской и материнской стороны. Допущеніе къ наслѣдству братьевъ матери сохранившійся остатокъ материнскаго права, и это доказываетъ еще недавнее введеніе права отцовскаго. Даже въ началѣ среднихъ вѣковъ встрѣчаются слѣды материнскаго права. Роднымъ съ отцовской стороны въ важныхъ дѣлахъ вѣрили мало, поэтому если феодалъ требовалъ отъ города возвращенія бѣжавшаго туда крѣпостного, то крѣпостное состояніе послѣдняго, напримѣръ, въ Аугсбургѣ, Базелѣ и Кейзерлайтернѣ, должны были клятвенно подтвердить шесть близкихъ кровныхъ родственниковъ, исключительно съ материнской стороны (Maurer, Städtevf. 1. S. 381).

Дальнѣйшій слѣдъ умирающаго материнскаго права — непонятное римлянамъ уваженіе германцами женщины. Такъ при заключеніи договора дѣвица благороднаго семейства считалась самымъ надежнымъ залогомъ его исполненія; мысль о плѣненіи или рабствѣ жены была для германца невыносима, и, возбужденный ею, онъ храбро бросался на непріятеля; на женщину онъ смотрѣлъ какъ на нѣчто святое, вдохновенное, спрашивалъ ея совѣта въ самыхъ важныхъ дѣлахъ; пророчица Веледа, напр., была душою ботавскаго возстанія. Женщина была неограниченной хозяйкой въ домѣ; она, старики и дѣти исполняли всѣ домашнія работы; мужья охотились, пьянствовали и лѣнились. Такъ говоритъ Тацитъ; о томъ, кто обрабатывалъ землю, онъ умалчиваетъ, но изъ его сообщенія, что рабы платили налогъ, а не исполняли тягловыя работы, можно заключить, что взрослые мужчины исполняли несложныя земледѣльческія работы.

Выше было сказано, что у германцевъ существовала форма случайнаго брака, постепенно переходившаго въ единобрачіе. Впрочемъ, строгой моногаміи еще не было; между знатными допускалось многоженство. Дѣвицы отличались цѣломудріемъ (не такъ, какъ у кельтовъ), и Тацитъ съ особымъ увлеченіемъ говоритъ о ненарушимости у германцевъ брачнаго союза. Разводъ допускался лишь въ случаѣ невѣрности жены. Въ этомъ разсказѣ Тацита много недосказаннаго и слишкомъ замѣтно желаніе представить развратнымъ римлянамъ картину добродѣтельной жизни. Но если въ своихъ лѣсахъ германцы и были дѣйствительными рыцарями добродѣтели, то все-таки при самомъ ничтожномъ соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ они опустились до уровня средняго европейца того времени, а поселившись между римлянами, потеряли послѣдніе слѣды нравственной строгости и потеряли ихъ прежде, чѣмъ забыли нѣмецкій языкъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только заглянуть въ сочиненія Григорія Турскаго. Само собою разумѣется, что въ первобытныхъ лѣсахъ Германіи не могла проявиться утонченность чувственныхъ наслажденій, подобная римской, и это уже нравственное преимущество германскаго міра предъ міромъ римскимъ; зачѣмъ же, кромѣ того, приписывать германцамъ чувственное воздержаніе, которое нигдѣ и никогда не составляло отличительнаго качества всего народа.

Изъ родового быта вытекала обязанность наслѣдовать дружбу и вражду отца или родичей и платить виру, замѣнившую прежнюю кровную месть за убійство или членоповрежденіе. Существованіе виры, которая еще недавно считалась чисто нѣмецкимъ учрежденіемъ, теперь доказано у сотни народовъ, и у всѣхъ она есть смягченная форма родовой мести. Это постановленіе есть и у американскихъ индійцевъ, равно какъ и обязательное гостепріимство. Тацитово описаніе послѣдняго у германцевъ даже въ мелочахъ сходно съ таковымъ же описаніемъ Моргана гостепріимства у индійцевъ.

Горячій и безконечный споръ о томъ, составляла ли земля у германцевъ временъ Тацита частную собственность и какъ

понимать относящіяся до сего вопроса показанія историка, уже принадлежитъ прошедшему. Нечего терять время на объясненія, когда доказано, что у всѣхъ народовъ обработка земли производилась первоначально сообща всѣмъ родомъ, потомъ коммунистическими семьями, на которыя указываетъ у свевовъ Цезарь, и, наконецъ, отдѣльными семействами съ періодическимъ передѣломъ земли, каковой передѣлъ и понынѣ удержался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи. Германцы въ теченіе не болѣе 150 лѣтъ, отъ Цезаря до Тацита, перешли отъ обработки земли сообща, о чемъ о свевахъ свидѣтельствуетъ Цезарь (онъ говоритъ: у нихъ не было отдѣльныхъ или составляющихъ частную собственность поземельныхъ имуществъ), къ посемейному владѣнію съ ежегоднымъ передѣломъ, и это большой прогрессъ. Переходъ же въ такое короткое время и безъ всякаго внѣшняго вмѣшательства отъ общиннаго владѣнія къ рѣзко ограниченной частной поземельной собственности рѣшительно невозможенъ. Поэтому я читаю извѣстное мѣсто Тацита такъ: германцы мѣнялись воздѣлываемою землею (передѣляли ее) ежегодно, и сверхъ того у нихъ оставалось еще достаточно общественной земли.—А такая система землевоздѣлыванія и землевладѣнія соотвѣтствуетъ родовому укладу германцевъ того времени.

Во времена Цезаря одна часть германцевъ имѣла постоянное мѣстожительство, другая его отыскивала; во времена же Тацита германцы уже болѣе столѣтія занимали одни и тѣ же мѣста, и это отразилось на очевидномъ прогрессѣ въ производствѣ жизненныхъ средствъ. Германцы жили въ блокгаузахъ (укрѣпленныхъ домахъ); одежда ихъ была самая первобытная, плащъ изъ грубой шерстяной ткани, звѣриная шкура, у женщинъ и знатныхъ исподнее платье изъ льняной ткани. Пища—прибавляетъ Плиній—молоко, мясо, дикіе плоды и овсяный кисель (до сего времени національное кушанье кельтовъ Ирландіи и Шотландіи). Стада составляли все богатство. Порода животныхъ была плохая; рогатый скотъ мелкій, невзрачный, безрогій; лошади—небольшіе пони, съ тихимъ ходомъ. Деньги употреблялись рѣдко, и только римскія. Издѣлій изъ серебра и

золота они не приготовляли и не гнались за ними, желѣзо было рѣдкостью и, кажется, не добывалось на мѣстѣ, а привозилось; по крайней мѣрѣ такъ было у племенъ, жившихъ по Рейну и Дунаю. Руническое письмо (подражаніе греческому и латинскому алфавиту) употреблялось при религіозныхъ обрядахъ. Еще приносились человѣческія жертвы. Однимъ словомъ, передъ нами народъ, недавно перешедшій изъ средней въ высшую фазу варварства. Германскія племена, жившія въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ римлянами, получали отъ послѣднихъ произведенія римской индустріи и не заводили у себя ни металлическаго, ни ткацкаго производства; они установились на сѣверо-востокѣ, у Балтійскаго моря. Предметы вооруженія, найденные въ болотахъ Шлезвига, — длинный желѣзный мечъ, кольчуга, серебряный шлемъ и т. д. вмѣстѣ съ римскими монетами конца 2-го столѣтія,—а равно и разнесенныя на большія пространства при передвиженіи народовъ металлическія вещи германскаго производства хорошей отдѣлки и своеобразнаго типа, хотя и видно въ нихъ подражаніе римскимъ образцамъ. Но переселеніе въ цивилизованную римскую имперію повсемѣстно остановило развитіе національной германской промышленности, за исключеніемъ Англіи. Однохарактерность германскихъ произведеній такъ бросается въ глаза, что кажется, будто бы различныя вещи, находимыя въ Бургундіи, Румыніи и по берегу Азовскаго моря, вышли изъ тѣхъ же мастерскихъ, въ которыхъ изготовлялись вещи англійскія и шведскія, и тѣ и другія несомнѣнно германскаго происхожденія.

Общественное устройство германцевъ тоже соотвѣтствовало высшей фазѣ варварства. По Тациту каждое племя имѣло совѣтъ старшинъ (principes), который окончательно рѣшалъ не столь важныя дѣла, а важныя подготовлялъ для представленія на утвержденіе народнаго собранія. Послѣднее на низшей фазѣ варварства было, какъ мы видѣли у американцевъ, собраніемъ родичей и только впослѣдствіи племени и союза племенъ. Обязанности старшинъ (principes) рѣзко отдѣлялись отъ обязанности военачальниковъ (duces), точно

такъ, какъ у ирокезовъ. На содержаніе старшинъ идутъ почетные подарки членовъ племени, состоявшіе изъ скота, зерна и проч. Старшины избирались, какъ и въ Америкѣ, большею частью изъ одной и той же семьи; переходъ къ отцовскому праву способствовалъ и здѣсь, какъ въ Римѣ и Греціи, постепенному переходу должности старшины изъ выборной въ наслѣдственную и образованію этимъ въ каждомъ родѣ одной благородной семьи. Эта такъ называемая племенная знать исчезла во времена передвиженія народовъ или вскорѣ послѣ него. Въ военачальники избирались способнѣйшіе; тутъ не принималось въ разсчетъ происхожденіе. Они пользовались незначительною властью и пріобрѣтали вліяніе лишь личными дѣлами; настоящая дисциплинарная власть въ войскѣ принадлежала, по утвержденію Тацита, жрецамъ. Правительственная же власть принадлежала народному собранію. Въ собраніи предсѣдательствовалъ царь или старшина племени, постановлялъ рѣшеніе народъ—отрицательное ропотомъ, положительное—шумными восклицаніями (горланіемъ) и бряцаніемъ оружія. Народное собраніе производило также судъ; оно принимало жалобы и постановляло приговоръ; смертная казнь назначалась за трусость, измѣну и неестественное половое сношеніе. Собраніе родовое и болѣе мелкихъ подраздѣленій также отправляло судебныя обязанности подъ предсѣдательствомъ старшины, который, какъ во всѣхъ первоначальныхъ нѣмецкихъ судахъ, лишь руководилъ преніями и ставилъ на обсужденіе вопросы; рѣшеніе постановляло собраніе.

Во времена Цезаря образовались союзы племенъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ были даже цари; главные военачальники, какъ у грековъ, такъ и у римлянъ, стремились къ такъ называемой тиранніи, и иногда такія стремленія не оставались безплодными. Такіе счастливые узурпаторы не были, впрочемъ, неограниченными самодержцами, хотя они и старались избавиться отъ оковъ родового уклада. Они часто награждали почестями, мѣстами и помѣстьями своихъ любимцевъ изъ вольноотпущенныхъ рабовъ, стоявшихъ весьма низко въ общественномъ быту, потому что не состояли членами рода. То же

самое продолжалось по покоренiи римской имперiи, когда военачальники сдѣлались царями обширныхъ странъ. У франковъ рабы и вольноотпущенные играли важную роль сперва при дворѣ, а потомъ и въ государствѣ; они были родоначальниками новой знати.

Учрежденiю царской власти способствовала дружина. У краснокожихъ Америки, какъ мы знаемъ, внѣ народнаго ополченiя, временно составлялись особыя военныя братства, выступавшiя въ походъ на свой страхъ и отвѣтственность. У германцевъ такiя дружины обратились въ постоянныя. Прославившiеся военачальники собирали толпу жадныхъ на чужое добро молодцовъ, и военачальники и дружина клялись во взаимной вѣрности. Начальникъ содержалъ, одаривалъ и iерархически распредѣлялъ дружину: на лейбъ-гвардiю и постоянное войско для небольшихъ походовъ и на готовый кадръ офицеровъ для большихъ. Судя по дружинѣ Одоакра въ Италiи, онѣ не могли быть многочисленны, но, несмотря на это, съ ихъ учрежденiемъ началось стѣсненiе народной свободы, которое продолжалось во время и послѣ великаго переселенiя народовъ, потому что, во-первыхъ, онѣ способствовали учрежденiю царской власти, и, во-вторыхъ, ихъ можно было удерживать въ сборѣ, какъ замѣтилъ еще Тацитъ, только постоянными войнами и грабительскими набѣгами. Грабежъ сталъ цѣлью войны. Не было дѣла по сосѣдству, начальникъ съ своею дружиною помогалъ воевать сосѣднимъ народамъ, если можно было надѣяться на добычу. Многочисленное германское вспомогательное войско, которое подъ римскими знаменами сражалось даже противъ другихъ германцевъ, частью состояло изъ такихъ дружинъ. Въ этомъ нужно искать зачатка ландскнехтовъ, этого позора и проклятiя нѣмцевъ. По покоренiи римской имперiи, царскiя дружины доставили второй контингентъ классу благородныхъ; первый состоялъ изъ вольноотпущенныхъ и придворныхъ служителей.

Такимъ образомъ, государственный укладъ народовъ, составившихся изъ германскихъ племенъ, совершенно сходенъ съ таковымъ у грековъ героическаго времени и у римлянъ

времени такъ называемыхъ царей: народное собраніе, совѣтъ старшинъ, военачальникъ, стремящійся къ дѣйствительной царской власти. Это былъ самый совершенный укладъ, до котораго могъ возвыситься родовой порядокъ; это былъ образцовый укладъ высшей фазы варварства. Но съ развитіемъ общества рамки этого уклада стали тѣсны; онъ разрушился, и мѣсто его заняло истинное государство.

VIII.

Образованіе нѣмецкаго государства.

По свидѣтельству Тацита, германцы были весьма многочисленны. Приблизительное понятіе о численности отдѣльныхъ германскихъ народцевъ можно составить себѣ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Цезаремъ: онъ считаетъ, что появившіеся на лѣвомъ берегу Рейна узипеты и тенктеры составляли до 180.000 душъ, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, такъ что на каждый народецъ приходилось приблизительно до 1000 душъ *), — число, значительно превышающее, напр., численность ирокезовъ, которыхъ въ самое цвѣтущее ихъ время было всего 20.000 душъ. Несмотря на свою малочисленность, ирокезы наводили страхъ на всемъ пространствѣ между большими озерами и до Огіо и Потомака. Пространство, которое занималъ каждый отдѣльный германскій народецъ, можно опредѣлить, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, въ 10.000 кв. кил. или въ 182 кв. географическихъ мили. А такъкакъ Germania magna римлянъ, отъ Рейна

*) Это число подтверждается однимъ мѣстомъ изъ Діодора о кельтахъ Галліи: „Въ Галліи живетъ нѣсколько народцевъ не одинаковой численности. Самый многочисленный изъ нихъ доходитъ до 200.000 душъ, а самый малочисленный заключаетъ 20.000 душъ". (Діодоръ Сицилійскій, V, 25). Среднимъ числомъ 125.000; вообще народцы Галліи, вслѣдствіе внѣшней образованности, несомнѣнно были многочисленнѣе германцевъ.

до Вислы, занимала до 500.000 кв. километровъ, то, при средней численности каждаго отдѣльнаго народца въ 100.000 душъ, можно предположить во всей Германіи 5.000.000 жителей,— весьма высокая численность для группы варварскихъ народовъ, чрезвычайно малая для настоящаго времени—10 человѣкъ на 1 кв. километръ или 550 на 1 кв. милю. Но этими 5-ю милліонами не ограничивается число германцевъ. По всему протяженію Карпатовъ, до самаго устья Дуная, жили различные германскіе народцы готскаго племени. Они были весьма многочисленны, что видно изъ того, что Плиній принималъ ихъ за 5-е главное племя германцевъ и что они еще за 180 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія находились на службѣ македонскаго царя Персея и въ первые годы царствованія Августа разселились до Адріанополя. Принявъ численность всѣхъ этихъ народцевъ только въ милліонъ, получимъ общее число всѣхъ германцевъ въ 6 милліоновъ.

По занятіи всѣми этими народцами постоянныхъ мѣстъ въ Германіи увеличеніе численности ихъ шло съ возрастающей быстротой, что подтверждается указанными выше успѣхами промышленности. Вещи, добытыя при раскопкѣ шлезвигскихъ болотъ, судя по найденнымъ тамъ же римскимъ монетамъ, относятся къ 3 столѣтію по Р. Х. Въ это время по берегу Балтійскаго моря уже процвѣтали металлическое и ткацкое производства, производился живой обмѣнъ съ римской имперіей, и богатые пользовались нѣкоторою роскошью,—все это доказываетъ густоту населенія. Съ этого же времени начинается поступательное движеніе германцевъ по теченію всего Рейна, по римскому пограничному валу и отъ Балтійскаго до Чернаго моря, а это уже прямое доказательство сильнаго размноженія германцевъ, заставившее ихъ искать новыхъ земель. Движеніе продолжалось 300 лѣтъ, въ теченіе которыхъ главное племя, готское (за исключеніемъ скадинавскихъ готовъ и бургундовъ), двигалось на юго-востокъ и составляло лѣвое крыло поступательнаго движенія; центръ составляли верхніе или южные германцы (герминоны), направившіеся къ верхнему Дунаю, и правое крыло—изкевоны, получившіе названіе франковъ, дви-

нувшіеся за Рейнъ; на долю ингевоновъ досталась Британія. Въ концѣ 5-го столѣтія обезсиленная, дряхлая, безпомощная римская имперія была совершенно открыта для вторженія германцевъ.

Мы присутствовали при колыбели греческой и римской цивилизаціи. Теперь мы стоимъ у ея могилы. Нивеллирующій молотъ римскаго всемірнаго владычества дѣйствовалъ по всему побережью Средиземнаго моря, и дѣйствовалъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Національный языкъ всюду, за исключеніемъ Греціи, уступилъ мѣсто испорченному латинскому; и въ другихъ отношеніяхъ почти стерлись національныя отличія; не было болѣе галловъ, иберовъ, лигуровъ, нориковъ,—ихъ обратили въ римлянъ. Римское управленіе и римское право замѣнило прежній родовой союзъ, а съ этой замѣной исчезли послѣдніе слѣды мѣстной и національной самобытности. Новые римскіе порядки выражали лишь отсутствіе всякой національности. Изъ этой однообразной массы начали выдѣляться элементы новыхъ народовъ; нарѣчія латинскаго языка различныхъ провинцій постепенно рѣзче и рѣзче отличались одно отъ другого; естественныя границы, отдѣлявшія прежде самостоятельныя единицы: Италію, Галлію, Испанію, Африку, вновь дали себя почувствовать. Не существовало творческой силы, которая могла бы соединить эти народившіеся элементы новыхъ народностей. Нигдѣ не обнаружилось способности развить эти элементы, силы—противостоять римскому владычеству, творчества—создать что-либо новое. Громадное своею численностью населеніе обширнаго пространства связывала лишь одна власть римскаго государства, власть, мало-по-малу обратившаяся въ злѣйшаго врага и грубаго притѣснителя этого населенія. Провинціи задушили Римъ; самъ Римъ обратился въ провинціальный городъ—привилегированный, но не владычествующій, не центръ всемірной имперіи, даже не столица императора и его намѣстниковъ. Они избрали своимъ мѣстопребываніемъ Константинополь, Триръ, Миланъ. Римское государство обратилось въ гигантскую сложную машину для высасыванія соковъ изъ подданныхъ. Подати и разнаго рода повинности

довели массу населенія до нищеты; этотъ гнетъ усиливали до невозможности поборы намѣстниковъ, сборщиковъ податей, солдатъ. Вотъ до чего довело римское государство міровое владычество: оно основало свое право на жизнь на сохраненіи внутренняго порядка и на внѣшней защитѣ отъ варваровъ. Но этотъ порядокъ былъ хуже самаго худшаго безпорядка, и населеніе видѣло въ варварахъ, противъ которыхъ его защищали, ни болѣе, ни менѣе какъ своихъ спасителей.

Соціальное положеніе было также плохо. Уже въ послѣднее время республики римское владычество основывалось на безпощадной эксплоатаціи покоренныхъ провинцій. Имперія не только не прекратила эту эксплуатацію, но узаконила ее. Вмѣстѣ съ упадкомъ государства росли подати и повинности, увеличивался постыдный грабежъ чиновниковъ. Покорители народовъ римляне не отличались торговыми и промышленными способностями; только въ ростовщичествѣ они превзошли всѣ до нихъ и послѣ нихъ сдѣланное. Торговля, которую они застали въ покоренныхъ провинціяхъ, погибла отъ чиновничьихъ взятокъ; она сохранилась лишь въ восточной, греческой части имперіи, которая не подлежитъ нашему разсмотрѣнію. Всеобщее обѣднѣніе, упадокъ торговыхъ сношеній, ремеслъ, искусства, убыль населенія, запустѣніе городовъ, обращеніе къ низшему способу землевоздѣлыванія—вотъ конечный результатъ римскаго всемірнаго владычества.

Земледѣліе, главная отрасль промышленности во всемъ старомъ мірѣ, къ концу имперіи сдѣлалось почти единственнымъ промышленнымъ занятіемъ. Въ послѣдніе годы республики почти вся Италія была покрыта огромнаго размѣра имѣніями — латифундіями, — которыми пользовались двояко: или ихъ обращали въ пастбища, замѣняя баранами и быками сельское населеніе, такъ какъ для присмотра за стадомъ требовалось всего лишь нѣсколько десятковъ рабовъ, или ихъ обращали въ виллы и вели въ нихъ массою рабовъ огородничество и садоводство въ большихъ размѣрахъ, частью для удовлетворенія роскоши владѣльцевъ, частью для продажи на городскихъ рынкахъ. Эти пастбищныя имѣнія не только

сохранились, но и увеличились; виллы же пришли въ упадокъ съ разореніемъ ихъ владѣльцевъ и запустѣніемъ городовъ. Латифундіи, въ которыхъ работали рабы, не покрывали расходовъ, а между тѣмъ въ это время это былъ единственно возможный способъ хозяйства въ большихъ размѣрахъ. Мелкое хозяйство опять сдѣлалось той формой, при которой была возможна доходность имѣнія. Поэтому одна вилла за другой были раздѣлены на мелкіе участки, и или розданы наслѣдственнымъ арендаторамъ за извѣстную плату, или ихъ получили partiarii, скорѣе управляющіе, чѣмъ арендаторы, которые за свой трудъ пользовались $^1/_6$, а иногда и $^1/_9$ волового дохода. Преимущественно же мелкіе участки отдавались колонамъ за ежегодную плату; они были приписаны къ землѣ и съ землею продавались. Они не были рабами, но не пользовались и свободою; они не могли вступать въ бракъ съ свободными гражданами, и даже браки между колонами не были полноправными, но считались, какъ браки рабовъ, простымъ сожительствомъ (contubernium). Это были предшественники средневѣковыхъ крѣпостныхъ.

Древнее рабство пережило себя. Ни крупное сельское хозяйство, ни городская мануфактура не приносили такого дохода, изъ-за котораго стоило бы ими заниматься; произведенія ихъ не находили сбыта. Въ мелкомъ же хозяйствѣ и въ мелкихъ ремеслахъ, на что свелось гигантское производство цвѣтущаго времени имперіи, не было мѣста для многочисленныхъ рабовъ. Рабовъ держали только богатые люди для домашнихъ услугъ и для производства предметовъ роскоши. Но и при вымирающемъ рабствѣ всякая производительная работа считалась рабскимъ трудомъ, недостойнымъ свободнаго римлянина, а тогда свободнымъ былъ каждый римлянинъ. Отсюда, съ одной стороны, все возрастающее число отпущенныхъ излишнихъ рабовъ, обременявшихъ хозяина, и съ другой стороны—увеличеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ числа колоновъ, въ другихъ разоренныхъ свободныхъ гражданъ. Въ этомъ вымираніи древняго рабства христіанство вполнѣ неповинно. Въ продолженіе столѣтій оно уживалось съ рабствомъ въ римской имперіи и

послѣ не возставало противъ торговли рабами германцевъ на сѣверѣ, венеціанцевъ въ Средиземномъ морѣ и, наконецъ, противъ торговли неграми *). Рабство стало невыгоднымъ—вотъ причина его уничтоженія. Но вымирающее рабство оставило послѣ себя ядовитый слѣдъ—презрѣніе производительнаго труда свободными людьми. Это поставило римскій міръ въ безвыходное положеніе: рабство сдѣлалось экономически невозможнымъ, свободные люди презирали трудъ. Одно оказалось неспособнымъ, другое недоразвившимся до новой формы общественнаго производства. Помочь могъ только коренной переворотъ.

Не лучше было и въ провинціяхъ. Больше всего свѣдѣній мы имѣемъ о Галліи. Кромѣ колоновъ здѣсь были еще свободные мелкіе хлѣбопашцы. Они, для своего огражденія отъ насилія чиновниковъ, судей и ростовщиковъ, искали покровительства, патроната властныхъ, и не только отдѣльными семействами, но и цѣлыми селеніями, несмотря на то, что императоры въ 4 столѣтіи неоднократно это запрещали. Въ чемъ же состояло это покровительство? Патроны соглашались на послѣднее лишь съ условіемъ перевода земельной собственности на ихъ, патроновъ, имя, съ предоставленіемъ пожизненнаго пользованія ею прежнему владѣльцу,—заковычка, которая не осталась незамѣченною святою церковью и которую она употребила въ IX и X столѣтіяхъ во славу Божію и на умноженіе своихъ богатствъ. Однако, около 475 года марсельскій епископъ Сальвіаній еще горячо возставалъ противъ такого воровства и разсказывалъ, что гнетъ римскихъ чиновниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ сдѣлался нестерпимымъ, что многіе „римляне“ бѣгутъ въ мѣстности, занятыя варварами, и что поселившіеся между ними римскіе граждане ничего такъ не страшатся, какъ опять подпасть подъ римскую власть. Что

*) По свидѣтельству кремонскаго епископа Ліутпранда, въ 10 ст. главнымъ промысломъ Вердюна, слѣд., города священной германской имперіи, было приготовленіе евнуховъ, которыхъ продавали за большія деньги въ Испанію, въ мавританскіе гаремы.

тогда часто родители изъ бѣдности продавали въ рабство своихъ дѣтей, это подтверждается законами противъ подобной продажи.

За такое освобожденіе римлянъ отъ римскаго государства германцы присвоили и раздѣлили между собою $^2/_3$ всей занятой земли. Раздѣлъ произвели на основаніи родового права; а такъ какъ завоеватели были малочисленны, то большое пространство земли оставалось неподѣленнымъ и находилось частью во владѣніи всего народа, частью отдѣльныхъ племенъ и родовъ. Въ каждомъ родѣ поля и луга были въ равныхъ доляхъ розданы по жребію отдѣльнымъ семействамъ; мы не знаемъ, существовалъ ли въ началѣ періодическій передѣлъ земли, но если и существовалъ, то вскорѣ въ римскихъ провинціяхъ исчезъ, и отдѣльные семейные участки обратились въ отчуждаемую частную собственность, *алодъ*. Лѣсъ и выгонъ оставались въ общемъ пользованіи; это пользованіе, равно какъ способъ обработки отдѣльныхъ полевыхъ участковъ, опредѣлялись по старому обычаю и по опредѣленію общины. Чѣмъ продолжительнѣе время осѣдлости рода и чѣмъ тѣснѣе смѣшеніе между римлянами и германцами, тѣмъ болѣе терялъ значеніе родственный характеръ общины и выступалъ территоріальный; родовой союзъ перешелъ въ областной (Markgenossenschaft), въ которомъ замѣчаются слѣды его происхожденія изъ родственнаго союза. Такъ незамѣтно въ сѣверной Франціи, Англіи, Германіи и Скандинавіи родовой укладъ перешелъ въ мѣстный и тѣмъ получилъ возможность вступленія въ государство. Но этотъ мѣстный укладъ получилъ архаическо-демократическій характеръ, коренной признакъ родового союза, и сохранилъ его при дальнѣйшихъ измѣненіяхъ мѣстнаго управленія, что оставило въ рукахъ порабощенныхъ орудіе противъ ихъ притѣснителей.

Превращеніе кровнаго родового союза въ мѣстный было послѣдствіемъ того, что, вмѣстѣ съ завоеваніемъ, исчезли органы этого быта и въ племени, и въ цѣломъ народѣ. Мы уже изъ разсмотрѣнія американскихъ племенъ знаемъ, что господство надъ покореннымъ народомъ или племенемъ несовмѣ-

стимо съ родовымъ бытомъ. Здѣсь встрѣчаемъ мы тотъ же фактъ, только въ большихъ размѣрахъ. Нѣмецкіе народцы, завоевавшіе римскія провинціи, должны были на новыхъ мѣстахъ такъ или иначе устроиться; но они не могли ни принять въ родовой союзъ всего римскаго населенія, ни управлять этимъ населеніемъ на основаніи уложенія родового союза. Завоеватели, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, сохранили римское мѣстное управленіе, но нужно было чѣмъ-нибудь замѣнить разрушенную государственную власть, а замѣнить ее можно было лишь подобною же государственною властью. Поэтому органы родового управленія должны были перейти въ органы государственнаго управленія, что, подъ давленіемъ обстоятельствъ, совершилось весьма быстро. Ближайшимъ представителемъ народа-завоевателя былъ военачальникъ, и обезпеченіе завоеванія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ требовало расширенія его правъ. Наступилъ моментъ превращенія власти военачальника въ власть королевскую.

Обратимся къ франкскому королевству. Здѣсь къ побѣдителямъ салійцамъ перешли, какъ общенародная собственность, не только обширныя фискальныя (принадлежавшія государству) земли, но и не менѣе обширныя лѣсныя пространства, которыя не были подѣлены между различными волостями и округами. Это народное достояніе франкскіе короли, изъ простыхъ военачальниковъ обратившіеся въ настоящихъ владѣтельныхъ князей, присвоили, отняли, украли у народа и раздарили и роздали въ пользованіе своей дружинѣ. Эта королевская дружина, вначалѣ личная свита главнаго и второстепенныхъ военачальниковъ, впослѣдствіи пополнялась не только римлянами, т.-е. оримлянившимися галлами, необходимыми королю по своему образованію, умѣнью писать, знанію какъ романскаго мѣстнаго и латинскаго книжнаго языка, такъ и дѣйствующихъ законовъ, но и рабами, крѣпостными и вольноотпущенными, составлявшими королевскій дворъ, изъ коихъ онъ выбиралъ своихъ любимцевъ. Вотъ этимъ людямъ сперва дарили участки народной земли, а потомъ ихъ раздавали въ видѣ бенефицій вначалѣ по большей части до смерти ко-

роля. Такимъ образомъ на счетъ народнаго достоянія было положено основаніе новому классу „благородныхъ“.

Но это не все. Обширнымъ государствомъ нельзя было управлять средствами родового уклада. Совѣтъ старшинъ не могъ собираться и былъ замѣненъ постоянными приближенными короля; прежнее народное собраніе сохранилось лишь номинально и мало-по-малу перешло въ собраніе второстепенныхъ военачальниковъ и вновь образовавшейся знати. Свободные собственники-хлѣбопашцы, масса франкскаго народа были разорены и истощены вѣчными междоусобными и завоевательными войнами, послѣдними особенно при Карлѣ Великомъ, и пришли въ такое же состояніе, въ которомъ находились земледѣльцы въ послѣднія времена республики. Прежде изъ нихъ состояло все войско, по завоеваніи Франціи они составляли его лучшую часть, а къ началу 9-го столѣтія такъ обѣднѣли, что едва пятый человѣкъ имѣлъ съ чѣмъ выступить въ походъ. Вмѣсто непосредственно королемъ созываемаго ополченія изъ свободныхъ крестьянъ появилось войско изъ подвластнаго благородному классу населенія, между которыми были и оброчные потомки тѣхъ свободныхъ людей, которые прежде признавали надъ собой лишь власть короля, а еще раньше не признавали и этой власти. При потомкахъ Карла Великаго завершилось разореніе франкскаго крестьянства вслѣдствіе внутреннихъ войнъ, слабости королевской власти и злоупотребленій благороднаго клана, къ чему присоединилось еще стремленіе сдѣлать наслѣдственною учрежденную Карломъ должность помѣстнаго графа (Gaugrafen) и, наконецъ, нашествіе норманновъ. 50 лѣтъ по смерти Карла Великаго франкское королевство было въ томъ же безпомощномъ состояніи относительно норманновъ, въ какомъ 400 лѣтъ тому назадъ находились римляне относительно франковъ.

И не только беззащитность противъ внѣшняго врага, но и внутренній общественный порядокъ, или, вѣрнѣе, безпорядокъ, былъ тотъ же, какъ въ послѣдніе годы римской имперіи. Свободные франкскіе крестьяне находились въ томъ же положеніи, какъ ихъ предшественники, римскіе колоны. Разо-

ренные войною и грабежемъ крестьяне вынуждены были прибѣгнуть къ защитѣ знатныхъ или церкви, потому что слабая королевская власть не могла ихъ защитить. Эта защита со стороны знатныхъ и церкви дорого обошлась крестьянству. Какъ прежде галльскій, такъ теперь франкскій крестьянинъ передавалъ свою землю въ собственность защитнику и получалъ ее отъ него обратно за поземельную подать въ разнообразной формѣ, но всегда за личную повинность и за оброкъ. Вступивъ въ такую зависимость, крестьяне мало-по-малу теряли свободу и черезъ нѣсколько поколѣній становились крѣпостными. Переходъ этотъ шелъ быстро, какъ видно изъ кадастровыхъ книгъ аббатства Saint-Germain des Prés, находившагося прежде около, а потомъ въ самомъ Парижѣ. Въ раскинутыхъ на большомъ пространствѣ имѣніяхъ аббатства еще при Карлѣ Великомъ жили, почти безъ исключенія, франки и составляли 2788 хозяйствъ, изъ коихъ 2080 принадлежали колонамъ, 35—литамъ (низшимъ изъ народа), 220 рабамъ и только 8 свободнымъ гражданамъ. Обычай, называемый Сальвіанусомъ безбожнымъ, передавать защитнику въ собственность крестьянскую землю и возвращать ее ему лишь въ пожизненное владѣніе теперь всюду практиковался самою церковью. Барщина тоже распространилась; первообразъ ея—римскія ангаріи, принудительныя на государство работы и дорожная, мостовая и др. повинности нѣмецкихъ поселеній. Повидимому, масса населенія ретроградировала къ тому положенію, въ которомъ она находилась 400 лѣтъ раньше.

Но это доказываетъ лишь, во-первыхъ, что расчлененіе общества и распредѣленіе собственности при паденіи римской имперіи вполнѣ соотвѣтствовало тогдашнему положенію земледѣльческаго и промышленнаго производства и, слѣдовательно, было неизбѣжно, и, во-вторыхъ, что такое положеніе производительныхъ силъ мало измѣнилось въ послѣдующіе 4 вѣка и, слѣдовательно, съ неизбѣжною необходимостью обусловило такое же распредѣленіе собственности и такое же расчлененіе населенія. Городъ, въ послѣднее столѣтіе римской имперіи, потерялъ свое прежнее господство надъ землей (въ славян-

скомъ значеніи этого слова) и не пріобрѣлъ его въ первомъ столѣтіи германскаго владычества. А это указываетъ на низкую ступень развитія земледѣлія и промышленности, что повело за собой образованіе класса крупныхъ и властныхъ поземельныхъ господъ и класса крестьянъ (Kleinbauern). Но такому обществу невозможно было привить ни римскихъ латифундій съ ихъ рабами, ни новой крупной культуры земли при помощи барщины. Карлъ Великій дѣлалъ этому опыты въ огромномъ масштабѣ въ своихъ имѣніяхъ, но опыты эти прошли почти безслѣдно. Эти опыты продолжали монастыри, и у монаховъ они шли удачнѣе; но монашество не нормальное, а исключительное общественное учрежденіе, ибо основано на безбрачіи; потому оно могло произвести нѣчто совершенно особенное, что осталось исключеніемъ.

И все-таки въ эти четыреста лѣтъ замѣтенъ прогрессъ. Если въ концѣ этого періода общество подѣлилось на прежніе два класса, то люди, составлявшіе эти классы, были другіе. Исчезло древнее рабство, исчезли прежніе разорившіеся свободные граждане, презиравшіе промышленный и земледѣльческій трудъ, какъ занятія, свойственныя лишь рабамъ. Между римскимъ колономъ и теперь народившимся крѣпостнымъ стоялъ свободный франкскій крестьянинъ. „Безполезное воспоминаніе и напрасная борьба умирающаго римскаго государства безвозвратно исчезли. Общественные классы 9 столѣтія образовались не въ стоячемъ болотѣ умирающей цивилизаціи, а въ здоровыхъ родовыхъ потугахъ новой. Новое поколѣніе, господа и слуги, было поколѣніемъ, полнымъ силы и мужества, сравнительно со своими римскими предшественниками. Указанное выше отношеніе между всесильными владѣльцами земли и подчиненными имъ крестьянами въ концѣ римской имперіи было причиною паденія древней цивилизаціи, и тѣ же отношенія послужили начальнымъ пунктомъ развитія новой цивилизаціи. И какъ ни кажутся безплодными эти 400 лѣтъ, они, однако, оставили послѣ себя *одинъ* важный слѣдъ: новыя національности, новое образованіе и расчлененіе западноевропейскаго общества для будущей исторіи. Германцы внесли

въ Европу новую жизнь, и потому распаденіе государствъ германскаго періода имѣло послѣдствіемъ не подчиненіе ихъ норманамъ и сарацинамъ, а дальнѣйшее развитіе бенефицій и коммендацій (рекомендацій, покровительства) и образованіе феодальной системы.

Какимъ же таинственно-волшебнымъ средствомъ германцы влили новую жизнь въ умирающее европейское общество? Не свойственная ли германскому народу чудодѣйственная сила, какъ увѣряютъ наши шовинисты и историки? Ничуть не бывало. Германцы, особенно въ тѣ времена, составляли весьма даровитую отрасль арійцевъ и находились въ полномъ жизненномъ развитіи. Но не ихъ исключительныя національныя качества обновили Европу, а ихъ варварство, ихъ родовой союзъ.

Ихъ личныя достоинства и храбрость, ихъ свободолюбіе и и демократическій инстинктъ, ихъ отношеніе къ дѣламъ общественнымъ такое же близкое, какъ если бы они были ихъ личными дѣлами, однимъ словомъ, всѣ тѣ качества, которыхъ не имѣли римляне того времени и которые только одни были въ состояніи образовать изъ распущеннаго древняго міра новыя государства и дать возможность развиться новымъ національностямъ,—всѣ эти качества составляли лишь характерныя черты варварства высшаго періода, высшей фазы, составляли плоды родового союза.

Что побудило ихъ измѣнить форму моногаміи, смягчить власть отца семейства, улучшить положеніе женщины, какъ не ихъ варварство, какъ не ихъ привычки, вынесенныя изъ родового быта, какъ не живое воспоминаніе временъ материнскаго права?

Что было причиною, что германцы трехъ важнѣйшихъ странъ—Германіи, Франціи и Англіи—спасли часть учрежденій родового союза въ формѣ Markgenossenchaften феодальнаго государства тѣмъ предоставили угнетенному классу, крестьянамъ, даже при жестокомъ средневѣковомъ крѣпостничествѣ, средство сопротивленія, которымъ не располагали въ древности рабы и не располагаютъ въ настоящее время про-

летаріи,—что было причиною, какъ не варварство, какъ не способъ поселенія родами?

И, наконецъ, кому мы обязаны тѣмъ, что древнее рабство мало-по-малу уступило мѣсто болѣе мягкой формѣ личной зависимости, германскому крѣпостничеству, формѣ, которая, какъ первымъ замѣтилъ Шарль Фурье, дала средства крѣпостнымъ для постепеннаго освобожденія отъ личной зависимости, не отдѣльными лицами, а *цѣлымъ классомъ* (fournitaux cultivateurs des moyens d'affranchissement *collectif et progressif*), что составляетъ важное преимущество передъ рабствомъ; при рабствѣ возможно было лишь немедленное, безъ всякой постепенности освобожденіе рабовъ, каждаго отдѣльно (уничтоженія рабства удачнымъ возстаніемъ рабовъ древній міръ не зналъ), тогда какъ крѣпостные среднихъ вѣковъ освободились постепенно, какъ общественный классъ, общественное сословіе, — кому мы обязаны этимъ, какъ не варварамъ-германцамъ, у которыхъ ко времени переселенія рабство не успѣло еще окончательно выработаться?

Все жизнеспособное и жизнедѣятельное, привитое германцами римскому міру, было ничѣмъ другимъ, какъ установленіями варварства. Ибо только варварство, и особенно въ высшей фазѣ, способно обновить разрушающійся общественный строй. А германцы во время великаго переселенія народовъ стояли какъ разъ на высшей ступени варварства.

XI.

Варварство и цивилизація.

Мы прослѣдили распаденіе родового союза у грековъ, римлянъ и германцевъ. Посмотримъ теперь, какія общія экономическія условія разрушили родовую организацію наивысшей ступени варварства и совершенно уничтожили ее при переходѣ въ цивилизацію. Книга Моргана и „Капиталъ“ Маркса помогутъ намъ въ этомъ изслѣдованіи.

Насколько можно судить по дошедшимъ до насъ источникамъ, зачатки родового быта относятся къ средней, дальнѣйшее развитіе къ высшей фазѣ дикаго состоянія, а самое цвѣтущее время къ низшей ступени варварства, съ которой и начнемъ наше изслѣдованіе.

Изученіе краснокожихъ Америки показало, что на низшей ступени варварства родовой бытъ уже совсѣмъ образовался. Племя расчленено на многіе роды; каждый изъ этихъ первичныхъ родовъ, съ увеличеніемъ населенія, распался на нѣсколько дочернихъ родовъ, всѣ эти дочерніе роды собрались въ колѣно; иногда самое племя распадалось на нѣсколько племенъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти родственныя племена составляли союзъ. Такая простая организація совершенно удовлетворяла общественному состоянію и была его продуктомъ. Эта организація есть не что иное, какъ естественная группировка общественныхъ элементовъ; она сглаживаетъ всѣ столкновенія, которыя возникаютъ въ обществѣ. Внѣшнія столкновенія сглаживаются войной; война можетъ окончательно уни-

чтожить племя, но отнюдь его не поработить. Въ родовомъ союзѣ нѣтъ мѣста ни для господъ, ни для рабовъ, что составляетъ высокое благо этого быта и вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсненіе къ дальнѣйшему общественному развитію. Внутри родового союза не знаютъ ни правъ, ни обязанностей; индіецъ не задумывается надъ вопросомъ, право или обязанность участіе его въ общественныхъ дѣлахъ, кровной мести, и т. п.; такой вопросъ показался бы ему столь же смѣшнымъ, какъ если бы его спросили, по праву или по обязанности онъ пьетъ, ѣстъ, спитъ, охотится. Точно такъ же немыслимо раздѣленіе племени или рода на различные классы, сословія, и это докажетъ изслѣдованіе экономическихъ основъ разсматриваемаго общества, къ которому мы и приступаемъ.

Народонаселеніе рѣдкое, разбросанное. Каждое племя живетъ въ одномъ мѣстѣ, за мѣстомъ подъ жилье лежитъ большой участокъ земли, отведенный для охоты; за нимъ нейтральный пограничный лѣсъ, отдѣляющій одно племя отъ другого. Раздѣленіе труда—естественно архаическое, только между мужчиной и женщиной. Мужчина сражается съ внѣшнимъ врагомъ, охотится, ловитъ рыбу, добываетъ сырой матеріалъ для пищи и изготовляетъ нужныя для его занятій орудія. Женщина заботится о домашнемъ хозяйствѣ, приготовляетъ пищу, ткетъ и шьетъ одежду. И тотъ, и другая самостоятельно дѣйствуютъ въ области своихъ занятій: мужъ въ лѣсу, женщина въ домѣ. Всѣ орудія, изготовленныя мужчиной, для его промысловъ, составляютъ его собственность; изготовленныя женщиной, для ея занятій—ея собственность: оружіе, принадлежности охоты и рыболовства собственность мужчины, домашняя утварь—женщины. Домашнее хозяйство коммунистическое изъ нѣсколькихъ или многихъ семей *). Что производится и употребляется сообща, то составляетъ общую собственность: домъ, огородъ, лодка. Здѣсь и только здѣсь имѣетъ мѣсто изобрѣ-

*) Особенно на с.-з. берегу Америки, см. Bancroft'a. У Haidahs на островѣ королевы Шарлотты есть хозяйства въ 700 человѣкъ подъ одной крышей. У Nootkas цѣлыя племена живутъ подъ одной крышей.

тенная юристами и экономистами цивилизованнаго общества „самозаработанная собственность", послѣдняя облыжная юридическая фикція для поддержанія настоящей капиталистической собственности.

Но не вездѣ человѣкъ остался на этой ступени варварства. Въ Азіи онъ укротилъ, а потомъ приручилъ нѣкоторыхъ животныхъ. На дикаго буйвола человѣкъ охотился, прирученная самка буйвола ежегодно приносила теленка и круглый годъ давала молоко. Наиболѣе прогрессировавшія племена—арійцы, семиты и, можетъ быть, туранцы—занимались главнымъ образомъ сперва приручеміемъ животныхъ, а затѣмъ присмотромъ за стадами. Пастушескія племена отдѣлились отъ остальной массы варваровъ: *первое значительное общественное раздѣленіе труда.* Пастушескія племена добывали не только больше жизненныхъ средствъ, но они были и разнообразнѣе чѣмъ у другихъ варваровъ. У нихъ было не только молоко, молочные продукты и мясо, но еще кожа, шерсть, волосъ и, вмѣстѣ съ увеличеніемъ сырого матеріала, увеличилось приготовленіе различныхъ тканей. Все это повело за собой правильный обмѣнъ продуктами. При прежнемъ общественномъ положеніи обмѣнъ былъ случайностью; только особое искусство въ приготовленіи оружій и орудій обусловливало иногда временное раздѣленіе труда. Такъ, во многихъ мѣстахъ найдены несомнѣнные остатки мастерскихъ каменнаго производства, позднѣйшаго каменнаго періода; мастера, вѣроятно, работали здѣсь за счетъ всей общины, какъ работаютъ еще теперь ремесленники индійскаго родового союза. На этой ступени общественнаго развитія, во всякомъ случаѣ, обмѣнъ производился внутри племени и только въ исключительныхъ случаяхъ. Съ обособленіемъ же пастушескихъ племенъ явились всѣ условія обмѣна между различными племенами, всѣ условія къ его развитію и обращенію въ постоянное явленіе. Вначалѣ обмѣнъ производился между племенами, при посредствѣ ихъ старшинъ; но когда стада стали переходить въ частную собственность, тогда мало-по-малу распространился обмѣнъ между отдѣльными лицами, и впослѣдствіи обмѣнъ производился

лишь въ этой формѣ. Пастушескія племена почти исключительно давали въ обмѣнъ скотъ; скотъ сталъ мѣриломъ всѣхъ остальныхъ товаровъ, и его охотно принимали въ обмѣнъ на другія произведенія,—однимъ словомъ, скотъ получилъ значеніе денегъ и исполнялъ эту функцію уже на этой ступени варварства. Такъ необходимо и скоро, въ самомъ началѣ товарнаго обмѣна, явилась потребность въ товарѣ-деньгахъ.

Азіатскіе варвары низшей ступени, вѣроятно, не знали садоводства и огородничества; оно возникло въ средней фазѣ, какъ переходъ къ полеводству. Климатическія условія туранскаго плоскогорія не допускаютъ возможности пастушеской жизни безъ запаса фуража на время длинной и суровой зимы; слѣд., здѣсь луговодство и культура кормовыхъ травъ были насущною необходимостью. То же въ степяхъ къ сѣверу отъ Чернаго моря. Добываемая для питанія скота растительная пища скоро сдѣлалась и пищею человѣка. Обработанная земля оставалась еще племенною собственностью, но потомъ она была отдана въ пользованіе отдѣльныхъ родовъ, а затѣмъ и отдѣльнымъ семьямъ. Тѣ и другія пользовались лишь нѣкоторыми правами на землю, не болѣе.

Изъ промышленныхъ пріобрѣтеній этой ступени варварства два особенно важны: ткацкій станокъ и плавка и обработка металловъ. Изъ послѣднихъ были важнѣйшими мѣдь и олово и составленная изъ ихъ соединенія бронза; орудіе и оружіе дѣлались изъ бронзы, но они не могли замѣнить каменныхъ инструментовъ; для этого нужно было желѣзо, а въ то время его еще не умѣли добывать. Серебро и золото начали употреблять для украшеній, и эти металлы цѣнились дорого сравнительно съ мѣдью, оловомъ и бронзой.

Увеличенная производительность скотоводства, земледѣлія и домашняго ремесла дала возможность получать такое количество продуктовъ, которое превосходило общественную потребность въ нихъ. Въ то же время увеличилось количество труда, выпадавшее на долю каждаго члена рода, домашней общины или отдѣльной семьи. Стало желательнымъ пріобрѣтеніе новой рабочей силы. Война доставила ее: военноплѣнные обращены би-

ли въ рабовъ. Такимъ образомъ, первое значительное общественное раздѣленіе труда, увеличивъ его производительность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и богатства, и распространивъ кругъ промышленной дѣятельности, при данныхъ историческихъ условіяхъ, неизбѣжно повело къ установленію рабства. Изъ перваго значительнаго общественнаго раздѣленія труда вытекло первое значительное расчлененіе общества на два класса: господъ и рабовъ, эксплоатирующихъ и эксплоатируемыхъ.

Какъ и когда стада изъ общаго владѣнія племени или рода перешли въ частную собственность отдѣльныхъ семей, до сихъ поръ мы не знаемъ; но непремѣнно на этой ступени варварства. Съ переходомъ же стада въ частную собственность и вообще съ увеличеніемъ разнаго рода богатства измѣнились семейныя отношенія. И прежде пріобрѣтеніе было дѣломъ мужчины; онъ производилъ орудія пріобрѣтенія, и они были его собственностью. Стада были тоже орудіемъ пріобрѣтенія, орудіемъ производства мужчины; онъ укротилъ и приручилъ животныхъ, онъ стерегъ стадо. Поэтому ему оно принадлежало, его же собственностью былъ вымѣненный на скотъ товаръ и захваченный рабъ. Всякое пріобрѣтеніе теперь считалось собственностью мужчины, мужа; женщина, жена пользовалась продуктами пріобрѣтенія мужа, но они не были ея собственностью. „Дикій“ воинъ и охотникъ довольствовался въ домѣ вторымъ мѣстомъ, жена занимала первое; „кроткій“ пастухъ, чванливо основываясь на своемъ богатствѣ, занялъ въ домѣ первое мѣсто и оттѣснилъ жену на второе. И она не могла пожаловаться. Прежде раздѣленіе труда въ семьѣ распредѣляло собственность между мужемъ и женой. Такъ и осталось. Но измѣнилось раздѣленіе труда внѣ семьи и повлекло за собой коренной переворотъ въ семейныхъ отношеніяхъ между мужемъ и женой. Та же причина, по которой прежде жена господствовала въ домѣ, а именно: занятіе домашней работой,—та же причина обусловила теперь главенство въ семьѣ мужа. Домашняя работа женщины, прежде не уступавшая въ значеніи производительному труду мужчины, теперь, сравнительно съ увеличеніемъ продуктивности труда мужа, стала незначительнымъ къ не-

му придаткомъ. Вышеизложенное показываетъ, что эмансипація женщины, ея равноправность съ мужчиной невозможны до тѣхъ поръ, пока трудъ женщины ограничивается домашней работой и она исключена изъ участія въ общественномъ производительномъ трудѣ. Эмансипація женщины возможна лишь при массовомъ участіи женщинъ въ общественномъ производительномъ трудѣ и отдѣленіи лишь небольшого числа ихъ на домашнія работы. Съ новѣйшей крупной промышленностью наступило время постепеннаго освобожденія женщины. Эта промышленность не только допускаетъ, но и требуетъ большей массы женскаго труда, и она же мало-по-малу обращаетъ домашній трудъ въ производительную общественную работу.

Съ фактическимъ господствомъ въ семьѣ исчезло всякое ограниченіе единовластія мужа. Это единовластіе укрѣпилось и увѣковѣчилось съ паденіемъ материнскаго и введеніемъ отцовскаго права и съ постепеннымъ переходомъ отъ случайнаго брака къ моногаміи. Затѣмъ послѣдовалъ переломъ въ родовомъ бытѣ. Отдѣльныя семьи получили силу и возстали противъ родового союза.

Тутъ послѣдовалъ переходъ въ высшую фазу варварства, героическій періодъ культурныхъ народовъ, время не только желѣзнаго меча, но и желѣзныхъ плуга и топора. Къ услугамъ чѣловѣка явился металлъ, послѣдній и важнѣйшій сырой продуктъ изъ числа игравшихъ исторически-революціонную роль до появленія картофеля. Съ употребленіемъ желѣза стало возможнымъ земледѣліе въ большихъ размѣрахъ и обращеніе подъ посѣвъ участковъ земли изъ-подъ лѣса; желѣзо доставило ремесленнику инструментъ крѣпче и острѣе всякаго камня и всѣхъ остальныхъ металловъ. Все шло постепенно. Первое желѣзо было мягче бронзы и потому каменное оружіе медленно исчезало; не только въ пѣснѣ Гильдебранда, но и при Гастингсѣ въ 1066 г. были воины, вооруженные каменными топорами. Съ введеніемъ желѣза общественный прогрессъ шелъ безъ перерыва, безъ остановки и замедленія. Племена и союзы племенъ переселились въ города и окружили ихъ каменными стѣнами съ башнями; жили они въ каменныхъ или

кирпичныхъ домахъ,—большой прогрессъ строительнаго искусства, но и признакъ защиты отъ грозившей опасности. Богатство быстро росло, но оно принадлежало отдѣльнымъ лицамъ, отдѣльнымъ семьямъ; тканье, обработка металловъ и др. ремесла разнообразили свои произведенія и искусно отдѣлывали ихъ; къ сельскимъ продуктамъ—зерну, стручковымъ растеніямъ и разнымъ овощямъ—прибавилось масло и вино. Такія разнообразныя произведенія уже не могли изготовляться однимъ и тѣмъ же лицомъ, наступило время *второго великаго раздѣленія труда*: ремесло отдѣлилось отъ земледѣлія. Продолжающееся возрастаніе производства и вмѣстѣ съ нимъ производительности самаго труда возвысило цѣнность человѣческой рабочей силы; зародившееся въ прежней фазѣ и спорадически существовавшее рабство сдѣлалось теперь существенною частью общественной организаціи; рабы перестаютъ быть помощниками въ хозяйствѣ, ихъ сотнями выгоняютъ на работу въ полѣ и въ мастерскихъ. Съ раздѣленіемъ производства на двѣ главныя вѣтви—земледѣліе и ремесло—возникаетъ производство съ исключительною цѣлью обмѣна, начинается производство товаровъ, а вмѣстѣ съ этимъ и торговля, и не только внутренняя и пограничная, но и морская. Конечно, вначалѣ все это мало развито; благородные металлы постепенно обращаются въ товаръ-деньги, и, за неумѣніемъ еще чеканить монету, при обмѣнѣ разсчитываются по дѣйствительному вѣсу металла.

Теперь, кромѣ свободныхъ и рабовъ, являются еще бѣдные и богатые; съ новымъ раздѣленіемъ труда—новое раздѣленіе общества на классы. Имущественное различіе между семействами ведетъ къ полному разрушенію коммунистическаго домашняго хозяйства, а также къ уничтоженію общественной обработки полей. Полевыя угодья передаются отдѣльнымъ семьямъ сперва на время, потомъ въ безсрочное пользованіе, и, наконецъ, мало-по-малу совершается переходъ этихъ угодій въ полную частную собственность семьи; параллельно этому идетъ переходъ отъ случайнаго брака къ моногаміи. Съ этихъ поръ отдѣльная семья становится общественною хозяйственною единицею.

Увеличенное народонаселеніе необходимо ведетъ къ сближенію между племенами. Союзъ родственныхъ племенъ становится необходимостью, и, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени, племена сливаются въ отдѣльный народъ; сливаются также земли, на которыхъ жили эти племена. Народный военачальникъ — rex, basileus, thiudans — становится необходимымъ, постояннымъ чиновникомъ. Появляется народное собраніе даже тамъ, гдѣ его не было. Военачальникъ, сенатъ, народное собраніе составляютъ органы родового союза, развившагося до военной демократіи,— военной потому, что война и военная организація обратились въ правильныя функціи народной жизни. Богатство сосѣдей возбуждаетъ алчность народовъ, у которыхъ пріобрѣтеніе уже высшая цѣль жизни. Они варвары; по ихъ понятію грабить легче и почетнѣе, чѣмъ наживать трудомъ. Прежде войны велись для отраженія непріятеля или для увеличенія территоріи, сдѣлавшейся тѣсной для племени; теперь онѣ ведутся ради грабежа, и война становится средствомъ пріобрѣтенія. Не напрасно высятся надъ окрестностью грозныя стѣны вновь укрѣпленныхъ городовъ; окружающіе ихъ рвы—могила родового быта, ихъ башни—переходъ къ цивилизаціи. Не лучше и внутри города. Грабительскія войны усиливаютъ власть главнаго и остальныхъ военачальниковъ; обычное избраніе военачальниковъ изъ членовъ одной и той же семьи, съ введеніемъ отцовскаго права, мало-по-малу переходитъ сперва въ терпимую, затѣмъ въ требуемую и, наконецъ, въ присвоенную наслѣдственность; такимъ образомъ положены основанія наслѣдственной королевской власти и наслѣдственному дворянству. Такъ органы родового быта постепенно теряютъ почву въ народѣ, племени, колѣнѣ и родѣ, и весь родовой укладъ совершенно измѣняется: изъ соединенія племенъ для свободнаго вершенія общественныхъ дѣлъ онъ становится особой организаціей для грабежа и притѣсненія сосѣдей, и, соотвѣтственно этому, органы родового быта изъ исполнителей народной воли обращаются въ самостоятельные органы притѣсненія и господства надъ своимъ

же народомъ. Такое измѣненіе было бы невозможно, если бы жадность къ пріобрѣтенію богатства не раздѣлила членовъ рода на богатыхъ и бѣдныхъ, если бы „различіе въ богатствѣ между членами рода не обратило прежняго единства въ антагонизмъ“ (Марксъ), и если бы съ распространеніемъ рабства не стали считать заработокъ средствъ пропитанія за рабскую дѣятельность, за болѣе позорное дѣло, чѣмъ грабежъ.

Теперь мы стоимъ на порогѣ цивилизаціи. Она начинается новымъ раздѣленіемъ труда. На низшей ступени варварства люди занимались производительной работой лишь для удовлетворенія собственныхъ нуждъ; мѣна производилась случайно, при случайномъ избыткѣ какого-либо произведенія. На средней ступени варварства пастушескіе народы пріобрѣли въ своихъ стадахъ такое имущество, которое, при извѣстной величинѣ, давало правильный излишекъ противъ народной потребности; въ то же время произошло раздѣленіе труда между пастушескими народами и отсталыми племенами, не имѣвшими стадъ, что создало двѣ одновременныя различныя формы производства и необходимыя условія правильнаго обмѣна. На высшей ступени варварства—новое раздѣленіе труда между земледѣліемъ и ремесломъ, вслѣдствіе этого все возрастающее количество продуктовъ, изготовленныхъ исключительно для обмѣна, и увеличеніе обмѣна между отдѣльными производителями до жизненной необходимости самаго общества.—Цивилизація не только закрѣпляетъ найденное ею раздѣленіе труда, но и рѣзче оттѣняетъ антагонизмъ между городомъ и селомъ; (землей, причемъ или городъ господствуетъ надъ селомъ, какъ въ древности, или послѣднее надъ городомъ, какъ въ средніе вѣка) и производитъ третье, ей только свойственное, несомнѣнно весьма важное раздѣленіе труда: выдѣляетъ особый классъ, который не занимается производствомъ продуктовъ, но только обмѣномъ ихъ,—*классъ купцовъ*. До цивилизаціи дѣленіе общества на классы основывалось на различномъ участіи въ производствѣ; были распорядители и исполнители промышленныхъ работъ; были

крупные и мелкіе производители. Купцы же представляютъ общественный классъ, который, не принимая никакого участія въ производствѣ, распоряжается, однако, всѣмъ производствомъ и, въ экономическомъ отношеніи, подчинилъ себѣ всѣхъ производителей,—классъ, который сталъ необходимымъ посредникомъ между производителемъ и потребителемъ и эксплоатируетъ ихъ обоихъ. Купцы выдаютъ себя за полезнѣйшій классъ общества подъ тѣмъ предлогомъ, что они избавляютъ производителей отъ труда и риска при обмѣнѣ, между тѣмъ они паразиты, настоящія общественныя чужеядныя животныя; они, за доставляемую небольшую услугу, снимаютъ сливки какъ съ внутренняго, такъ и съ иностраннаго производства, быстро пріобрѣтаютъ огромныя богатства и соотвѣтственно этому общественное вліяніе; въ продолженіе періода цивилизаціи они пользуются большими почестями и все болѣе распоряжаются производствомъ, пока, наконецъ, пока не вызвали новое явленіе—періодическіе торговые кризисы.

При началѣ цивилизаціи юное купеческое сословіе еще не предвидитъ того положенія, которое оно займетъ впослѣдствіи. Но оно уже въ процессѣ образованія и становится все болѣе необходимымъ и неизбѣжнымъ.—Затѣмъ распространяется употребленіе *металлическихъ денегъ*, чеканной монеты,—новое средство господства не производителя надъ производителемъ и его продуктомъ. Съ открытіемъ товара надъ всѣми товарами, товара, въ которомъ скрыты всѣ другіе товары, открыто было волшебное средство, которое, по желанію, обращается въ какой угодно товаръ. У кого были деньги, тотъ господствовалъ надъ производствомъ; а у кого онѣ были? У купца. Отъ него зависѣлъ денежный культъ. И онъ постарался, чтобы каждому было ясно, что передъ деньгами должны преклониться всѣ товары и всѣ товаропроизводители. Онъ на дѣлѣ доказалъ, что всякая другая форма богатства лишь блѣдный призракъ овеществленнаго, воплощеннаго богатства—денегъ. Никогда, ни прежде, ни послѣ, могущество денегъ не проявлялось въ такомъ грубомъ и насильственномъ видѣ, какъ въ начальный періодъ ихъ господства. За покупкою товаровъ

на деньги послѣдовала ссуда денегъ съ ея спутниками: процентами и ростовщичествомъ. И ни одно изъ позднѣйшихъ законодательствъ не поступало такъ безпощадно съ дебиторомъ на пользу ростовщика-кредитора, какъ древнія законодательства Аѳинъ и Рима; и оба эти законодательства явились внезапно, какъ обычное право, подъ давленіемъ экономическихъ отношеній.

Наконецъ, наряду съ богатствомъ въ товарахъ и въ рабахъ, наряду съ денежнымъ богатствомъ выступило богатство въ поземельномъ имуществѣ. Владѣніе участками, предоставленными родомъ или племенемъ отдѣльной семьѣ, настолько укрѣпилось, что эти участки перешли въ наслѣдственную собственность этихъ семей. Притязанія на эти участки со стороны родовыхъ учрежденій казались такими тяжелыми цѣпями, наложенными на собственность, что главной заботой было отъ нихъ освободиться. И землевладѣльцы отъ нихъ освободились; но вскорѣ затѣмъ они освободились и отъ новой собственности. Полная собственность надъ землей значитъ не только безграничное и безпрепятственное пользованіе участкомъ, но и право его передавать и продавать. А этого права не существовало, пока земля была родовою собственностью. Но новый землевладѣлецъ, избавившійся отъ родовой и племенной власти надъ его землею, разорвалъ вмѣстѣ съ тѣмъ ту связь, которая до тѣхъ поръ неразрывно связывала его съ нею. Какое имѣло это значеніе, скоро выяснилось при одновременномъ появленіи денегъ и личной земельной собственности. Земля обратилась въ товаръ, который можно продавать и закладывать. Съ образованіемъ личной земельной собственности появилась ипотека (у аѳинянъ, напр.). Какъ по пятамъ моногаміи слѣдуетъ гетеризмъ и проституція, такъ по пятамъ личной поземельной собственности — ипотека. Захотѣлось отчуждаемой личной поземельной собственности и она явилась,—tu l'as voulu, Georges Dandin!

Рука объ руку съ распространеніемъ торговли, денежнаго обращенія, ростовщичества, личной поземельной собственности и ипотеки шло быстрое сосредоточеніе богатствъ въ рукахъ

немногочисленнаго класса и столь же быстрое увеличеніе многочисленнаго класса бѣдныхъ. Гдѣ новая денежная аристократія не слилась съ прежней родовой аристократіей, тамъ она оттѣснила послѣднюю на задній планъ (въ Аѳинахъ, въ Римѣ, у германцевъ). Такое раздѣленіе свободныхъ людей на классы по богатству сопровождалось, особенно въ Греціи *), непомѣрнымъ увеличеніемъ числа рабовъ, принудительный трудъ которыхъ послужилъ основаніемъ для возведенія всего общественнаго зданія.

Посмотримъ, что сталось съ родовыми учрежденіями при этой соціальной революціи. Они не были въ силѣ противодѣйствовать новымъ элементамъ, зародившимся безъ ихъ участія. Они требовали, чтобы члены рода или, по крайней мѣрѣ, племени жили совмѣстно, исключительно занимали извѣстную область. А этого уже давно не было. И племена и роды перемѣшались; вмѣстѣ съ рабами, временно-обязанными чужеземами жили и граждане. Хотя въ концѣ средней фазы варварства всѣ племена и роды жили на постоянныхъ мѣстахъ, но требованія торговли, измѣненія въ способахъ пріобрѣтенія, обмѣнъ участками приводили къ подвижности и измѣнчивости мѣстнаго населенія. Поэтому члены родового союза не могли уже собираться для обсужденія своихъ общихъ дѣлъ; только незначительныя изъ нихъ, какъ религіозныя празднества, по необходимости справлялись сообща. Наряду съ потребностями и интересами, удовлетворять которые былъ призванъ и способенъ родовой союзъ, вслѣдствіе совершеннаго измѣненія способа пріобрѣтенія имущества и основаннаго на немъ общественнаго расчлененія, возникли новые потребности и интересы, не только чуждые, но и противоположные родовому порядку. Интересы, народившіеся вслѣдствіе раздѣленія труда, ремесленной группы, особыя потребности городскихъ жителей, несогласныя съ потребностями сельскаго населенія, потребовали

*) Число ихъ въ Аѳинахъ было указано выше. Въ цвѣтущее состояніе Коринѳа тамъ было 460 тыс., въ Эгинѣ—470 тыс. раб., въ обоихъ городахъ въ 10 разъ болѣе противъ свободныхъ гражданъ.

новыхъ органовъ власти; но такъ какъ каждая изъ вышеназванныхъ группъ состояла не только изъ членовъ различныхъ родовъ, колѣнъ и племенъ, но въ нихъ входили и чужеземцы, то эти органы, понятно, образовались внѣ родового союза, возлѣ него и, слѣдовательно, противъ него. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ каждомъ родовомъ обществѣ возникли подобныя же внутреннія столкновенія интересовъ, окончившіяся соединеніемъ въ одномъ и томъ же родѣ и племени богатыхъ и бѣдныхъ, ростовщиковъ - кредиторовъ и ихъ должниковъ. Кромѣ того въ мѣстахъ, занятыхъ родовымъ обществомъ, явилось чуждое ему населеніе, которое, какъ, напр., въ Римѣ, могло претендовать на извѣстное значеніе, но по своей многочисленности не имѣло возможности даже постепенно войти въ родственный по крови союзъ родовъ и племенъ. Этой разрозненной массѣ противостоялъ родовой союзъ, общество замкнутое, привилегированное; первобытная, архаическая демократія обратилась въ ненавистную аристократію. Родовой союзъ вытекъ изъ такой общественной формы, которая не знала никакихъ внутреннихъ противорѣчій, и самъ онъ не былъ приспособленъ къ господству надъ этими противорѣчіями. Родовой союзъ не располагалъ принудительными средствами; онъ держался лишь общественнымъ мнѣніемъ. Но образовалось новое общество, и экономическія условія жизни потребовали раздѣленія его членовъ на свободныхъ и рабовъ, эксплоатирующихъ богачей и эксплоатируемыхъ бѣдняковъ; при этихъ условіяхъ не могло послѣдовать примиреніе возникшихъ противорѣчій, но они были доведены до крайности. Такое общество могло существовать или при безпрерывной открытой борьбѣ между враждующими классами, или при господствѣ особой власти, которая, стоя, повидимому, выше вражды этихъ классовъ, подавила бы ихъ открытую борьбу и допустила ее лишь въ экономической области, въ такъ называемой законной формѣ. Родовой союзъ отжилъ свое время. Его уничтожило раздѣленіе труда, расчленившее общество на различные классы. *Государство* замѣнило родовой союзъ.

Выше мы разсмотрѣли въ отдѣльности каждую изъ трехъ главныхъ формъ, въ которыхъ проявилось государство на развалинахъ родового порядка. Аѳины представляютъ самую чистую, классическую форму: въ Аѳинахъ государство образовалось непосредственно и прямо вслѣдствіе расчлененія общества на классы, развившіеся въ самомъ родовомъ союзѣ. Въ Римѣ родовой союзъ обратился въ замкнутую аристократію среди многочисленнаго, внѣ союза стоящаго, плебса, не имѣвшаго никакихъ правъ, а лишь однѣ обязанности; побѣда плебса рушила прежній родовой порядокъ и поставила на его мѣсто государство; родовая же аристократія и плебсъ вскорѣ исчезли какъ отдѣльные классы. Наконецъ, германскіе завоеватели римской имперіи основали государство по той причинѣ, что они покорили чужеземцевъ, занимавшихъ большую область, а родовой бытъ не давалъ средства удержать это завоеваніе. Но такъ какъ это завоеваніе не сопровождалось ни серьезной борьбой съ кореннымъ населеніемъ, ни новымъ раздѣленіемъ труда; такъ какъ экономическое развитіе побѣдителей мало разнилось отъ такового же развитія побѣжденныхъ, и, слѣдовательно, экономическія основы общества остались безъ перемѣны, то поэтому въ основанномъ государствѣ родовой порядокъ держался въ теченіе многихъ столѣтій, но въ измѣненномъ видѣ, не въ видѣ кровородственнаго, а территоріальнаго союза, въ видѣ Markverfassung. Тотъ же родовой укладъ мы видимъ въ позднѣйшихъ дворянскихъ и патриціанскихъ, а также и крестьянскихъ (Dithmarschen) родахъ *).

Изъ предыдущаго видно, что государство не есть что-либо извнѣ навязанное обществу; оно не есть также „воплощеніе нравственной идеи“, „воплощеніе разума“, какъ утверждаетъ Гегель. Государство есть продуктъ общества, достигшаго извѣстной степени развитія; есть сознаніе, что общество нахо-

*) Нибуръ былъ первымъ историкомъ, составившимъ себѣ приблизительно вѣрное представленіе о сущности рода, и этимъ онъ обязанъ знакомству съ положеніемъ Dithmarschen. Оттуда же его ошибки и все найденное имъ въ Dithmarschen онъ считалъ за существенно-родовое.

дится въ неразрѣшимомъ противорѣчіи само съ собою, что оно распалось на непримиримые классы и что оно не имѣетъ средствъ примирить эти противоположности и противорѣчія Чтобы эти противорѣчія, эти общественные классы съ противоположными экономическими интересами не уничтожили другъ друга и вмѣстѣ съ тѣмъ самое общество въ безплодной борьбѣ, понадобилась особая власть, стоящая, повидимому, выше общества, призваніе которой если не уничтожить борьбу, то держать ее въ границахъ „порядка“; эта власть, изъ общества выдѣлившаяся, надъ нимъ ставшая и вмѣстѣ съ тѣмъ ему чуждая, и есть государство.

Государство отличается отъ родового быта, *во-первыхъ*, дѣленіемъ подданныхъ *по областямъ* (nach dem Gebiet). Древнее родовое общество, основанное и поддерживаемое кровнымъ родствомъ его членовъ, какъ мы видѣли, перестало удовлетворять своему назначенію преимущественно потому, что члены общества перестали жить на одномъ участкѣ, что составляетъ главную основу родового быта. Родовой участокъ остался, конечно, на мѣстѣ, но жители на немъ измѣнялись. Тогда за основаніе былъ принятъ этотъ участокъ или вообще поземельный участокъ, поземельная область, и граждане, къ какому бы роду или племени ни принадлежали, пользовались своими правами и исполняли свои обязанности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они жили. Такая организація встрѣчается во всѣхъ государствахъ и потому она кажется намъ совершенно естественною; но мы видѣли, послѣ какой упорной и продолжительной борьбы ей удалось замѣнить прежнюю родовую организацію.

Во-вторыхъ—учрежденіемъ *особой вооруженной власти*, отличной отъ самимъ народомъ организованной вооруженной силы. Эта особая вооруженная власть необходима по той причинѣ, что народная вооруженная сила стала невозможной со времени раздѣленія на классы. Рабы тоже составляли часть населенія; 90 т. аѳинскихъ гражданъ составляли лишь привилегированное сословіе среди 365 т. рабовъ. Народное ополченіе аѳинской демократіи, державшее въ повиновеніи рабовъ,

относительно послѣднихъ было аристократической вооруженной силой; до этого же, чтобы держать въ повиновеніи гражданъ, какъ мы выше видѣли, была учреждена жандармерія. Такую вооруженную силу содержитъ каждое государство: она состоитъ не только изъ вооруженныхъ войскъ и полиціи, но и изъ вещественныхъ придатковъ къ нимъ: тюремъ и вообще всѣхъ смирительныхъ заведеній, о которыхъ родовой союзъ не имѣлъ никакого понятія. Эта вооруженная сила иногда весьма незначительна, именно въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ еще не обозначилось рѣзко дѣленіе на классы, или которыя лежатъ въ дальнихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Но она увеличивается по мѣрѣ того, какъ противоположность сословныхъ интересовъ обостряется и какъ увеличиваются относительно пространства и населенія сосѣднія страны. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только взглянуть на теперешнюю Европу. Сословная борьба и завоевательное соревнованіе настолько увеличили вооруженную силу, что она грозитъ поглотить и общество, и государство.

Для содержанія этой силы необходимо обложеніе гражданъ *податями*, чего не было при родовомъ бытѣ. А мы теперь можемъ кое-что объ этомъ поразсказать. Съ развитіемъ цивилизаціи и податей не хватаетъ; государство учитываетъ будущее, дѣлаетъ займы, образуется *государственный долгъ*. И объ этомъ старая Европа можетъ спѣть интересную пѣсенку.

Располагая вооруженной силой и правомъ взиманія податей, чиновничество, простой органъ общества, стало *выше* этого общества. Оно не довольствуется свободнымъ, сердечнымъ уваженіемъ, которое оказывалось органамъ родового управленія, еслибы и заслуживало его; носители чуждой обществу власти, чиновники нуждаются для того, чтобы имъ оказывали почетъ, въ исключительныхъ законахъ, на основаніи которыхъ они пользуются безотвѣтственностью и неприкосновенностью. Ничтожнѣйшій полицейскій служитель пользуется большимъ „авторитетемъ“, чѣмъ всѣ органы родового упра-

вленія, взятые вмѣстѣ; но самый могущественный государь, геніальный государственный человѣкъ и великій полководецъ могутъ позавидовать простому родовому старшинѣ,—такимъ высокимъ почтеніемъ, безъ всякаго принужденія извнѣ, пользовался онъ въ своей средѣ. Послѣдній есть членъ общества, чиновникъ считаетъ себя выше общества.

Въ основаніе учрежденія государства легла потребность держать въ повиновеніи различные общественные классы, но такъ какъ государство возникло среди классовой борьбы, то понятно, что власть сосредоточилась въ рукахъ самаго могущественнаго въ экономическомъ отношеніи сословія, и къ нему же перешло политическое господство; все это дало государственной власти новыя средства держать въ повиновеніи и эксплоатировать побѣжденный классъ. Древнее государство было по преимуществу государствомъ рабовладѣльцевъ основаннымъ для удержанія въ повиновеніи рабовъ; феодальное государство было органомъ дворянъ ради господствнадъ крѣпостными крестьянами; новѣйшее представительное государство есть орудіе эксплоатаціи труда капиталомъ. Бываютъ, впрочемъ, исключительные періоды, когда сила враждующихъ сословій уравновѣшивается, и тогда кажется, будто бы государственная власть является посредникомъ между этими сословіями, сохраняя независимость въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ неограниченная монархія въ западной Европѣ въ теченіе 17 и 18 столѣтія уравновѣшивала притязаніе дворянства и буржуазіи; такъ бонапартизмъ первой и въ особенности второй французской имперіи держался науськиваніемъ буржуазіи противъ пролетаріата и пролетаріата противъ буржуазіи. Послѣднее довольно комическое произведеніе этого рода—новая нѣмецкая имперія бисмарковой націи, она старается держать пролетаріатъ и буржуазію въ равновѣсіи на пользу нравственно-падшаго, негоднаго прусскаго юнкерства.

Кромѣ того, въ большинствѣ историческихъ государствъ права гражданъ соразмѣряются съ ихъ имуществомъ, чѣмъ ясно указывается на то, что государственную власть соста-

вляетъ классъ имущихъ, организованныхъ для защиты своихъ интересовъ противъ класса неимущихъ. Такъ въ Аѳинахъ и въ Римѣ имущіе классы правили государствомъ. Такъ въ средневѣковомъ феодальномъ государствѣ политическая власть соотвѣтствовала величинѣ поземельнаго имущества. Такъ въ новѣйшемъ представительномъ государствѣ для права представительства введенъ извѣстный имущественный цензъ. Между тѣмъ, опредѣленіе политическихъ правъ на основаніи имущества не представляетъ ничего существеннаго. Оно указываетъ только на низкую степень государственнаго развитія. Высшая государственная форма, демократическая республика, необходимость установленія которой при настоящихъ общественныхъ обстоятельствахъ все болѣе уясняется, и лишь при которой можетъ разрѣшиться борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей, — демократическая республика категорически отвергаетъ распредѣленіе политическихъ правъ по величинѣ имущества, но пока на дѣлѣ тѣмъ сильнѣе выказывается могущество богатства. Оно выказывается съ одной стороны въ формѣ чиновническаго взяточничества, чему Америка представляетъ классическій примѣръ, съ другой стороны— въ формѣ союза между правительствомъ и биржей: этотъ союзъ тѣмъ легче устанавливается, чѣмъ быстрѣе растетъ государственный долгъ и чѣмъ большее число промышленныхъ предпріятій, не только транспортныхъ, но фабричныхъ и заводскихъ, эксплоатируется акціонерными обществами, средоточіе которыхъ та же биржа. Разительный примѣръ этому, кромѣ Америки, представляетъ нынѣшняя французская республика, да и честная Швейцарія не гнушается такимъ союзомъ. Но братскій союзъ между правительствомъ и биржей не есть особый признакъ демократической республики, что доказываетъ, кромѣ Англіи, новая германская имперія. Трудно сказать, кого болѣе возвысила общая подача голосовъ: Бисмарка или Блейхредера. Теперь имущественный классъ господствуетъ даже въ силу всеобщаго права голоса. Пока угнетенный классъ, въ разбираемомъ случаѣ пролетаріатъ, не дозрѣлъ еще до самоосвобожденія, онъ или, по крайней мѣрѣ, его боль-

шинство не перестанетъ считать настоящій общественный порядокъ за единственно возможный и оставаться политическимъ хвостомъ класса капиталистовъ, составлять его лѣвое крыло. Но когда пролетаріатъ самъ возьмется за свое освобожденіе, выдѣлится въ обособленную партію, тогда онъ изъ нея будетъ избирать своихъ представителей, а не изъ партіи капиталистовъ. Такимъ образомъ, всеобщая подача голосовъ есть мѣритель степени зрѣлости рабочаго класса. Дальше этого пойти при настоящемъ государственномъ строѣ пролетаріатъ не можетъ, но и этого довольно. Когда термометръ общаго голосованія рабочихъ поднимется до точки кипѣнія, тогда рабочіе и капиталисты узнаютъ, что это означаетъ.

Государство не отъ вѣчности. Жили общества и безъ него, существовали общества, не имѣвшія даже понятія, что такое государство и государственная власть. Только на извѣстной степени экономическаго развитія, неразрывно соединенной съ распаденіемъ общества на классы, на сословія, явилась необходимость въ государствѣ. Въ настоящее же время мы быстрыми шагами приближаемся къ такой фазѣ развитія промышленности, при которой раздѣленіе на классы не только не представляетъ необходимости, но стѣсняетъ даже самую производительность. Какъ возникло это дѣленіе на классы, такъ оно и исчезнетъ, а съ нимъ исчезнетъ и государство. Общество, которое вновь организуетъ промышленность на основаніи о свободной, равноправной ассоціаціи всѣхъ производителей, такое общество не нуждается въ государственной машинѣ и сдаетъ ее въ историческій музей, гдѣ она будетъ красоваться наряду съ бронзовымъ топоромъ и веретеномъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что цивилизація есть такой общественный періодъ, при которомъ достигаетъ полнаго развитія раздѣленіе труда и вытекающіе изъ него обмѣнъ между отдѣльными лицами и, наконецъ, товарное производство.

До цивилизаціи въ большихъ и малыхъ коммунистическихъ обществахъ производство по преимуществу было дѣломъ общимъ, и продукты распредѣлялись между всѣми членами общества.

При такомъ способѣ производство не могло достигнуть значительнаго развитія, но при немъ производитель хозяинъ какъ процесса производства, такъ и самаго продукта. Производитель зналъ судьбу своего продукта,—продуктъ не выходилъ изъ его рукъ, онъ самъ его потреблялъ. И пока производство шло этимъ способомъ, оно не могло господствовать надъ производителемъ, не могло противоставить ему призрачной, чуждой ему силы, какъ это сдѣлала цивилизація.

Но въ этотъ процессъ производства мало-по-малу, медленно и постепенно, вторглось раздѣленіе труда. Оно разстроило общинное производство и пріобрѣтеніе; оно распространило личное производство и пріобрѣтеніе и вслѣдствіе его обмѣнъ произведеній; какимъ образомъ? Объ этомъ мы сказали выше. Товарное производство постепенно становится господствующею формою производства.

Съ товарнымъ производствомъ, съ производствомъ не для собственнаго потребленія, а для обмѣна, продуктъ необходимо переходитъ въ чужія руки. При обмѣнѣ производитель отдаетъ другому свой продуктъ и не знаетъ дальнѣйшей его участи. Процессъ обмѣна усложняется, когда посредниками между производителями и потребителями являются деньги и купцы, и съ тѣмъ вмѣстѣ участь продукта становится еще загадочнѣе. Купцовъ много, и ни одинъ изъ нихъ не знаетъ, что сдѣлаетъ съ товаромъ другой. Товаръ переходитъ не только изъ рукъ въ руки, но съ рынка на рынокъ. Производители потеряли власть надъ своими продуктами, а купцы ихъ ея не пріобрѣли. Продукты и производство стали случайными.

Но въ сложности общественныхъ явленій случайность занимаетъ одинъ полюсъ, на другомъ же стоитъ необходимость. Повидимому, и въ природѣ царствуетъ случайность, но наука уже давно подъ этою случайностью открыла необходимость и законность. Такъ и въ общественномъ строѣ. Цѣлый рядъ общественныхъ явленій иногда не поддается сознательному контролю человѣка, и кажется, что всѣ эти явленія дѣйствуютъ по волѣ слѣпого случая, тогда какъ ими управляетъ естественная необходимость, и они выражаютъ особый, имъ при-

сущій законъ. Такой законъ управляетъ товарнымъ производствомъ и товарнымъ обмѣномъ; отдѣльнымъ производителямъ и отдѣльнымъ мѣновщикамъ эти явленія вначалѣ кажутся неимѣющими между собою связи, сила ихъ даже не сознается, и только послѣ долгаго изслѣдованія и старательнаго изученія удалось опредѣлить ихъ природу и значеніе. Экономическій законъ товарнаго производства мѣняется съ развитіемъ способа этого производства; но онъ господствуетъ въ теченіе всего періода цивилизаціи. И нынѣ продуктъ главенствуетъ надъ производителемъ; и нынѣ общее производство всего общества не регулируется по напередъ опредѣленному плану, а устанавливается неразумнымъ закономъ, который дѣйствуетъ со стихійной силой и въ концѣ концовъ разражается періодическими товарными кризисами.

Выше мы видѣли, что на довольно ранней ступени развитія производства, рабочая сила человѣка оказалась способной производить продукты, стоимость которыхъ превышала стоимость содержанія производителя, и что эта ступень развитія производства вообще совпадаетъ съ началомъ раздѣленія труда и установленіемъ обмѣна. Вскорѣ послѣ этого со знали „великую истину“, что самъ человѣкъ можетъ быть товаромъ, что рабочая сила человѣка можетъ составлять предметъ обмѣна, стоитъ только обратить его въ раба. Лишь только начался обмѣнъ товарами, какъ за нимъ послѣдовалъ обмѣнъ человѣка на товары. И человѣкъ, безъ своего согласія, изъ активнаго дѣятеля обратился въ пассивный предметъ, изъ субъекта сталъ объектомъ.

Вмѣстѣ съ установленіемъ рабства, широко расцвѣтшаго во время цивилизаціи, послѣдовало первое значительное расчлененіе общества на эксплоатируемый и эксплоатирующій классы. Такое дѣленіе продолжается въ теченіе всего періода цивилизаціи. Рабство есть первая, древнему міру свойственная форма эксплоатаціи; ей соотвѣтствуетъ крѣпостничество среднихъ вѣковъ и рабочій классъ новаго времени. Это три главныя формы рабства, характеризующія три главныя эпохи цивилизаціи; изъ нихъ въ первыя двѣ рабство не скрывалось подъ кажущеюся свободою, какъ это дѣлается нынѣ.

Цивилизація начинается на той ступени товарнаго производства, которая опредѣляется установленіемъ: 1) металлическихъ денегъ и, слѣд., денежнаго капитала, процентовъ и ростовщичества, 2) сословія купцовъ, какъ посредниковъ между производителями и потребителями, 3) частной поземельной собственности и ипотеки и 4) рабскаго труда, какъ господствующей формы производства. Съ началомъ цивилизаціи пріобрѣтаетъ господствующее значеніе моногамическая форма семьи, и при ней отдѣльная семья признается за хозяйственную единицу. Воплощеніе цивилизованнаго общества есть государство, которое во всѣхъ безъ исключенія „образцовыхъ“ періодахъ есть государство господствующаго класса и во всякомъ случаѣ орудіе къ удержанію въ повиновеніи эксплоатируемаго класса. Отличительные признаки цивилизаціи также: съ одной стороны, укрѣпленіе противоположности между городомъ и деревней, основанной на главномъ общественномъ раздѣленіи труда; съ другой стороны—установленіе духовнаго завѣщанія, которымъ собственникъ дѣлалъ посмертное распоряженіе своимъ имуществомъ. Это установленіе, рѣзко противорѣчащее прежнему родовому уставу, не было извѣстно аѳинянамъ до Солона; въ Римѣ оно было введено весьма рано, а когда именно—мы не знаемъ *). У германцевъ ввели завѣщаніе папы, дабы добрякъ-нѣмецъ могъ безпрепятственно уступать церкви часть своего наслѣдства.

---

*) Основная мысль сочиненія Лассаля „Система пріобрѣтенныхъ правъ“—римское завѣщаніе такъ же старо, какъ и самъ Римъ; римская исторія не знаетъ такого времени, „въ которомъ не существовало бы завѣщанія“; завѣщаніе возникло въ до-римское время, изъ культа усопшихъ. Лассаль, какъ старый гегельянецъ, выводитъ постановленія римскаго права не изъ историческаго развитія римлянъ, но изъ „спекулятивнаго понятія“ о волѣ и потому приходитъ къ такому противоисторическому выводу. Впрочемъ, этому нельзя удивляться, ибо въ той же книгѣ и на основаніи такого же спекулятивнаго понятія, авторъ приходитъ къ выводу, что въ римскомъ наслѣдственномъ правѣ передача самаго имущества наслѣднику было дѣло побочное. Л. не только принимаетъ ложныя представленія римскихъ юристовъ, но прибавляетъ еще и свои.

При этихъ основныхъ началахъ цивилизація достигла въ своемъ развитіи такихъ результатовъ, до которыхъ никогда не дошло бы родовое общество. Но цивилизація достигла такихъ блистательныхъ результатовъ, поощряя самыя низкія наклонности и страсти человѣка на счетъ остальныхъ болѣе высокихъ его стремленій. Самая отвратительная алчность есть побудительная причина всѣхъ дѣйствій въ цивилизаціи, съ перваго дня ея и до нашего времени; богатство, и еще богатство, и богатство не всего общества, а отдѣльнаго индивида,—вотъ единственная цѣль цивилизаціи. И если на ея долю выпало прогрессивное развитіе науки, и если нѣкоторые періоды ея отличаются высокимъ состояніемъ искусства, то это лишь потому, что безъ нихъ нельзя было достичь подобнаго нынѣшнему развитія богатства.

Такъ какъ цивилизація основана на эксплоатаціи одного класса другимъ, то въ теченіе всего этого періода господствуетъ противорѣчіе въ общественныхъ отношеніяхъ. Всякій прогрессъ производства сопровождается регрессомъ въ положеніи рабочаго класса, т. е. большинства. Что благопріятствуетъ одному классу, то вредитъ другому; что способствуетъ независимости одного, то угнетаетъ другой. Разительный примѣръ этому введеніе машинъ, послѣдствія чего всѣмъ извѣстны. У варваровъ, какъ мы видѣли, права и обязанности были одинаковы для всѣхъ; въ цивилизаціи и слѣпой замѣтитъ, что всѣ права предоставлены одному классу, всѣ обязанности лежатъ на другомъ.

Но не всегда будетъ такъ. Что выгодно и полезно одному классу, должно быть выгодно и полезно всему обществу, и интересы правящаго класса сольются съ интересами всего общества. При дальнѣйшемъ развитіи цивилизаціи, она старается или скрыть неизбѣжно творимое ею зло подъ покровомъ фарисейской любви, или иначе его освѣтить, а часто совсѣмъ отрицаетъ существованіе этого зла; въ этомъ періодѣ цивилизаціи замѣчается конвенціонное лицемѣріе, котораго не знали ни въ прежнихъ фазахъ общественнаго развитія, ни на первыхъ порахъ цивилизаціи. Это лицемѣріе дозволяетъ себѣ

утверждать, что правящій классъ эксплоатируетъ угнетенный для его же пользы, и непризнаніе этого послѣднимъ и паче всего его возмущеніе противъ первыхъ есть черная неблагодарность противъ своихъ благодѣтелей эксплоататоровъ *).

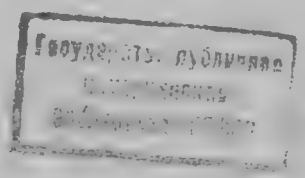
Въ заключеніе приведемъ сужденіе Моргана о цивилизаціи:

Съ наступленіемъ цивилизаціи ростъ богатства чрезмѣрно усилился, форма его стала весьма разнообразной, примѣненіе распространилось, распоряженіе имъ на пользу собственника обратилось въ тонкое искусство, вообще богатство пріобрѣло такую силу, *справиться съ которой народъ не въ состояніи. Человѣческій умъ безпомощенъ передъ своимъ же созданіемъ.* Но наступитъ время, когда человѣческій разумъ подчинитъ себѣ богатство, когда онъ установитъ отношеніе государства къ оберегаемой имъ собственности и опредѣлитъ границы правъ собственниковъ. Польза общества абсолютно первенствуетъ надъ пользой отдѣльныхъ лицъ, и интересы обоихъ должны быть справедливо удовлетворены. Если прогрессъ останется закономъ будущаго, какъ онъ былъ закономъ въ прошедшія времена, то погоня за богатствомъ не можетъ быть конечнымъ назначеніемъ человѣка. Время, прошедшее отъ начала цивилизаціи,—минимальная доля изъ прожитаго человѣчествомъ времени и минимальная доля того времени, которое ему предстоитъ прожить. Намъ угрожаетъ распаденіе нашего общественнаго строя, ликвидація историческаго періода, единственная цѣль котораго размноженіе бо-

*) Въ началѣ я имѣлъ въ виду, наряду съ замѣчаніями о цивилизаціи Моргана и моими, помѣстить блистательную критику этого періода, разсѣянную въ сочиненіяхъ Ш. Фурье. Но на это, къ сожалѣнію, недостало у меня времени. Замѣчу только, что Ф. считалъ за главные признаки цивилизаціи моногамію и личную поземельную собственность и называлъ ее войной богатыхъ противъ бѣдныхъ. У него же встрѣчаемъ весьма мѣткое замѣчаніе, что во всѣхъ расчленившихся на противоположные классы обществахъ хозяйственную единицу составляютъ отдѣльныя семьи (les familles incohérentes).

гатства, ибо въ нѣдрахъ такого общества развиваются элементы его распаденія. Демократія въ управленіи, братство въ обществѣ, равенство правъ, всеобщее образованіе поведутъ къ новой, высшей формѣ общественнаго строя, для установленія котораго неустанно трудятся опытъ, разумъ и наука.

„Снова возродятся, говоритъ Морганъ (Ап. Soc., 552), свобода, равенство и братство древняго родового быта, но уже въ высшихъ формахъ“.



8 р.

Продолжается подписка на 1906 годъ на новый еженедѣльный журналъ

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

50 томовъ 7 р. 50 к. безъ доставки.

Отдѣльныя книги выйдутъ подъ редакціей извѣстныхъ профессоровъ.

Журналъ *„Популярно-Научная Библіотека“* будетъ издаваться еженедѣльными томами въ 8—12 листовъ каждый, такъ что во всѣхъ *50 томахъ* „Библіотеки“ будетъ около *500 листовъ (8000 стр.)* убористой печати.

За 1 р. 50 к. высылаются для ознакомленія январскіе номера и при дальнѣйшей подпискѣ 1 руб. 20 коп. засчитывается въ подписн. плату.

№ 1. *Энгельсъ.* Происхожд. сем. госуд. и част. соб. (Пер. И. Дебу).
№ 2. *Ренанъ.* Жизнь Іисуса.
№ 3. *Ш. Энштейнъ.* Женщ. въ XIX ст. (Пер. А. Генкеля).
№ 4. *Рише.* Человѣкъ. (Подъ ред. акад. И. Тарханова).
№ 5. *Каутскій.* Экономич. уч. К. Маркса. (Пер. И. Дебу).

Въ теченіе 1906 года въ „Популярно-Научной Библіотекѣ“ будутъ помѣщены слѣдующія сочиненія *безъ сокращеній.*

Бернштейнъ, Э. Соціальн. проблемы.
Блосъ, В. Революція въ Германіи.
Вигуру, Л. Соц. эвол. въ Южн. Азіи.
Гартманъ, Э. Дарвинизмъ.
Гиво. Исторія цивилиз. во Франціи.
Гіо. Анарх. въ С.-Шт. Съв. Америки.
Зигфридъ. Демокр. въ Нов. Зеландіи.
Зомбартъ, В. Идеалы соц. политики.
Каутскій, К. Собраніе сочиненій.
Лассаль, Ф. Кап. и трудъ и др. соч.
Ле Бонъ, Г. Псих. законы эвол. нар.
Лихтенберже А. Философія Ницше.
Лавеле, Э. Современный соціализмъ.
Миль, Огюстъ Контъ и полож. фил.
Миль. О представительномъ правл.
Мильталеръ, Загадка прекраснаго.
Минье, Исторія французск. революціи.
Нордау, Н. М. Соціологич. парадоксы.
Пуанкаре. Наука и гипотеза.
Ренанъ, Э. Жизнь Іисуса.
Рескинъ, Д. Лекціи объ искусствѣ.
Рибо, Т. Болѣзни воли.
Рише, Ш. Человѣкъ. Психол. этюдъ.
Роско. Химія.
Токвиль, А. Старый порядокъ и рев.
Фламмаріонъ, К. Астрон. (Astron. des dames).
Флетчеръ. О государствѣ русскомъ.
Фюстель-де-Куланджъ. Гражд. общин античнаго міра.
Энгельсъ, Ф. Собраніе сочиненій.
Шлезингеръ-Энштейнъ. Женщ. въ XIX столѣтіи.
Штраусъ, Д. Вольтеръ. 6 лекцій.

Подписная цѣна на *Библіотеку* безъ доставки *7 р. 50 к.* и съ пересылкою *10 р.* Лицамъ, непосредственно обращающимся въ редакцію, *допускается разсрочка*; безъ пересылки: при подпискѣ 3 р., и затѣмъ 1-го марта, 1-го мая и 1-го іюля по 1 р. 50 к.; съ доставкою и пересылкою: при подпискѣ 4 р., а затѣмъ 1-го марта, 1-го мая и 1-го іюля по 2 рубля. Заграницу 16 р.

Подписка принимается въ *Главной Конторѣ* журнала (*Спб., Большая Пушкарская, 67*), а также и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, принимающихъ подписку на журналы.

Редакторъ-издатель: Ученый Лѣсоводъ *В. Григорьевъ.*

Типографія Спб. акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковскаго, 21.

8 р.

Продолжается подписка на 1906 годъ на новый еженедѣльный журналъ

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

50 томовъ 7 р. 50 к. безъ доставки.

Отдѣльныя книги выйдутъ подъ редакціей извѣстныхъ профессоровъ.

Журналъ *„Популярно-Научная Библіотека“* будетъ издаваться еженедѣльными томами въ 8—12 листовъ каждый, такъ что во всѣхъ *50 томахъ* „Библіотеки“ будетъ около *500 листовъ (8000 стр.)* убористой печати.

За 1 р. 50 к. высылаются для ознакомленія январскіе номера и при дальнѣйшей подпискѣ 1 руб. 20 коп. засчитывается въ подписн. плату.

№ 1. *Энгельсъ.* Происхожд. сем. госуд. и част. соб. (Пер. И. Дебу).
№ 2. *Ренанъ.* Жизнь Іисуса.
№ 3. *Ш. Энштейнъ.* Женщ. въ XIX ст. (Пер. А. Генкеля).
№ 4. *Рише.* Человѣкъ. (Подъ ред. акад. И. Тарханова).
№ 5. *Каутскій.* Эконом. уч. К. Маркса. (Пер. И. Дебу).

Въ теченіе 1906 года въ „Популярно-Научной Библіотекѣ“ будутъ помѣщены слѣдующія сочиненія *безъ сокращеній.*

Бернштейнъ, Э. Соціальн. проблемы.
Блосъ, В. Революція въ Германіи.
Вигуру, Л. Соц. эвол. въ Южн. Азіи.
Гартманъ, Э. Дарвинизмъ.
Гизо. Исторія цивилиз. во Франціи.
Гіо. Анарх. въ С.-Шт. Сѣв. Америки.
Зигфридъ. Демокр. въ Нов. Зеландіи.
Зомбартъ, В. Идеалы соц. политики.
Каутскій, К. Собраніе сочиненій.
Лассаль, Ф. Кап. и трудъ и др. соч.
Ле Бонъ, Г. Псих. законы эвол. нар.
Лихтенберже А. Философія Ницше.
Лавеле, Э. Современный соціализмъ.
Миль, Огюстъ Контъ и полож. фил.
Миль. О представительномъ правл.
Мильталеръ, Загадка прекраснаго.
Минье, Исторія французск. революціи.
Норлау, Н. М. Соціологич. парадоксы.
Пуанкаре. Наука и гипотеза.
Ренанъ, Э. Жизнь Іисуса.
Рескинъ, Д. Лекціи объ искусствѣ.
Рибо, Т. Болѣзни воли.
Рише, Ш. Человѣкъ. Психол. этюдъ.
Роско. Химія.
Токвиль, А. Старый порядокъ и рев.
Фламмаріонъ, К. Астрон. (Astron. des dames).
Флетчеръ. О государствѣ русскомъ.
Фюстель-де-Куланжъ, Гражд. общин античнаго міра.
Энгельсъ, Ф. Собраніе сочиненій.
Шлезингеръ-Энштейнъ. Женщ. въ XIX столѣтіи.
Штраусъ, Д. Вольтеръ. 6 лекцій.

Подписная цѣна на *Библіотеку* безъ доставки *7 р. 50 к.* и съ пересылкою *10 р.* Лицамъ, непосредственно обращающимся въ редакцію, *допускается разсрочка*; безъ пересылки: при подпискѣ 3 р., и затѣмъ 1-го марта, 1-го мая и 1-го іюля по 1 р. 50 к.; съ доставкою и пересылкою: при подпискѣ 4 р., а затѣмъ 1-го марта, 1-го мая и 1-го іюля по 2 рубля. Заграницу 16 р.

Подписка принимается въ *Главной Конторѣ* журнала (*Спб., Большая Пушкарская, 67*), а также и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, принимающихъ подписку на журналы.

Редакторъ-издатель: Ученый Лѣсоводъ *В. Григорьевъ.*

Типографія Спб. акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковскаго, 21.